

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

36 2026
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 36 (639) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Леонид Абрамович Венгер* (1925–1992), советский психолог.

Леонид Абрамович Венгер родился в Харькове. Большую роль в его воспитании сыграла старшая сестра Александра Абрамовна Венгер, которая впоследствии стала детским психологом и дефектологом.

Сразу после окончания школы Венгер попал на фронт, где служил в пехоте, принимал участие в боевых действиях, был ранен и награжден медалями. После Великой Отечественной войны он поступил в МГУ на философский факультет, где познакомился с Александром Владимировичем Запорожцем, Алексеем Николаевичем Леонтьевым, Александром Романовичем Лурией и другими выдающимися психологами. По окончании университета по распределению он уехал в Таджикистан, где работал учителем литературы в школе, а потом преподавал в университете.

Параллельно с педагогической деятельностью Венгер работал над кандидатской диссертацией на тему «Восприятие отношений (на материале иллюзий тяжести и величины)», которая была успешно защищена в 1955 году. Спустя два года ученый стал заведующим кафедрой педагогики и психологии в Педагогическом институте города Ленинабада (Таджикистан).

В 1960 году по приглашению Александра Запорожца Леонид Абрамович переехал в Москву и сосредоточился на научной работе в Институте дошкольного воспитания АПН СССР.

В 1967 году вышла его книга (в соавторстве с А. В. Запорожцем, В. П. Зинченко и А. Г. Рузской) «Восприятие и действие». В следующем году он защитил докторскую диссертацию «Развитие восприятия и сенсорное воспитание в дошкольном возрасте», а затем издал монографию «Восприятие и обучение (дошкольный возраст)». Всем этим работам предшествовал целый ряд экспериментов и наблюдений за процессом формирования различных перцептивных действий у детей.

В 1970-е годы круг учеников и сотрудников Венгера в лаборатории психологии дошкольника существенно расширился. Кроме того, Леонид Абрамович побывал в годовой командировке на Кубе, что привело к появлению его учеников и в этой стране, с которыми впоследствии он поддерживал связь по переписке. Расширение штата лаборатории дало Венгеру возможность работать сразу в двух направлениях.

Во-первых, он и его ученики изучали формирование сенсорных способностей. Результатом этой работы стала книга «Генезис сенсорных способностей» (1976).

Во-вторых, под его руководством разрабатывался цикл диагностических методик для дошкольников. Огромный труд, приведший к созданию тщательно апробированной и стандартизированной тестовой системы, реализовался

в книге «Диагностика умственного развития дошкольников» (1978). Диагностическая система, разработанная Венгером, доказала свою эффективность и до сих пор используется в детских садах.

В 1980-е годы усилия Леонида Абрамовича и его сотрудников были направлены на изучение структуры общих познавательных способностей. Этот цикл исследований отражен в коллективной монографии 1986 года «Развитие познавательных способностей в процессе дошкольного воспитания». Предложенная ученым разносторонняя программа образования дошкольников была направлена не на то, чтобы снабдить их знаниями, умениями и навыками, а на их подлинное развитие, на формирование способностей. Овладение действиями наглядного моделирования приводит к развитию общих способностей ребенка. Набор игр и заданий для родителей и воспитателей был представлен в серии книг для родителей «Домашняя школа мышления» (1982–1985), а также в пособии «Игры и упражнения по развитию умственных способностей у детей дошкольного возраста» (1989).

В последние годы жизни Леонид Абрамович продолжал свои наблюдения за дошкольниками, обучаясь по экспериментальной программе. Полученные результаты показывали ее эффективность. В дальнейшем на ее основе была разработана программа для детских садов «Развитие». В 1996 году, уже после смерти Леонида Абрамовича, эта программа под редакцией его ученицы О. М. Дьяченко была удостоена премии Правительства Российской Федерации в области образования.

Леонид Абрамович был блестящим лектором. Он преподавал в МГПИ им. В. И. Ленина на факультете дошкольного воспитания, а затем и в МГУ им. М. В. Ломоносова на факультете психологии.

Разработанные ученым и его учениками методики и программы и сейчас используются во многих образовательных учреждениях не только в России, но за ее пределами, что говорит о большом потенциале этих разработок для развития дошкольников. Это связано главным образом с тем, что Леонид Абрамович не позволял что-либо утверждать бездоказательно. Все положения его теории основывались на многочисленных экспериментах и многократно обсуждались в кругу его учеников и коллег.

Еще одно направление исследований Венгера в 1980-е годы касалось выявления одаренных детей и работы с ними. Программа «Одаренный ребенок» (1995) и книга «Одаренный ребенок» (1997) были опубликованы уже после смерти автора.

Скончался Леонид Абрамович 17 июня 1992 года. Похоронен в Москве на Донском кладбище.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ивашков Д. С.

Нецелевое использование бюджетных средств: проблемы правовой квалификации и разграничения смежных нарушений69

Ивашков Д. С.

Бюджет и бюджетный процесс: содержание, признаки и соотношение.....75

Казачков К. Л.

Актуальные проблемы охраны труда79

Карманов Ю. Р.

Проблемы правового регулирования противодействия коррупции в органах внутренних дел80

Клишина А. С.

Особенности моделей государственного регулирования банковской деятельности в государствах — участниках ЕАЭС83

Кобозева Е. Ю.

Эволюция уголовной ответственности за убийство по найму.....87

Козлов М. А.

Особенности и современные тенденции правового регулирования охраны всемирного культурного и природного наследия.....89

Лазарев А. К.

Обязанность собственника земельного участка по содержанию имущества общего пользования: основание возникновения и определение размера платы.....91

Лампежева А. М.

Проблема определения автора произведения, созданного с использованием технологий искусственного интеллекта96

Левченко Л. С.

Цифровизация таможенных процедур: проблемы и перспективы98

Майданевич Ю. П.

Правовое регулирование платформенной экономики: баланс интересов участников и новые вызовы для предпринимательства 100

Мамиров У. З.

Проблемы правового регулирования института необходимой обороны при семейном (бытовом) насилии в Узбекистане 103

Микитина Г. С.

Уголовно-правовая характеристика доведения до самоубийства: проблемы квалификации 106

Назарова А. А.

Порядок производства освидетельствования в досудебном производстве по уголовным делам и в судебных стадиях..... 110

Нестеренко А. В.

Роль адвоката в доказывании: правовые рамки и реальные трудности..... 112

Романенко М. Г.

Направления совершенствования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях 114

Романова А. А.

Проблемы разграничения похищения человека и незаконного лишения свободы 117

Семенов В. С.

Некоторые процессуальные проблемы установления отцовства умершего лица в судебном порядке..... 120

Собковская Е. Н.

Административно-правовые механизмы осуществления контроля за деятельностью органов местного самоуправления 123

Федорова Э. А.

Совершенствование системы мер предупреждения насильственной преступности среди несовершеннолетних в России 126

Шарин К. Е.

Использование государственным обвинителем результатов оперативно-розыскной деятельности 128

Шарин К. Е.

Правовой статус результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании..... 130

Юмадилова А. А.

Гарантии обеспечения прав участников
уголовного судопроизводства в ходе
судебного разбирательства 131

ИСТОРИЯ

Степанюк М. С.
Соляная промышленность г. Славянска
в конце XIX — начале XX века: к 381-й
годовщине города 135

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Нецелевое использование бюджетных средств: проблемы правовой квалификации и разграничения смежных нарушений

Ивашков Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры
Липецкий филиал Московского финансово-юридического университета (МФЮА)

Научный руководитель: Кожушная Кристина Анатольевна, кандидат политических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается нецелевое использование бюджетных средств как самостоятельный вид бюджетного нарушения и объект административно-правового исследования. Анализируются его содержание, объект, предмет, объективная и субъективная стороны, а также особенности определения круга ответственных лиц. Особое внимание уделяется разграничению нецелевого расходования с неэффективным использованием средств, нарушениями законодательства о закупках, нарушением условий предоставления субсидий и хищением бюджетных ресурсов. Обосновывается, что квалификация нецелевого использования не может основываться только на формальном несоответствии бюджетной документации или кода бюджетной классификации. Для правовой оценки необходимо сопоставить правовое основание предоставления средств, установленную цель финансирования и содержание фактически произведённых расходов. Отдельное внимание в статье уделено вопросам неопределённости бюджетных назначений, которые возникают из-за общих формулировок в нормативных актах и соглашениях. Обосновывается важность чёткого разграничения таких смежных бюджетных нарушений, как нецелевого, неэффективного и иного неправомерного расходования бюджетных средств. В статье делается вывод о необходимости согласования норм бюджетного, административного и уголовного законодательства при квалификации бюджетных нарушений в целях применения соразмерных мер ответственности.

Ключевые слова: нецелевое использование бюджетных средств, бюджетное нарушение, административная ответственность, уголовная ответственность, правовая квалификация, неэффективное расходование, нарушение законодательства о закупках, субсидии, хищение бюджетных средств, правовая определённость, меры бюджетного принуждения.

Нецелевое использование бюджетных средств относят к самостоятельным бюджетным нарушениям, прямо установленным в бюджетном законодательстве. Анализ вопросов правовой квалификации нецелевого использования бюджетных средств имеет значение для бюджетного, административного и, при наличии признаков состава преступления, уголовного права.

С точки зрения административного права нецелевое расходование бюджетных средств нарушает порядок формирования, распределения и использования публичных финансов. Бюджетные средства предоставляются для таких конкретных задач, как выплаты зарплат, строительства объектов, реализации социальных программ и развития инфраструктуры. Их направление на другие нужды означает отступление не только от требований финансовой дисциплины, но и от решения, которым были определены приоритеты бюджетного финансирования.

Общественная опасность нецелевого расходования проявляется в том, что бюджетные средства перестают

обеспечивать задачу, для которой были выделены. Это может вызвать нехватку финансирования в образовании, здравоохранении и других социально значимых сферах, снизить результативность государственных программ, затруднить исполнение публичных обязательств. Систематические и крупные бюджетные нарушения усиливают коррупционные риски, нарушают установленный порядок предоставления государственной поддержки и создают условия для неправомерного использования средств организациями, получающими бюджетное финансирование. Выявление фактов нецелевого использования бюджетных средств снижает доверие граждан к органам власти и ослабляет авторитет государственных институтов [1].

Нецелевое использование бюджетных средств относится к числу наиболее значимых бюджетных нарушений, поскольку затрагивает один из базовых принципов адресности и целевого характера бюджетного финансирования, что закреплено в статье 38 Бюджетного кодекса Россий-

ской Федерации (далее — БК РФ) [2]. Средства бюджета могут предоставляться и использоваться только с указанием конкретной цели, определённой соответствующим правовым основанием. Нарушение возникает тогда, когда фактические расходы расходятся с установленным назначением средств.

Понятие бюджетного нарушения закреплено в статье 306.4 БК РФ. Согласно данной норме, нецелевое использование бюджетных средств имеет место, если средства потрачены не на ту цель или не по тому направлению, которые указаны в законе, сводной и бюджетной росписи, лимитах бюджетных обязательств, бюджетной смете, соглашении или договоре, другом правовом документе, который является основанием для предоставления финансирования. При этом не имеет значения, полностью или только частично деньги использованы на другую цель. В обоих случаях расходование может быть признано нецелевым.

Квалификация бюджетного нарушения зависит от того, какое правило было нарушено, на какой стадии бюджетного процесса это произошло, на каком основании предоставлены средства и соответствуют ли фактические расходы их установленной цели. Квалификация деяния как нарушения в бюджетной сфере предполагает в первую очередь применение норм БК РФ и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [3]. Если в действиях лица усматриваются признаки преступления, к оценке ситуации дополнительно привлекаются положения Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [4].

Виды бюджетных нарушений закреплены в главе 30 БК РФ. Бюджетный кодекс в статье 306.2 определяет и бюджетные меры принуждения, которые могут применяться за совершение бюджетного нарушения, которое прямо предусмотрено главой 30 БК РФ.

БК РФ также определяет, как исполняется бюджет, содержание бюджетных ассигнований и лимитов бюджетных обязательств, условия предоставления субсидий и межбюджетных трансфертов, а также полномочия органов финансового контроля.

Понятие бюджетного нарушения и его состав не полностью совпадают с общепринятой в правоведении конструкцией правонарушения. Это осложняет квалификацию таких деяний и применение соответствующих норм на практике. В теории права состав правонарушения включает четыре элемента: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Однако в части IV «Бюджетные нарушения и бюджетные меры принуждения» БК РФ используется только термин «бюджетное нарушение». Понятие «бюджетное правонарушение» в БК РФ не закреплено. Это вызывает вопросы при определении природы и структуры соответствующих нарушений. А также порождает правовые коллизии в сфере бюджетных нарушений. Различие между понятиями «бюджетное нарушение», закреплённым в БК РФ, и «бюджетное правонарушение», используемым в КоАП РФ влияет на подход

к установлению вины как обязательному условию ответственности. В соответствии со статьями 2.1 и 2.2 КоАП РФ вина является необходимым элементом состава административного правонарушения. Однако положения БК РФ не всегда позволяют однозначно определить, как устанавливать вину при совершении бюджетного нарушения и требуется ли она для применения бюджетных мер принуждения. Такая несогласованность осложняет квалификацию деяний и выбор правовых последствий [5].

Состав бюджетного нарушения — это совокупность признаков, необходимых для привлечения лица к юридической ответственности. Применительно к нецелевому использованию бюджетных средств состав бюджетного нарушения включает объект, предмет, объективную и субъективную стороны, а также субъект нарушения.

Объектом являются отношения, обеспечивающие законное и целевое расходование публичных финансов. Нарушение затрагивает финансовые интересы государства или муниципального образования, исполнение бюджетных обязательств и реализацию государственных и муниципальных программ.

Предметом выступают бюджетные средства, предоставленные распорядителю, получателю или иному уполномоченному лицу для определённой цели. При этом значение имеет не только сумма финансирования, но и установленное назначение средств, от которого зависят допустимые направления расходов.

Объективная сторона выражается в совершении финансовой операции вопреки цели, закреплённой в законе, бюджетной росписи, соглашении, договоре или другом правовом основании. Это может быть оплата непредусмотренных товаров, работ или услуг, использование субсидии не по условиям соглашения, направление межбюджетного трансферта на другую задачу либо изменение назначения средств без необходимого согласования. Нарушение обычно считается оконченным с момента списания денег со счёта. Само планирование расходов или заключение договора ещё не означает нецелевого использования.

Субъектом может быть организация — получатель бюджетных средств, а также её должностное лицо, участвовавшее в принятии или исполнении финансового решения. На практике такими лицами чаще всего становятся руководитель и главный бухгалтер, если именно они подписали документы и распорядились средствами. К числу возможных субъектов относятся также распорядители бюджетных средств, казённые, бюджетные и автономные учреждения, получатели субсидий и межбюджетных трансфертов. Одного должностного статуса недостаточно. Необходимо установить полномочия конкретного должностного лица, участвовало ли должностное лицо в расходовании средств и могло ли предотвратить нарушение.

Субъективная сторона связана с отношением лица к совершённому расходу. Вина может выражаться в умысле или неосторожности, если это допускается при-

меняемой нормой. При умышленном нарушении лицо осознаёт, что направляет деньги на цель, не предусмотренную правовым основанием, и допускает либо желает наступления такого результата. Неосторожность может быть вызвана ошибкой в документах, неправильным толкованием условий финансирования, недостаточным контролем или несогласованностью действий подразделений. Цель и мотив обычно не определяют сам факт нецелевого использования, но могут учитываться при выборе меры ответственности. Для признания нарушения оконченным не всегда требуется установить реальный имущественный ущерб: во многих случаях достаточно самого расходования средств на ненадлежащую цель. Последствия имеют значение при оценке тяжести нарушения, решении вопроса о возмещении вреда и разграничении бюджетного нарушения, административного проступка и преступления [6].

Проблема множественности мер ответственности за нецелевое использование бюджетных средств заключается в том, что одно деяние может повлечь разные виды ответственности и несколько мер правового реагирования. В отдельных случаях меры ответственности за нецелевое использование бюджетных средств применяются одновременно. Контрольные механизмы при этом частично пересекаются. В результате возникают риск двойного наказания, разное толкование одних и тех же обстоятельств и неясность в порядке применения мер. К нарушителю могут одновременно или последовательно применяться бюджетные меры принуждения, административный штраф либо уголовное наказание. Это создаёт правовую неопределённость [7].

Проблема множественности мер ответственности за нецелевое использование бюджетных средств проявляется в таких взаимосвязанных характеристиках, как размытие границ между видами ответственности, сложности правоприменения и правовой неопределённости.

Наблюдается пробел в ситуации неурегулированности соотношения бюджетных, административных и уголовных санкций за одно деяние. Выявленный факт нецелевого расходования бюджетных средств может повлечь сразу несколько последствий. Сочетание таких мер ответственности правомерно только при наличии самостоятельных правовых оснований для каждой из них. При этом недопустимо дважды наказывать лицо за одно и то же правонарушение. Границы между данными видами ответственности не всегда очевидны.

В бюджетном праве мерами ответственности законодатель закрепил меры принуждения. В соответствии со статьёй 306.2 БК РФ в числе бюджетных мер принуждения могут применяться и бесспорное взыскание средств, и приостановление либо сокращение межбюджетных трансфертов. За то же деяние предусмотрены штраф или дисквалификация по статье 15.14 КоАП РФ. Бюджетные меры принуждения имеют финансово-правовую природу, тогда как административное наказание применяется в рамках производства по делу об административном

правонарушении при наличии состава, предусмотренного КоАП РФ.

Административная ответственность за нецелевое использование бюджетных средств предусмотрено статьёй 15.14 КоАП РФ, если в действиях отсутствуют признаки преступления. Ответственность по этой статье могут нести получатели бюджетных средств и их должностные лица. Для должностных лиц предусмотрены штраф или дисквалификация, для юридических лиц — штраф в размере от 5 до 25 % суммы нецелевых средств. При квалификации важно учитывать источник и правовой режим финансирования. Не все средства, которыми располагает учреждение, относятся к бюджетным. Доходы от приносящей доход деятельности имеют иной статус и сами по себе не образуют состава нецелевого использования бюджетных средств.

При наличии признаков преступления возможна ответственность по статье 285.1 УК РФ (штраф, принудительные работы, арест или лишение свободы). Уголовная ответственность наступает, в частности, при расходовании средств в крупном размере (свыше 1,5 млн рублей), особо крупном размере (свыше 7,5 млн рублей), а также при совершении деяния группой лиц по предварительному сговору.

Закон не устанавливает чёткого порядка соотношения бюджетных, административных и уголовных мер за один и тот же факт нецелевого расходования бюджетных средств. Остаётся неурегулированным вопрос о том, допустимо ли применять все меры ответственности одновременно или одна мера должна исключать другую. Наличие нескольких видов ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств само по себе обоснованно. Это позволяет учитывать размер нарушения и наступившие последствия. Критерии выбора конкретной меры ответственности нередко остаются неясными. На практике контролирующие органы иногда используют несколько видов ответственности параллельно, что создаёт риск несоразмерного наказания. Риск двойного наказания возникает, когда по результатам одной проверки за один эпизод вменяют несколько бюджетных нарушений. В такой ситуации необходимо применять правила о совокупности правонарушений, в том числе учитывать норму части 5 статьи 4.4 КоАП РФ [8].

Отдельные трудности вызывает разграничение административной и уголовной ответственности. Одним из главных критериев разграничения здесь является размер нецелевого расходования (более 1,5 млн рублей). На практике возникает вопрос о том, как оценивать несколько самостоятельных эпизодов нецелевого использования бюджетных средств, если каждый из них по отдельности не достигает порога уголовной ответственности, но в совокупности они превышают установленную в УК РФ сумму. Вопрос о возможности объединения таких эпизодов для квалификации по статье 285.1 УК РФ суды решают по-разному. Поэтому правоприменительная практика остаётся неоднородной. Это затрудняет применение нормы. Кроме

того, для привлечения к уголовной ответственности необходимо доказать прямой умысел на нецелевое использование бюджетных средств. Однако установить наличие такого умысла удаётся не при каждом выявленном нарушении.

При анализе проблемы множественности мер ответственности за нецелевое использование бюджетных средств выделяют конкуренцию административных составов при смежных нарушениях. При выявлении нецелевого расходования бюджетных средств одновременно могут быть выявлены в комплексе и другие нарушения бюджетного права. К наиболее распространённым бюджетным нарушениям, сопровождающим нецелевое расходование, относятся несоблюдение процедур закупок (глава 7 КоАП РФ), нарушения порядка бюджетного учёта и отчётности (статья 15.15.6 КоАП РФ), нарушения условий предоставления субсидий (статья 15.15.5 КоАП РФ). Одна и та же операция может одновременно подпадать под квалификацию по нескольким статьям КоАП. В такой ситуации необходимо установить, есть ли связь между выявленными нарушениями. Если связь установлена, то позволяет ли это сделать вывод о едином продолжаемом нарушении, или все выявленные нарушения образуют несколько самостоятельных составов. Применение отдельной меры ответственности за каждое из бюджетных нарушений может привести к несоразмерному наказанию. Суды применяют часть 2 статьи 4.4 КоАП РФ не всегда одинаково. Эта норма позволяет назначить наказание по статье, предусматривающей более строгую ответственность, если выявлено несколько правонарушений. Часть 5 той же статьи КоАП РФ также используется не во всех случаях. Она позволяет рассматривать несколько эпизодов, выявленных при одной проверке, как одно правонарушение. В результате суды иногда учитывают только количество нарушений, не разбираясь в их содержании.

При анализе множественности мер ответственности выявляется ещё один системный пробел в правоприменении. В законодательстве отсутствует легальное закрепление самостоятельной ответственности за неэффективное использование бюджетных средств, при формальном соблюдении их целевого назначения. Принцип эффективности закреплён в положении статьи 34 БК РФ. Однако самостоятельный состав нарушения принципа эффективности использования бюджетных средств ни в КоАП РФ, ни в УК РФ не закреплён. В результате складывается ситуация, когда факты завышения цены, оплаты невыполненных работ или необоснованные переплаты при их формальном соответствии целевым назначениям трат бюджетных средств, не позволяют привлечь виновное лицо к административной или уголовной ответственности. В таких случаях применяются бюджетные меры, например, предписание о возмещении ущерба. Если же неэффективные расходы выявлены вместе с нецелевым использованием средств, контролирующие органы иногда пытаются квалифицировать их по

статье 306.4 БК РФ. Такой подход смешивает разные нарушения и может привести к ошибочной правовой оценке при квалификации деяния.

Квалификацию нецелевого расходования бюджетных средств дополнительно осложняет использование контролирующими органами понятия «неправомерное использование бюджетных средств». Данный термин не имеет легального закрепления ни в бюджетном, ни в административном или уголовном законодательстве. На практике понятие «неправомерное использование бюджетных средств» применяют как общее обозначение бюджетных нарушений, которые нельзя однозначно отнести к конкретному предусмотренному законом составу. Нецелевое использование рассматривается как один из видов неправомерного расходования бюджетных средств. Такой подход закреплён в Методических рекомендациях Минфина России, утверждённых приказом от 30 ноября 2023 г. № 532 [9]. Аналогичная позиция изложена в письме Федерального казначейства от 14 июня 2023 г. № 07-04-05/21-16264 [10].

Использование в правоприменительной практике дефиниции «неправомерное использование бюджетных средств» можно охарактеризовать двояко. С одной стороны, применение данного термина позволяет восполнять пробелы, поскольку учитывает нарушения, которые наносят ущерб публичным финансам, но при этом не могут быть квалифицированы как правонарушение, поскольку не соответствуют признакам конкретного состава. С другой стороны, отсутствие в законодательстве чётких критериев дефиниции «неправомерное использование бюджетных средств» порождает правовую неопределённость. Например, юридические лица испытывают затруднения в прогнозировании правовых последствий собственных действий. Контролирующие органы получают широкие возможности для усмотрения, что повышает риск произвольного применения мер реагирования. В результате организации и учреждения нередко оспаривают предписания, на основании того, что квалификация нарушения формулируется чрезмерно широко [8].

Для устранения проблемы необходимо законодательно закрепить критерии разграничения неправомерного, нецелевого и неэффективного использования бюджетных средств, а также определить последствия каждого из этих нарушений. Точное разграничение неправомерного, нецелевого и неэффективного расходования необходимо для правильной квалификации нарушения. Эти нарушения имеют разную правовую природу и влекут разные последствия. Нецелевое и неэффективное расходование бюджетных средств имеют разное содержание. В первом случае деньги направляются не на ту цель, которая установлена бюджетом, соглашением или иным основанием финансирования. Во втором цель формально сохраняется, но выбранный способ её достижения оказывается неоправданным и нарушается принцип эффективности (статья 34 БК РФ). Это приводит к чрезмерным или экономически необоснованным расходам, которые не дают

ожидаемого результата. Нецелевой расход нельзя автоматически признавать неэффективным и наоборот. Иначе нарушается принцип законности и расширяется применение мер ответственности. Нецелевое использование может повлечь бюджетные меры принуждения, административную или, при наличии соответствующих признаков, уголовную ответственность. Неэффективность расходов сама по себе не всегда образует состав правонарушения и чаще требует финансовой оценки, предписания об устранении недостатков или иных контрольных мер. Их разграничение позволяет точнее оценивать действия участников бюджетного процесса и применять к ним соответствующие меры.

Для правильной квалификации нарушения нецелевое использование бюджетных средств необходимо отличать от их хищения. При нецелевом расходовании деньги направляются на публичную, но не предусмотренную правовым основанием цель. Например, для финансирования другой государственной или муниципальной задачи. Кроме того, средства, использованные нецелевым образом, как правило не поступают самому нарушителю или иным частным лицам.

Хищение предполагает корыстное изъятие либо обращение чужого имущества в пользу виновного или третьих лиц. Для его квалификации необходимо установить следующие обстоятельства: корыстную цель, способ завладения средствами, размер ущерба и другие признаки конкретного преступления. В бюджетной сфере перечисленные действия могут образовывать состав мошенничества (статья 159 УК РФ) либо присвоения или растраты (статья 160 УК РФ), в том числе с использованием служебного положения. При этом, само по себе расходование средств не по назначению не доказывает факт хищения. Именно поэтому при квалификации деяния важно установить, произошло ли только изменение цели финансирования или средства были обращены в пользу конкретных лиц. Смещение этих нарушений приводит к необоснованному применению уголовной ответственности [11].

Нецелевое использование бюджетных средств следует отличать не только от хищения, но и от нарушений законодательства о закупках. Это самостоятельные виды правонарушений, квалификация которых проводится по разным основаниям, для которых применяются разные критерии оценки и меры ответственности. В первом случае оценивается назначение расходов, во втором — соблюдение установленной закупочной процедуры.

При нецелевом расходовании проверяют соответствует ли использование бюджетных средств установленному назначению. Если деньги направлены на другую задачу, нарушение считается совершённым с момента их списания со счёта. При проверке процедуры проведения закупок устанавливается, соблюдены ли требования Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ [12]. Ответственность за нарушения в сфере закупок установлена санкциями статей 7.29–7.30 КоАП РФ. Оцениваются выбор способа определения поставщика, сроки разме-

щения информации, требования к участникам, порядок заключения и изменения контракта, оформление документов и приёмка товаров, работ или услуг. Выявленный факт нарушения закупочной процедуры сам по себе не свидетельствует о факте нецелевого использования бюджетных средств. Например, контракт может быть заключён с нарушением закона, но приобретённые товары или выполненные работы соответствуют цели финансирования. Возможна и ситуация, когда закупка проведена правильно, но бюджетные средства потрачены на другую цель. В таких случаях выявленные нарушения рассматриваются отдельно и могут повлечь разные меры ответственности.

Юридическую квалификацию нецелевого расходования субсидий относят к одной из наиболее сложных проблем бюджетного права. Для её решения необходимо учитывать положения БК РФ, прежде всего статьи 306.4, а также сложившуюся судебную практику. Бюджетное законодательство основывается на принципе адресного и целевого использования средств. При проверке есть ли признаки нецелевого расходования субсидий необходимо сопоставить фактические расходы с назначением, указанным в законе о бюджете, смете или соглашении, оценить обстоятельства дела и установить, действовал ли получатель недобросовестно. Разграничение допустимых и неправомерных расходов требует анализа конкретных обстоятельств дела. Субсидия — это безвозмездное и обычно безвозвратное бюджетное финансирование, которое предоставляется для конкретной цели и на определённых условиях. Получателями субсидий могут быть государственные и муниципальные учреждения, организации, индивидуальные предприниматели и физические лица. Для каждой группы действуют свои правила. Основным документом для анализа служит соглашение о предоставлении субсидии, где как правило указаны цель финансирования, ожидаемые результаты и показатели, допустимые расходы, сроки использования денег и порядок отчётности [13]. При проверке учитывается не только целевое направление расходов, но и достижение установленных результатов, соблюдение сроков и представление отчётности. Невыполнение показателя предусмотренных результатов ещё не доказывает нецелевого использования средств. Целевое направление расходов и достижение результата относятся к разным требованиям. Поэтому каждое отклонение необходимо оценивать отдельно. В некоторых случаях они образуют самостоятельные нарушения [14].

Квалификацию бюджетных нарушений осложняет недостаточно точное определение целей финансирования. В законах, подзаконных актах и соглашениях нередко используются общие формулировки: «на развитие социальной сферы», «в рамках программы», «на иные цели» и др. Термины общего характера не позволяют точно установить, какие расходы допустимы, а какие уже выходят за пределы установленного назначения [15]. Из-за этого трудно определить границы допустимых расходов и уста-

новить момент, когда использование средств становится нецелевым.

Неопределённость также может возникнуть при расходовании между актами разных уровней (БК РФ, федеральными и региональными законами, муниципальными актами, условиями соглашений и пр.). Дополнительные сложности связаны с изменением бюджетных программ и социально-экономической ситуации. Законодатель не может заранее описать все возможные способы использования средств, поэтому появляются пограничные случаи, в которых трудно отличить допустимое управленческое решение от нецелевого расходования. Такая ситуация затрагивает и получателей средств, и контролирующие органы. Руководитель учреждения не всегда может предвидеть, будет ли обоснованное отклонение от буквальной формулировки документа признано нарушением. Прове-

ряющим, в свою очередь, приходится оценивать, сохранилась ли первоначальная цель финансирования или она была заменена другой.

Дальнейшее развитие вопросов регулирования должно быть связано с более точным разграничением нецелевого, неэффективного и неправомерного использования бюджетных средств и с переходом от формальной оценки к анализу конкретных обстоятельств дела.

Нецелевое использование бюджетных средств нельзя сводить к технической ошибке в финансовых документах. Оно нарушает установленный порядок управления публичными ресурсами и препятствует достижению целей, ради которых бюджетное финансирование было предусмотрено. Именно поэтому данная категория имеет значение не только для определения вида ответственности, но и для оценки эффективности государственного управления

Литература:

1. Гавриш, А. Е. Актуальные проблемы квалификации нецелевого использования бюджетных средств / А. Е. Гавриш. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 16 (619). — С. 259–263.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 25. Ст. 2954.
5. Жужукин, К. А. Общие вопросы нецелевого использования бюджетных средств / К. А. Жужукин, Т. К. Сацкевич. — Текст: непосредственный // Вестник науки. — 2024. — № 12 (81). Том 4. — С. 636–642.
6. Жужукин, К. А. Актуальные вопросы ответственности за нецелевое использование бюджетных средств / К. А. Жужукин, Т. К. Сацкевич. — Текст: непосредственный // Вестник науки. — 2024. — № 12 (81). Том 4. — С. 628–635.
7. Крохина, Ю. А. Нецелевое использование бюджетных средств: проблемы законодательного обеспечения и право применения / Ю. А. Крохина. — Текст: непосредственный // Российский научный вестник. — 2025. — № 4. — С. 58–63.
8. Нашатынская, Е. А. Практика применения мер ответственности за нецелевое использование бюджетных средств / Е. А. Нашатынская. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 52 (603). — С. 239–243.
9. Приказ Минфина России от 30.11.2023 г. № 532 «Об утверждении методических рекомендаций по оценке действий объекта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля в целях подтверждения признаков неправомерного, неэффективного использования бюджетных средств и определения их последствий» // СПС Гарант: [сайт]. — URL: <https://internet.garant.ru/#/document/408241843/paragraph/283:5> (дата обращения: 29.08.2026).
10. Письмо Федерального казначейства от 14.06.2023 г. N 07–04–05/21–16264 «О направлении подходов к определению неправомерного использования бюджетных средств» // СПС Гарант: [сайт]. — URL: <https://internet.garant.ru/#/document/407494919/paragraph/1:6> (дата обращения: 29.08.2026).
11. Фарахиева, Г. Р. Особенности выявления и раскрытия преступлений, связанных с хищением бюджетных средств / Г. Р. Фарахиева. — Текст: непосредственный // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2024. — N 1 (103). — С. 129–138.
12. Федеральный закон от 05.04.2013 г. N 44-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. N 14. Ст. 1652.
13. Монгуш, А. Л. Субсидии, как инструмент государственной поддержки / А. Л. Монгуш, А. В. Куулар. — Текст: непосредственный // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. — 2025. — № 2. — С. 34–44.
14. Башуров, В. Б. Финансовая ответственность публично-правовых образований при невыполнении ими условий соглашений о предоставлении межбюджетных субсидий / В. Б. Башуров. — Текст: непосредственный // Сибирское юридическое обозрение. — 2025. — Т. 22 № 3. — С. 388–402.

15. Агеев, Д. В. Практика признания нарушений в расходовании средств субсидии на финансирование выполнения государственного (муниципального) задания нецелевым использованием бюджетных средств / Д. В. Агеев. — Текст: непосредственный //Финконтроль: журнал о финансовом контроле и аудите. — 2020. — № 3.

Бюджет и бюджетный процесс: содержание, признаки и соотношение

Ивашков Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры

Липецкий филиал Московского финансово-юридического университета (МФЮА)

Научный руководитель: Кожушная Кристина Анатольевна, кандидат политических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются бюджет и бюджетный процесс как взаимосвязанные категории бюджетного права. Раскрываются содержание и основные признаки бюджета, его значение в организации публичных финансов и реализации задач государства и местного самоуправления. Анализируются стадии бюджетного процесса. Особое внимание уделяется разграничению бюджета как финансового плана и бюджетного процесса как установленной законом деятельности по его формированию, реализации и оценке. Показана связь бюджетного процесса с административным правом, выраженной в регулировании компетенции органов публичной власти, порядка принятия управленческих решений, исполнения бюджетных назначений и финансового контроля. Обосновывается вывод о том, что бюджет и бюджетный процесс образуют единую систему, в которой бюджет выступает содержанием и результатом финансового планирования, а бюджетный процесс — механизмом его юридического оформления и практического исполнения.

Ключевые слова: бюджет, бюджетный процесс, бюджетное право, административное право, бюджетная система, бюджетное планирование, исполнение бюджета, финансовый контроль, бюджетная отчётность.

Категории «бюджет» и «бюджетный процесс» относятся к числу базовых понятий бюджетного права и определяют содержание публично-финансовой деятельности государства и муниципальных образований. Через бюджет государство распределяет публичные доходы и финансирует выполнение своих функций. Посредством бюджетного процесса организуются подготовка, утверждение, исполнение и контроль за исполнением соответствующего финансового плана. Для административного права данная тема имеет особое значение, поскольку бюджетная деятельность осуществляется преимущественно органами публичной администрации. В ней сочетаются финансово-правовое регулирование, административные процедуры, властные полномочия, контрольные отношения и ответственность за нарушение бюджетного законодательства.

Бюджет — базовая дефиниция, фундаментальная категория, на основе которой формируется собственно бюджетное право как таковое. Ряд исследователей утверждают, что наличие у любого публично-правового образования, в первую очередь, государства, собственного бюджета, а также правомочий самостоятельного определения особенностей и структурного построения налоговой системы, свидетельствует о таком понятии, как финансовый суверенитет, которым обладает государство [1, с 5].

В материальном аспекте бюджет традиционно принято характеризовать как централизованный государственный или муниципальный фонд денежных средств, который управляется публичными государственными органами

(как находящегося в его ведении) и является составной частью всей государственной финансовой системы. Также бюджет может рассматриваться как составной элемент казны, легитимную характеристику которой устанавливает Гражданский кодекс РФ в нормах статьи 214 [2], согласно которой казна включает в своем составе как средства соответствующего бюджета, так и иное имущество государственного или муниципального подчинения, при фактическом не закреплении такого имущества за государственными (муниципальными) предприятиями и учреждениями [3].

В понятии бюджета можно выделить его двойственную природу. Бюджет сочетает экономическое и правовое содержание. Его особенность заключается в том, что он одновременно является и финансовым инструментом, и официальным документом. С экономической точки зрения, бюджет представляет собой централизованный денежный фонд, который объединяет все финансовые ресурсы государства или муниципалитета. Бюджет регулирует процесс формирования и использования общественных финансов. В юридическом смысле бюджет выступает как установленная законом форма образования и расходования денежных средств для выполнения государственных функций или задач муниципального образования. Это своего рода финансовый план, определяющий, как и на что будут потрачены деньги.

В результате можно рассматривать бюджет с разных сторон, с учётом присущей ему многогранности. Бюджет это и источник публичных финансов, и структура доходов

и расходов, и инструмент планирования, и правовой акт, и часть бюджетной системы, и способ реализации государственной политики. Ни один из этих подходов не может полностью раскрыть содержание дефиниции бюджета полностью. Экономическая составляющая показывает движение денежных средств. Правовая составляющая очерчивает пределы и условия формирования и расходования денежных средств.

Нормативно законодатель закрепил понятия бюджета в статье 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее — БК РФ) [4]. Бюджет определяется как форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления. Существование государственного бюджета объективно обусловлено необходимостью выполнения государством присущих ему функций, что прослеживается по структуре бюджетных расходов, которые утверждаются в законе федерального уровня, как например Федеральный закон от 28.11.2025 г. № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» [5] либо в законе уровня субъекта РФ, как например, Закон Липецкой области от 12.12.2025 г. N 722-ОЗ «Об областном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» [6], а также решение о местном бюджете, принимаемом и утверждаемом представительным органом местного самоуправления, после чего бюджет обретает правовую форму, приобретая юридическую силу с момента утверждения соответствующего нормативного правового акта.

Определение бюджета, закреплённое в Бюджетном кодексе РФ, позволяет выделить несколько его существенных характеристик: публичное назначение, денежную основу, плановость, правовую оформленность, адресность, срочность, распределительную функцию и подчинённость финансовому контролю.

Бюджет обеспечивает реализацию полномочий конкретного публично-правового образования. Именно поэтому бюджет нельзя сводить к обычному финансовому плану организации.

Бюджетные доходы формируются главным образом за счёт обязательных платежей. Расходы бюджета направляются на решение таких общесоциальных задач, как финансирование образования, здравоохранения, обороны, социальной поддержки, государственного управления и иных публичных направлений.

Бюджет принимается на очередной финансовый год и плановый период. Он приобретает обязательную силу в установленной законом форме. Федеральный бюджет утверждается федеральным законом, региональный — законом субъекта РФ, муниципальный — решением представительного органа. После утверждения предусмотренные в нём доходы и расходы приобретают обязательное значение, а использование средств допускается только в установленных пределах и по определённым (адресному) назначению. Распределение бюджетных средств осуществляется между конкретными распорядителями

и получателями. Нарушение целевого характера бюджетных расходов может повлечь меры бюджетного принуждения и другие предусмотренные законом последствия.

По окончании финансового периода подводятся итоги исполнения бюджета и формируются показатели на следующий цикл. Распределение средств между отраслями, территориями, уровнями публичной власти и социальными группами отражает не только финансовые возможности государства, но и выбранные им политические приоритеты.

Соблюдение законности, целевого назначения и требований к результативности расходов обеспечивается государственным и муниципальным финансовым контролем.

Бюджет выполняет также управленческую функцию. Через него определяются приоритеты публичной политики, финансируются государственные программы и социально значимые услуги, обеспечивается деятельность органов власти и учреждений, а также регулируется социально-экономическое развитие территорий. Поэтому его реализация непосредственно связана с административным правом, которое закрепляет компетенцию публичной администрации, порядок принятия финансово-управленческих решений, исполнения бюджета и применения мер реагирования [7].

Бюджетный процесс представляет собой регламентированную нормами бюджетного права деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления и иных участников по составлению и рассмотрению проектов бюджетов, их утверждению и исполнению, а также по контролю за исполнением и утверждению бюджетной отчётности. В отличие от бюджета как результата финансового планирования бюджетный процесс характеризует деятельность, посредством которой этот результат создаётся, реализуется и оценивается. Бюджетный процесс включает не только последовательность формальных процедур. Он представляет собой систему властно-организационных действий, в рамках которых распределяются полномочия, принимаются обязательные решения и осуществляется контроль за публичными финансовыми ресурсами.

У бюджетного процесса есть ряд характерных особенностей, которые выделяют его на фоне других видов финансовой деятельности. Бюджетному процессу присущи специфические признаки.

Нормативная регламентация предполагает, что все основные действия участников бюджетного процесса строго основаны на законе и подчинены нормам права, прежде всего БК РФ. Законодательство детально прописывает не только последовательность этапов, но и конкретные сроки для каждого шага. Законодательная регламентированность. Бюджетный процесс строго подчинён нормам права, прежде всего Бюджетного кодекса РФ. Законодательство детально прописывает не только последовательность этапов, но и конкретные сроки для каждого шага.

К признаку бюджетного процесса относится единый подход на всех уровнях. Требования к организации бюд-

жетного процесса едины независимо от того, идёт ли речь о федеральном бюджете, бюджете субъекта РФ или местном бюджете. Базовые принципы и процедуры устанавливаются на федеральном уровне и применяются повсеместно.

В бюджетном процессе задействован строго определённый круг субъектов (Президент РФ, законодательные и исполнительные органы власти, органы финансового контроля, главные распорядители бюджетных средств, администраторы доходов и другие), которые вовлечены в финансовую деятельность, обладают различным объёмом полномочий и выполняют неодинаковые функции. Законность бюджетного управления зависит от правильного распределения полномочий и соблюдения их пределов. Для каждого из субъектов участников бюджетного процесса законодатель закрепил конкретизированные полномочия, которые реализуются на определённой стадии. Право на осуществление полномочий возникает у участников бюджетного процесса только после включения сведений о них в специальный реестр таких участников.

Цикличность (стадийность) как признак бюджетного процесса проявляется в чётких временных рамках в которых развиваются конкретные, последовательно сменяющие друг друга этапы. После завершения одного цикла (например, финансового года) начинается новый — с этапа составления проекта бюджета. Длительность всего цикла (от начала до утверждения отчёта) составляет около трёх с половиной лет.

Специфика целей и задач бюджетного процесса направлены не просто на распределение денег, а на реализацию государственной или муниципальной политики. Это характеризует такой признак бюджетного процесса как публичность, поскольку бюджет затрагивает интересы общества и публично-правового образования. Бюджетный процесс направлен на обеспечение задач и функций публично-правовых образований, перераспределение ВВП, стимулирование или сдерживание социально-экономических процессов.

К признакам бюджетного процесса также можно отнести обязательность контроля. Контроль осуществляется на всех стадиях бюджетного процесса. На каждом этапе предусматриваются механизмы проверки законности и обоснованности бюджетных решений от предварительного (на этапе составления и утверждения) до текущего (в ходе исполнения) и последующего (при рассмотрении отчёта). Цель обязательного контроля состоит в обеспечении соблюдения бюджетного законодательства, соблюдения законности, достоверности учёта и целевого, эффективного использования средств.

Бюджетный процесс опирается на другие плановые документы как прогноз социально-экономического развития, основные направления бюджетной и налоговой политики, государственные (муниципальные) программы.

Для бюджетного процесса характерна особая природа денежных потоков: безвозмездность (налоги, сборы, бюджетное финансирование), строгая целевая направ-

ленность (средства выделяются на конкретные цели и мероприятия), а также необходимость казначейского сопровождения отдельных операций.

Эти признаки в совокупности отражают специфику бюджетного процесса как особого вида деятельности, связанной с формированием, распределением и использованием централизованных денежных фондов [8].

Бюджетный процесс состоит из нескольких взаимосвязанных стадий. Бюджетный процесс включает составление, рассмотрение и утверждение проектов бюджетов, их исполнение, а также подготовку, проверку и утверждение бюджетной отчётности. Каждая из стадий бюджетного процесса имеет собственный порядок проведения, круг участников (субъектов) и юридические последствия.

На этапе составления проекта финансовыми органами и иными органами исполнительной власти формируются основные ориентиры бюджетной политики, рассчитываются ожидаемые доходы, определяются расходы и источники покрытия дефицита. Также на этапе составления проекта уполномоченными субъектами подготавливаются необходимые материалы, которые согласуются с главными распорядителями бюджетных средств [9]. Затем проект рассматривается представительным органом. В ходе обсуждения проверяются обоснованность запланированных доходов и расходов, сбалансированность бюджета, объём дефицита и способы его финансирования. После принятия соответствующего закона или решения бюджетные показатели становятся обязательными. Исполнительные органы вправе распоряжаться средствами только в установленных пределах.

Исполнение бюджета связано с поступлением доходов и финансированием расходов в соответствии с утверждёнными целевыми назначениями. Финансирование включает распределение ассигнований, доведение лимитов бюджетных обязательств, исполнение денежных обязательств, финансирование публичных программ, ведение учёта и подготовку текущей отчётности. На этой стадии реализуются основные полномочия финансовых органов, распорядителей и получателей бюджетных средств. Финансовый контроль осуществляется на протяжении всего бюджетного процесса. В зависимости от субъекта и времени проведения он бывает государственным или муниципальным, внешним или внутренним, предварительным, текущим и последующим. Проверке подлежат законность и обоснованность расходов, их целевое использование, выполнение бюджетных программ, достоверность учёта и отчётности, а также соблюдение условий предоставления субсидий и межбюджетных трансфертов. Контроль направлен не только на выявление нарушений, но и на их предупреждение, пресечение неправомерных расходов и восстановление законности. Финансовый год завершается составлением и утверждением отчётности об исполнении бюджета. В итоговой отчетности отражаются фактические доходы и расходы, состояние государственного или муниципального долга, размер дефицита либо профицита, результаты реализации бюджетных программ и достижение установ-

ленных показателей. Эти сведения позволяют оценить работу публичной администрации и используются при подготовке бюджета на следующий период [10].

В современных условиях Российского государства экономическая стабильность и эффективность бюджетного процесса относятся к показателям критического значения для государства, обозначенные выше принципы играют важную роль. Так, например, принцип эффективности и экономии расходованию бюджетных средств приобретает повышенную актуальность в условиях ограниченных бюджетных ресурсов, что, безусловно, требует от органов власти оптимизации расходов, а также повышение прозрачности бюджетного процесса, включая и расходование бюджетных средств [11, с. 58].

Бюджет и бюджетный процесс связаны между собой, но не совпадают, поскольку обозначают разные правовые явления. Бюджет представляет собой финансовый план публично-правового образования, в котором закрепляются доходы, расходы и источники финансирования дефицита. Бюджетный процесс, напротив, охватывает деятельность по подготовке, рассмотрению, утверждению и исполнению этого плана, а также контролю за его реализацией и утверждению отчётности.

Различается и их юридическая форма. Бюджет утверждается федеральным законом, законом субъекта РФ или решением представительного органа муниципального образования. Бюджетный процесс складывается из совокупности правовых процедур и действий уполномоченных органов. Его участники разрабатывают бюджетные показатели, принимают обязательные решения, организуют движение средств и проверяют результаты исполнения.

Бюджет ограничен рамками финансового года и планового периода, а бюджетный процесс выходит за эти

пределы и включает весь цикл работы с публичными финансами. Он начинается с подготовки проекта бюджета, а завершается после окончания финансового года составлением, проверкой и утверждением отчёта о его исполнении.

Различие между этими категориями можно провести и по их содержанию. Бюджет закрепляет предполагаемый объём доходов, направления расходов и источники финансирования дефицита. Бюджетный процесс определяет порядок принятия и исполнения соответствующих решений, круг участвующих органов и способы контроля за соблюдением установленных требований. Иными словами, бюджет фиксирует содержание финансового плана, а бюджетный процесс обеспечивает его создание, юридическое оформление, реализацию и последующую оценку.

Бюджет и бюджетный процесс представляют собой самостоятельные, но тесно связанные правовые категории. Первый определяет структуру и назначение публичных денежных средств, второй характеризует деятельность уполномоченных субъектов по их планированию, распределению, использованию и контролю.

С позиций административного права бюджетный процесс можно рассматривать как особую форму публичного управления, основанную на императивных предписаниях, разграничении компетенции и контрольных полномочиях. При этом его содержание регулируется прежде всего нормами бюджетного права. Такое разграничение позволяет точнее определить полномочия органов публичной администрации, установить характер нарушений бюджетного законодательства, отделить бюджетные меры принуждения от административных и оценить законность решений в сфере публичных финансов.

Литература:

1. Крохина, Ю. А. Бюджетное право России: учебник для вузов / Ю. А. Крохина. — 9-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во Юрайт, 2026. — 355 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. N 51-ФЗ (ред. от 04.8.2026): Часть первая // Собрание законодательства РФ. 1994. N 32. Ст. 3301.
3. Пешкова (Белогорцева), Х. В. Имущественно-правовые аспекты категории «бюджет государства» / Х. В. Пешкова (Белогорцева). — Текст: непосредственный // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2025. — № 1280. — С. 53–62.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
5. Федеральный закон от 28.11.2025 г. № 426-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» // Собрание законодательства РФ. 2025. N 48 (часть I, II, III). Ст. 7237.
6. Закон Липецкой области от 12.12.2025 г. N 722-ОЗ (ред. от 14.07.2026) «Об областном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 16.12.2025 г. N 4800202512160010.
7. Болтинова, О. В. Бюджетное право: учебное пособие для магистратуры / О. В. Болтинова. — 4-е изд., пересмотр. — М.: Изд-во Норма: ИНФРА-М, 2023. — 260 с.
8. Рябова, Е. В. Категорияльно-понятийная система бюджетного права: вопросы структуры и генезиса / Е. В. Рябова. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2025. — Т. 29. N 7. — С. 91–105.
9. Дарелина, О. В. Организация бюджетного процесса в Российской Федерации: учебное пособие / О. В. Дарелина. — Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления — филиала РАНХиГС, 2023. — 80 с.

10. Гуринович, А. Г. Нормативно-правовая регламентация бюджетного процесса в России: учебное пособие / А. Г. Гуринович. — М.: Изд-во Юстицинформ. 2023. — 156 с.
11. Ручкина, Г. Ф. Финансовое право: учебник для среднего профессионального образования / Г. Ф. Ручкина. — 3-е изд., перераб. и доп. — М: Изд-во Юрайт, 2024. — 334 с.

Актуальные проблемы охраны труда

Казачков Константин Леонидович, студент
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует проблемы охраны труда, взаимосвязь с режимом рабочего времени.

Ключевые слова: охрана труда; трудовой договор; режим рабочего времени.

Вопросы охраны труда на протяжении длительного времени остаются актуальными. Это связано с множеством нарушений трудовых прав работников, необходимости создания условий для мониторинга, выявления фактов нарушений и принятия мер, связанных с этим. Нарушения со стороны работодателей является одной из актуальных проблем в данной области, которая встречается достаточно часто и требует особого внимания.

Охрана труда — это система мероприятий по обеспечению безопасности, гигиены труда и управления профессиональными рисками на рабочих местах для обеспечения сохранения жизни, здоровья и работоспособности работников в процессе организации трудовой деятельности. Данное определение основывается на выделении охраны труда как системы взаимосвязанных мероприятий, направленных на создание условий по защите работников от воздействия различных вредных и опасных факторов, а также в соответствии с особенностями социально-экономической ситуации.

Согласно Конституции РФ, каждый имеет право на труд, который должен соответствовать требованиям безопасности и гигиены [1]. Конституция РФ определяет базовые категории касательно необходимости обеспечения охраны труда, принятия мер направленных на это. Конституционные положения определяют основу реализации механизмов направленных на защиту прав работников, их жизни и здоровья, принятия со стороны работодателей всех мер, связанных с этим.

Положения в области обеспечения охраны труда, принятия мер, связанных с этим конкретизируется ТК РФ [2]. Трудовым законодательством устанавливается право на охрану труда, обязанности работодателей по обеспечению безопасности оборудования, выдачи средств для защиты, а также организации обучения. Все это требует создания условий со стороны работодателя, гарантированности правовой и социальной защиты работников. При этом за нарушение установленных требований по охране труда работодатель несет ответственность, которая включает в себя как гражданскую, так и административную, что в совокупности нацелено на создание оптимальных

условий по соблюдению правового режима охраны труда. Конкретизируются данные требования отдельными стандартами и нормативными актами.

На протяжении долгих лет в России успешно проводилась работа по внедрению более 600 стандартов техники безопасности в систему стандартов охраны труда (ССБТ) [3, с. 101].

Многочисленность стандартов напрямую связано с особенностями организации труда для работников, требований, которые выдвигаются для работодателей. В зависимости от сферы деятельности выделяются, отдельные требования к условиям труда, что носит комплексный характер и является необходимым условием для правовой защиты. Нарушение стандартов являются основанием для привлечения к ответственности работодателя.

Охрана труда заложена на базисных ценностях Международной организации труда (МОТ), в соответствии с чем труд не является товаром и что совершенствование условий труда рабочих имеет значительно важный смысл для социальной справедливости и процветание мира. Действия по повышению качества условий труда регулярно рассматривались МОТ как носившие важное значение для прочного мира, которая обеспечивает справедливое распределение результатов прогресса и противодействуя «гонке ко дну» между странами, а также внутри них [3, с. 101].

Е. Т. Колесниченко указывает, что: «основными причинами, приводящими к несчастным случаям на производстве, остаются: износ оборудования, несоблюдение требований технологической дисциплины, отсутствие культуры безопасного ведения работ» [5, с. 12].

Выделенные аспекты позволяют выделить ряд проблем, как например: декларативность ряда норм; несоразмерность санкций; отсутствие эффективной и единой системы по организации контроля за соблюдением охраны труда, правил и ограничений; не учет особенностей отдельных сфер, условий труда. Унификация большинства требований во многом оказало негативное влияние, так как выступило в качестве основы для появления проблем, которые в большей степени ухудшили ситуацию и со-

здали трудности. Во многом актуальным является пересмотр современного подхода, совершенствования механизмов по организации по мониторингу и контролю за состоянием безопасности, защите прав и работников.

Е. Н. Редикульцева указывает, что: «для решения проблем безопасности труда в условиях меняющейся занятости необходимо использовать особый подход, учитывающий современное экономическое развитие» [6, с. 28].

Решение проблем требует комплексного подхода, который включает в себя совершенствования законодательства, повышения контрольно-надзорной деятельности со стороны уполномоченных органов государственной власти; внедрение современных методов для оценки рисков, фор-

мирования устойчивой культуры по безопасности работников, создания экономических стимулов для этого работодателей. Для этого требуется внесения большого числа изменений в законодательство и государственную политику. Немаловажным является пересмотр современного подхода, в частности внедрения дополнительной ответственности для работодателей и гарантий для работников.

Таким образом, на данный момент существует достаточно большое количество проблем в области охраны труда, которые требуют особого внимания. Немаловажным является принятие мер, направленных на совершенствование законодательства, государственной политики в данной области и принятия мер связанных с этим.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 06.10.2022, N 0001202210060013
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации, N 3, 07.01.2002, ст.3.
3. Актуальные проблемы обеспечения охраны труда на производстве / М. Э. Цаболова, А. А. Тациян, Т. А. Финоченко, И. А. Яицков // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. — 2024. — № 1(66). — С. 100–104. <https://elibrary.ru/item.asp?id=67971838>
4. Доронина, К. С. Актуальные проблемы охраны труда / К. С. Доронина // Аллея науки. — 2025. — Т. 1, № 3(103). — С. 30–33. <https://elibrary.ru/item.asp?id=82715676>
5. Колесниченко, Е. Т. Актуальные проблемы охраны труда / Е. Т. Колесниченко // Научно-исследовательские публикации. — 2024. — № 4. — С. 11–14. <https://elibrary.ru/item.asp?id=72579449>
6. Редикульцева, Е. Н. Актуальные проблемы охраны труда на современном этапе развития / Е. Н. Редикульцева, Ю. В. Залесова // Моя профессиональная карьера. — 2023. — Т. 1, № 54. — С. 27–36. <https://elibrary.ru/item.asp?id=54952713>

Проблемы правового регулирования противодействия коррупции в органах внутренних дел

Карманов Юрий Романович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассмотрены проблемы правового регулирования противодействия коррупционным правонарушениям в органах внутренних дел. Статистическими данными подтверждена актуальность изучаемой темы. Отмечен особый статус сотрудников органов внутренних дел как субъектов преступлений коррупционной направленности. Проведен анализ нормативных правовых актов, выделены существующие в законодательстве проблемы. Определено, что, несмотря на наличие множества нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции, указанные документы требуют доработки. Предложены направления совершенствования законодательства в целях устранения выявленных проблем.

Ключевые слова: коррупция, правовое регулирование, органы внутренних дел, проблемы, совершенствование.

Problems of legal regulation combating corruption in internal affairs bodies

The article examines the problems of legal regulation of countering corruption offenses in internal affairs bodies. Statistical data confirm the relevance of the topic under study. The special role of internal affairs officers as subjects of corruption-related crimes is noted. An analysis of regulatory legal acts has been carried out, and existing problems have been identified. The author notes that, de-

spite the large number of adopted regulatory legal acts in the field of countering corruption, these documents require improvement. To address the identified problems, the author proposes directions for improving the legislation.

Keywords: corruption, legal regulation, internal affairs bodies, problems, improvement.

Тема коррупции не нова: трудно найти журнал или газету, в которых ранее не освещался бы данный вопрос. Несмотря на множественность нормативных правовых актов, разработанных на разных уровнях управления, проблема коррупции в настоящее время остается актуальной, что указывает на необходимость внесения изменений в законодательство о противодействии коррупции как общественно опасному явлению.

Согласно информации, опубликованной на официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации, за девять месяцев 2023 года в суды было направлено 7949 уголовных дел о коррупционных преступлениях в отношении 8898 лиц. Среди направленных в суд преобладали дела о взяточничестве — 5353 (67 %) и мошенничестве — 1021 (13 %). К уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности привлечено 336 лиц, обладающих особым правовым статусом (рост на 2 % по сравнению с аналогичным периодом 2022 года). Из общего количества лиц, привлеченных к ответственности за коррупцию, 3296 (37 %) совершили преступления в правоохранительной сфере [4].

Таким образом, изучение проблем антикоррупционного законодательства с целью его совершенствования остается актуальным.

Необходимо отметить, что коррупция в полиции приводит к деградации и дискредитации данной структуры, вследствие чего возникает целый ряд проблем в сфере обеспечения правопорядка, а именно: затягивание проверок сообщений о преступлении, нереагирование сотрудников полиции на факты правонарушений, волокита при расследовании преступлений, нарушение прав и законных интересов граждан. Коррупция в органах внутренних дел (далее — ОВД) в конечном итоге причиняет вред экономике страны, служит одним из факторов оттока национального капитала за границу и уменьшения объема иностранных инвестиций. Коррумпированные правоохранительные органы не в состоянии противодействовать угрозам безопасности личности, общества и государства. Снижается престиж государственного управления как внутри страны, так и за рубежом. Это значит, что повышение эффективности противодействия коррупции в ОВД является крайне актуальной задачей [10, с. 78].

Целью данного исследования является выявление и изучение проблем правового регулирования противодействия коррупции в ОВД.

Эффективность правового противодействия любому явлению зависит от четкости его легального определения.

Так, согласно пункту 1 статьи 1 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Федеральный закон № 273-ФЗ) под коррупцией понимаются следующие действия:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица [7].

Одной из существенных проблем является отсутствие в этом определении исчерпывающего перечня коррупционных преступлений. Часть совершенных правонарушений не учитывается как коррупционная, что осложняет ведение правоохранительной деятельности и в целом влияет на оценку уровня коррупции в России.

Кроме того, законодательное определение коррупции, закрепленное в подпункте «а» пункта 1 статьи 1 Федерального закона № 273-ФЗ, не согласуется с иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и даже противоречит им. В Федеральном законе № 273-ФЗ содержится выражение «злоупотребление служебным положением», при этом в статье 285 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) данное деяние обозначено как «злоупотребление должностными полномочиями». Возникает проблема квалификации преступления по статье 285 УК РФ: несоответствие формулировок является аргументом для оспаривания квалификации.

Легальное определение предусматривает только те коррупционные действия, выгода от которых носит имущественный характер. Но выгода вследствие коррупционных деяний может и не быть таковой. Например, неправомерное продвижение по службе можно отнести к оказанию необоснованных услуг неимущественного характера.

Законодательное определение коррупции не содержит упоминания о групповом, организованном сообществе, речь идет только о должностном лице. Вместе с тем коррупция может принимать форму организованного самоуправляемого механизма, функционирующего в различных ветвях власти, структурных подразделениях и отделах [1, с. 45].

Проблема научной обоснованности понятия «коррупция» порождает дискуссии относительно его трактовки. Так, В. С. Комиссаров считает коррупцией «использование субъектом управления своих властных полномочий вопреки интересам службы ради личной заинтересованности». Б. В. Волженкин полагает, что

коррупцией является «разложение власти, когда государственные служащие используют свое служебное положение в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах». В. В. Лунеев под коррупцией понимает лоббизм, фаворитизм, протекционизм, взносы на политические цели, инвестирование коммерческих организаций за счет государственного бюджета, перевод государственного имущества в акционерные общества. С учетом изложенного легальное определение коррупции требует доработки.

Стоит обратить внимание на Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц» (далее — Федеральный закон № 230-ФЗ), под действие которого попадают должностные лица ОВД, их супруги и несовершеннолетние дети [8]. В связи с этим не исключена возможность регистрации имущества, приобретенного на коррупционный доход, на имя родителей, совершеннолетних детей, братьев и сестер. Кроме того, при превышении доходов над расходами коррупционеры могут ссылаться на денежные средства, предоставленные родственниками или другими лицами, для обоснования источников получения денежных средств, на которые совершена сделка. При этом контролирующие органы могут направлять запросы только в отношении лиц, указанных в статье.

К пробелам Федерального закона № 230-ФЗ следует отнести и ограниченный перечень декларируемых объектов: земельный участок, иные объекты недвижимости, транспортные средства, ценные бумаги (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровые финансовые активы, цифровая валюта. В перечень не входят различного рода услуги (например, медицинские услуги в зарубежных клиниках), предметы роскоши, которые могут служить долгосрочным финансовым вложением.

Еще одним пробелом Федерального закона № 230-ФЗ является отсутствие перечня расходов, которые должны обязательно учитываться при определении общего объема понесенных расходов. Действующее законодательство не предусматривает возможности учета в числе расходов лица, в отношении которого осуществляется контроль над расходами, и членов его семьи суммы в размере прожиточного минимума, затрат на оплату коммунальных услуг, алиментных выплат и других, не относящихся к расходам на приобретение имущества. Соответственно, если доход за три года государственного служащего составил 4 млн рублей и он приобрел квартиру за 4 млн рублей, это будет являться обоснованием законности приобретенного имущества [2, с. 968].

Следует отметить проблемы правового регулирования, обусловленные положениями УК РФ. Часть 1 статьи 291.1. УК РФ ограничивает уголовную ответственность за содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки лишь в значительном размере,

что заметно снижает эффективность противодействия посредничеству во взяточничестве. Так, в соответствии с примечанием к статье 290 УК РФ значительным размером признается сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающая 25 000 рублей. При этом «незначительное посредничество» остается одним из самых распространенных фактов коррупционного поведения, следовательно, криминализация указанного деяния будет соответствовать задачам борьбы с коррупцией [5], [9].

Действующий УК РФ не предусматривает такого вида наказания за совершение коррупционных преступлений, как конфискация имущества (не применяется на основании его исключения из статьи 44 УК РФ Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»). Конфискация имущества была восстановлена в уголовном законе Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» — но в качестве иной меры уголовно-правового характера. Ранее конфискация имущества могла применяться в качестве дополнительного наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений, и назначалась судом в случаях, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, в том числе за преступления коррупционной направленности. В настоящее время конфискация имущества осуществляется на основании положений главы 15.1 УК РФ и ряда статей УПК РФ, но не в качестве уголовного наказания, а в результате признания имущества вещественным доказательством. Таким образом, эффективность конфискации имущества в действующем уголовном законодательстве намного снижена, что не соответствует государственной политике в области противодействия коррупции.

Таким образом, указанные пробелы негативно влияют на эффективность борьбы с коррупционными проявлениями в системе ОВД.

В целях совершенствования антикоррупционного законодательства предлагается принятие следующих мер

1. В части доработки легального определения коррупции: перечень коррупционных преступлений во избежание противоречий изложить в соответствии с составами, приведенными в главах 8, 10 УК РФ, дополнить субъект преступления, имея в виду участие в организованной преступной группе. Указать деяния неимущественного характера: незаконное продвижение по службе, служебное покровительство, поддержку в решении вопросов, сокрытие недостатков в работе.

2. Расширить перечень лиц, в отношении которых могут проводиться проверочные мероприятия в соответствии с требованиями Федерального закона № 230-ФЗ, до-

полнить перечень декларируемых объектов. Разработать индикаторы законности расходов приобретаемого имущества (учет полученного дохода за последние три года не является показателем без включения в расходную часть обязательных платежей: оплаты коммунальных услуг, кредитных обязательств, уплаты алиментов и прочего, сохранения прожиточного минимума).

3. Изменить значительный размер взятки, указанный в примечании 1 к статье 290 УК РФ, снизив его до 3000 рублей. Указание такой небольшой суммы денежных средств должно побудить субъекта правонарушения от-

казаться от попыток материального обогащения незаконным путем.

4. Внести изменения в УК РФ в части применения конфискации (предусмотреть конфискацию не только имущества, признанного вещественным доказательством, но и всего имущества, полученного в результате совершения коррупционных деяний).

Только дальнейшее совершенствование законодательства в сфере противодействия коррупции и его применение на практике позволит существенно снизить количество коррупционных преступлений в ОВД.

Литература:

1. Ищук Я. Г. Коррупция: вопросы теоретического осмысления / Я. Г. Ищук // Академическая мысль. — 2018. — № 1 (2). — С. 45–50.
2. Кулаков В. В. Основные направления повышения эффективности борьбы с коррупцией в российских органах государственной власти / В. В. Кулаков, А. Г. Ярунина // Baikal Research Journal (электронный научный журнал Байкальского государственного университета). — 2023. — Том 14, № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-povysheniya-effektivnosti-borby-s-korrupsiey-v-rossiyskih-organah-gosudarstvennoy-vlasti/viewer> (дата обращения: 05.09.2026).
3. Муртазалиев А. М. Актуальные проблемы совершенствования антикоррупционного законодательства в Российской Федерации / А. М. Муртазалиев, П. К. Ахмедова // Вестник Дагестанского государственного университета. — 2023. — Том 38. — № 3. — С. 61–67.
4. Интервью Председателя СК России информационному агентству ТАСС от 08.12.2023 // Официальный сайт Следственного комитета РФ. — URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1844699/> (дата обращения: 05.09.2026).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Консультант плюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/?ysclid=mtpjppar1f315205084 (дата обращения: 05.09.2026).
6. Симонова Т. А. Борьба с коррупцией в органах внутренних дел / Т. А. Симонова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2025. — № 9. — С. 166–171.
7. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Консультант плюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/ (дата обращения: 05.09.2026).
8. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц» // Консультант плюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138550/ (дата обращения: 05.09.2026).
9. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Консультант плюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.09.2026).
10. Чудаев А. К. Проблемы борьбы с коррупцией в органах внутренних дел Российской Федерации / А. К. Чудаев // Национальная ассоциация ученых. — 2016. — № 6 (22). — С. 78–81.

Особенности моделей государственного регулирования банковской деятельности в государствах — участниках ЕАЭС

Клишина Алина Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Миронов Владислав Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье проведен сравнительный анализ моделей государственного регулирования банковской деятельности в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республике Казахстан. Результаты исследования подчеркивают необходимость сближения национальных моделей регулирования и надзора для формирования единого финансового рынка ЕАЭС.

Ключевые слова: государственное регулирование банковской деятельности, Евразийский экономический союз, общий финансовый рынок.

В условиях текущей макроэкономической ситуации в мире особенно важным является повышение конкурентоспособности национальных экономик, в частности, с помощью укрепления экономического сотрудничества и разработки эффективных механизмов преодоления кризисных экономических явлений. Международной организацией, целями которой являются создание условий для стабильного развития экономик каждой из государств-членов, формирование в рамках нее единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, является Евразийский экономический союз (далее по тексту — ЕАЭС) [1]. Одной из задач, необходимых для достижения поставленных целей, является формирование общего финансового рынка ЕАЭС. Согласно Решению Высшего Евразийского экономического совета от 1 октября 2019 г. № 20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза», общий финансовый рынок охватывает в том числе и банковский сектор, в котором государства-члены ЕАЭС должны провести частичную гармонизацию законодательства [2].

В связи с этим, является актуальным рассмотрение моделей государственного регулирования банковской деятельности государств-членов ЕАЭС на примере Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан, а также проведение их сравнительного анализа. Данное сопоставление поможет понять существенные отличия между моделями, что особенно важно в контексте формирования единого финансового рынка ЕАЭС.

К одному из основных принципов организации банковской системы относится государственная монополия на осуществление регулирования и надзора за банковской деятельностью [3, с. 118]. В Российской Федерации органом, осуществляющим банковское регулирование и банковский надзор за деятельностью кредитных организаций, является Банк России [4, с. 723]. Банк России устанавливает правила проведения банковских операций; принимает решение о государственной регистрации кредитных организаций, выдаче кредитным организациям лицензии на осуществление банковских операций, приостановление их действия и их отзыва; принимает решения о выдаче иностранным банкам лицензий на осуществление банковских операций для осуществления деятельности на территории Российской Федерации через свои филиалы и об отзыве (аннулировании) таких лицензий; осуществляет надзор за деятельностью кредитных организаций, филиалов иностранных банков и банковских групп [5]. Однако, следует отметить, тот вид, в котором Банк России функционирует на данный момент, является результатом трансформации модели регулирования финансовой системы в стране. Так, в 2013 г. полномочия Федеральной службы по финансовым рынкам были переданы Банку России, сама служба была упразднена,

а Банк России получил статус мегарегулятора [6, с. 23–24]. Среди предпосылок перехода к данной модели регулирования отмечают такие факторы, как использование различными субъектами финансового рынка одних и тех же финансовых инструментов, подверженность таких субъектов схожим рискам; расширение границ банковского сектора, выход на него иностранного капитала; усиление кооперации небанковских финансовых институтов с банковским сектором [7, с. 41]. Выполнение Банком России роли мегарегулятора неразрывно связано с наделением его особым публично-правовым статусом. Такая особенность заключается в осуществлении своих функций и полномочий независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправления. Банк России не является органом государственной власти, при этом, имеющиеся у него полномочия, по своей правовой природе относятся к функциям государственной власти, так как их реализация предполагает применение мер государственного принуждения [8].

За время функционирования Банка России в статусе мегарегулятора в научной литературе сформировались различные мнения, относительно положительных и отрицательных сторон данной модели регулирования. Так, Стерликова А. Д. среди преимуществ феномена мегарегулятора отмечает отсутствие регулятивного арбитража (ситуации, при которой участник финансового рынка вынужден выполнять требования положений, противоречащих друг другу), ввиду сосредоточения полномочий в одном органе; отсутствие дублирования отчетности, предоставляемой нескольким надзорным или регулирующим структурам. В качестве недостатка отмечается наличие риска упущения какого-либо элемента системы, нуждающегося в регулировании и надзоре, в связи со значительным числом объектов, подлежащих регулированию [9, с. 57–58].

В Республике Казахстан сформировалась иная модель государственного регулирования банковской деятельности. Национальный Банк Республики Казахстан (далее по тексту — Нацбанк РК) является государственным органом, который в том числе осуществляет в пределах своей компетенции государственное регулирование, контроль и надзор за финансовым рынком, финансовыми организациями и иными лицами в области финансового законодательства Республики Казахстан. Нацбанк РК осуществляет регулирование отдельных аспектов банковской деятельности, например, таких, как межбанковская система переводов денег, система межбанковского клиринга и другие платежные системы, обеспечивающие проведение переводов денег между пользователями в национальной валюте; очередность платежей по банковским счетам, осуществляемых банками, организациями,

осуществляющими отдельные виды банковских операций, филиалами банков-нерезидентов; порядок организации охраны и устройства помещений банков второго уровня, филиалов банков — нерезидентов, а также организаций, осуществляющих отдельные виды банковских операций [10].

Важно подчеркнуть, что ранее Нацбанк РК осуществлял основные контрольно-надзорные функции в отношении, как банков, так и иных финансовых организаций, однако в 2020 г. было учреждено Агентство Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка (далее по тексту — Агентство) в качестве нового государственного органа, осуществляющего комплексное государственное регулирование, контроль и надзор финансового рынка и финансовых организаций. Агентство выдает и отзывает разрешения на открытие (создание) финансовых организаций, филиалов банков-нерезидентов, их добровольную реорганизацию и ликвидацию, определяет порядок выдачи данных разрешений; издает нормативные правовые акты, обязательные для исполнения финансовыми организациями, филиалами банков-нерезидентов; утверждает нормативы и иные обязательные к соблюдению нормы и лимиты для финансовых организаций, а также за осуществляет контроль за их соблюдением; проверяет деятельность финансовых организаций, в том числе осуществляет дистанционный надзор; применяет ограниченные меры надзорного реагирования в отношении финансовых организаций [11].

На основе перечисленных выше функций, выполняемых каждым из рассматриваемых органов, заметно распределение между ними полномочий по регулированию банковской деятельности. Так, Нацбанк РК в пределах своей компетенции создает общие условия для работы банков, осуществляет регулирование отдельных аспектов их деятельности, в то время, как Агентство выступает ключевым органом непосредственного регулирования, контроля и надзора за банковской деятельностью. Отметим, что с 2024 г. деятельность Агентства полностью финансируется за счет бюджета Нацбанка РК, тем не менее, само Агентство непосредственно подчинено и подотчетно Президенту Республики Казахстан [12].

Можно сформулировать положительные и отрицательные стороны сформировавшейся в Республике Казахстан модели государственного регулирования банковской деятельности. Отдельный самостоятельный орган способен быстрее и эффективнее разрабатывать и утверждать нормативы, оперативнее реагировать на новые вызовы (например, связанные с цифровизацией финансовых услуг). К отрицательной стороне функционирования данной модели можно отнести появление проблем в механизме обмена информацией и координацией между органом банковского регулирования и центральным банком.

Рассмотрим модель государственного регулирования банковской деятельности в Республике Беларусь. Государственное регулирование в данной сфере осуществля-

ется Национальным банком (далее по тексту — НБ РБ), который осуществляет государственную регистрацию банков и небанковских кредитно-финансовых организаций, лицензирует банковскую деятельность, устанавливает запреты и ограничения для банков и небанковских кредитно-финансовых организаций, контролирует соблюдение ими банковского законодательства, осуществляет банковский надзор, применяет меры надзорного регулирования, а также осуществляет регулирование банковской деятельности посредством принятия (издания) нормативных правовых актов. Что касается правового статуса НБ РБ, то он является центральным банком и государственным органом, независимым в своей деятельности и подотчетным Президенту Республики Беларусь [13].

Необходимо также отметить, что для повышения устойчивости банковского сектора сформирована система пруденциальных требований, основанных на международных стандартах, а НБ РБ помимо надзора за деятельностью банков на индивидуальной и консолидированной основе также осуществляет мониторинг рисков и оценку устойчивости банков, оценку влияния внешних и внутренних факторов на их стабильность [14].

Одной из отличительных особенностей рассматриваемой модели является особая форма организации банковского бизнеса, такая как государственные банки. Как отмечает Биткина И. К., «помимо выполнения классических банковских функций, они способствуют реализации государственной политики, в том числе за счет выдачи директивных кредитов». Однако их уровень концентрации в банковской системе Республики Беларусь высок, так как топ-10 банков покрывают 93 % всех активов банковского сектора [15, с. 54].

На основе проведенного анализа можно сформировать положительные и отрицательные стороны модели государственного регулирования банковской деятельности в Республике Беларусь. Концентрация надзорных и регулятивных функций у НБ РБ позволяет унифицировать подходы к регулированию и оперативно принимать решения в кризисных ситуациях; директивное кредитование дает возможность государству быстро направить ресурсы для поддержки приоритетных отраслей экономики, что особенно актуально в условиях санкционного давления; формирование системы пруденциальных требований, основанных на международных стандартах, способствует повышению устойчивости банковского сектора. Однако директивное кредитование и высокая концентрация в банковском секторе государственных банков может повлечь за собой зависимость финансовой устойчивости банков от платежеспособности государства, повышение дополнительной нагрузки на государственный бюджет [16].

Таким образом, на основе проведенного анализа моделей государственного регулирования банковской деятельности в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республике Казахстан заметны отличительные черты,

присущие каждой из моделей. В контексте формирования общего финансового рынка ЕАЭС при сближении национальных режимов регулирования банковской деятельности и банковского надзора необходимо учитывать особенности механизма регулирования каждого из государств-членов ЕАЭС. Как отмечают Джагитян Э. П., Мухаметов О. Р., Алексеева М. Г., «разнорежимность оказывает давление на потенциал интеграции и тормозит процесс формирования наднациональной регулятивной

архитектуры, угрожая обострением системных рисков и в конечном итоге — эрозией стратегических ориентиров как в рамках формирования единого финансового рынка ЕАЭС, так и интеграции в целом» [17, с. 30]. Данная точка зрения подчеркивает необходимость и важность сближения национальных режимов регулирования банковской деятельности и банковского надзора для эффективного функционирования евразийского финансового рынка.

Литература:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29.05.2014 (ред. от 25.05.2023): (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 22.08.2026).
2. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 1 октября 2019 г. № 20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза» // Гарант: справочно-правовая система. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72702744/> (дата обращения: 22.08.2026).
3. Кондакчян В. Понятие, сущность и принципы организации банковской системы России / Кондакчян В. С., Петенко А. Т. // Индустриальное, инновационное и финансовое развитие России: факторы и тенденции. — 2023. — С. 115–119.
4. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. — 800 с.
5. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790; 2026. № 32. Ст. 4531.
6. Вавулин Д. А., Симонов С. В. Центральный Банк российской Федерации как мегарегулятор российского финансового рынка // Финансы и кредит. 2014. № 5 (581). С. 21–32.
7. Красиков Д. А. Предпосылки и эффекты создания мегарегулятора финансового рынка в Российской Федерации // Юридическая наука. 2017. № 6. С. 40–45.
8. Правовой статус и функции. — Текст: электронный // Банк России: [сайт]. — URL: https://cbr.ru/about_br/bank-status/ (дата обращения: 25.08.2026).
9. Стерликова, А. Д. Совершенствование регулирования и надзора Банка России за кредитными организациями и цифровизация: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Стерликова Анастасия Дмитриевна; ФГАОУ ВО «СГЭУ». — Самара, 2021. — 170 с. — Текст: непосредственный.
10. Закон Республики Казахстан от 30 марта 1995 г. № 2155 (с изм. и доп. по состоянию на 13.08.2026) «О Национальном Банке Республики Казахстан». — Текст: электронный // СПС «Параграф». — URL: https://prg.kz/document/?doc_id=1003548 (дата обращения: 25.08.2026).
11. Банковское законодательство. — Текст: электронный // Sayat Zholshy & Partners: [сайт]. — URL: <https://doing-business.kz/news/43-bankovskoe-zakonodatelstvo> (дата обращения: 27.08.2026).
12. АРРФР объяснило, почему его расходы лишь показали выросшими вдвое. — Текст: электронный // Exclusive.kz: [сайт]. — URL: <https://exclusive.kz/arrfr-objasnilo-pochemu-ego-rashody-lish-pokazalis-vyrosshimi-vdvoe/> (дата обращения: 27.08.2026).
13. Банковский кодекс Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 441-3 (ред. от 14.03.2026). — Текст: электронный // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&rp0=hk0000441> (дата обращения: 27.08.2026).
14. Организация банковского надзора. — Текст: электронный // Национальный банк Республики Беларусь: [сайт]. — URL: <https://www.nbrb.by/system/supervisor> (дата обращения: 27.08.2026).
15. Биткина И. К. О применении метода сопоставительно-институционального анализа банковских систем Российской Федерации и Республики Беларусь: транзакционный подход. Сибирская финансовая школа. 2024 (3). С. 51–55.
16. Для тех, кто «равнее»: — директивные кредиты сокращают, но пока не отменяют. — Текст: электронный // Информационный портал Neg.by: [сайт]. — URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/dlya-teh-kto-ravnee/> (дата обращения: 27.08.2026).
17. Джагитян Э. П., Мухаметов О. Р., Алексеева М. Г. Перспективы наднационализации банковского регулирования и надзора в ЕАЭС в формате «мини-Базель III» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. № 1. С. 30–54.

Эволюция уголовной ответственности за убийство по найму

Кобозева Екатерина Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Пашкова Екатерина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Курский государственный университет

В статье автор рассматривает эволюцию уголовной ответственности за убийство по найму в российском законодательстве. Анализирует развитие нормативно-правового регулирования данного преступления: от первых упоминаний схожих деяний в средневековых источниках до закрепления квалифицирующего признака «по найму» в кодексе.

Ключевые слова: заказное убийство, уголовная ответственность, прямой умысел, корыстный мотив, заказчик, организатор, соучастие в убийстве.

Убийство по найму — особо опасное преступление, подрывающее общественную безопасность и порядок: помимо необратимости последствий, оно отличается тем, что совершено профессионально подготовленным лицом за вознаграждение по заказу, причем инициатор чаще всего остается скрытым.

Исторически наемные убийства присутствовали с древнейших времён — всегда находились лица, готовые за вознаграждение отнять жизнь другого. При этом признание этого деяния особо опасным и его закрепление в виде отдельного квалифицированного состава в законодательстве оказался долгим.

Чтобы разобраться в этом, стоит проследить, как менялись взгляды на убийство в целом и особенно на те случаи, где присутствовала корысть. Именно из корыстного убийства, по сути, и «выросло» убийство по найму. Когда-то в древних законах, например в «Русской правде» XI века, еще не разделяли четко, совершено убийство нарочно или по случайности. Однако уже тогда отличали прямой умысел от косвенного: за разбойное убийство карали жестоко (лишали всего имущества и изгоняли), а за смерть в драке брали только денежный штраф. С тех пор законодательство проделало большую эволюцию.

В судебниках XV–XVI веков самыми страшными считались убийство хозяина и разбой, караемые смертью. А в Соборном уложении 1649 года уже появился целый список отягчающих обстоятельств: убийство на глазах у царя, в церкви, убийство родителей, мужа или жены (особенно с помощью яда). Все это уже наказывалось высшей мерой. Получается, что еще в середине XVII века юридическая мысль была готова к тому, чтобы ввести отдельную статью за убийство по найму. Технически для этого не было препятствий, но требовался социальный запрос.

Следующий важный шаг был сделан при Петре I. В его Воинском артикуле 1715 года был собран, по сути, первый в России полноценный уголовный кодекс. Он был написан уже более современным юридическим языком, с четкими формулировками и отказом от перечисления частных случаев в пользу общих правил. Законодатель впервые стал широко использовать толкования статей, чтобы охватить больше возможных ситуаций. В главе «О смертном убийстве» Артикул перечислял разные виды лишения жизни. Особое место среди тяжких преступлений

заняло и убийство по найму. Артикул 161 прямо говорил: а ежели кто для прибыли или в надежде к какой прибыли договорится, наймется или даст себя подкупить, или готова себя учинит кого убить смертно, тогда оный крупно с тем, кто его нанял, подкупил или упротил, колесом разломан, и тела их на колеса положена быть имеют» [1, с. 358]. Причем в пояснении к статье специально указывалось: неважно, успел ли заказчик заплатить деньги сразу или только пообещал заплатить потом. Как и раскрывает Наумов Т. Ю. в своей работе: «согласно Артикулу 1715 года, для того чтобы квалифицировать убийство как совершенное по найму и оконченное преступление, было неважно, получил ли обещанные деньги за него наемный киллер. В данном случае требовалось лишь установить, что наниматель дал обещание оплатить услуги исполнителя, а тот — согласился на совершение убийства за «прибыль» или иное нематериальное вознаграждение в интересах нанимателя. Факт договора между ними — уже являлся доказательством на умысел для организации и исполнения заказного убийства в петровские времена» [2, с. 226].

Некоторые историки права считают, что появление этой статьи связано с желанием Петра I перенять европейские стандарты. Однако важно отметить, что в самой Европе того времени подобных прямых норм об убийстве по найму еще не было. Петровское законодательство, хотя и ориентировалось на западные образцы, в этом вопросе проявило определенную самостоятельность, отразив специфические реалии своей страны, где развитие торговли и денежных отношений порождало и новые формы криминала, включая устранение конкурентов чужими руками. Иными словами, появление статьи о наемном убийстве стало прямым ответом закона на усложнение общественных отношений и рост корыстной преступности.

15 мая 1845 года Николаем Первым было утверждено «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». В данном памятнике в качестве квалифицированных назывались: отцеубийство, родственное убийство, убийство начальника по службе, убийство господина или члена его семьи, убийство хозяина или мастерового, у которого убийца находился в услужении или на работе, убийство воспитателя, убийство священнослужителя, убийство беременной женщины, убийство общественным способом,

через истязания, убийство изменческое или в засаде, убийство из корысти или в соучастии [3].

Вместе с тем, убийство по найму по-прежнему не выделялось в качестве самостоятельного квалифицированного состава.

Правовая оценка подобных деяний осуществлялась через призму корыстных побуждений либо института соучастия. Даже в Уголовном уложении 1903 года, утвержденном Николаем II и отличавшемся детальной систематизацией преступлений против жизни, убийство по найму вновь не рассматривалось как специальный квалифицированный вид убийства.

Октябрьская революция 1917 года полностью перекроила всю правовую систему страны. Вместе с прежними государственными институтами были отменены и старые уголовные законы. Молодое советское государство стало строить свое право заново. Первый Уголовный кодекс РСФСР, принятый в 1922 году, стал основой для всего последующего советского уголовного законодательства. Однако здесь нас ждет важное изменение. Если в петровском Артикуле 1715 года было прямо сказано, что наёмный убийца и заказчик несут одинаково суровое наказание, то в советских кодексах такая четкая формулировка исчезла. В УК РСФСР 1922 года (ст. 142) среди спискаотячающих обстоятельств убийства по найму как самостоятельного пункта уже не было [4]. То же самое касается и Уголовного кодекса 1926 года, который пришел ему на смену.

Дело в том, что советские юристы того времени не видели необходимости в отдельной статье. Случай, когда один человек нанимал другого для убийства, логично подпадали под другое понятие — «убийство из корыстных побуждений». Эта норма была достаточно широкой и позволяла наказывать за любые убийства, совершенные ради получения какой-либо выгоды, будь то деньги, имущество или право на жилплощадь. Иными словами, «наём» растворился в «корысти». Этот подход сохранился и в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года, который действовал вплоть до 1997 года. Именно в этом документе (ст. 102) и была закреплена норма об убийстве «из корыстных побуждений». И именно по этому пункту («а») на протяжении десятилетий квалифицировались все преступления, которые мы сегодня называем заказными убийствами.

Важно понимать, что в советский период это была относительно редкая статья. Большинство убийств, как тогда говорили, носило «бытовой характер»: драки, ревность, пьяные ссоры. Количество преступлений, где фигурировал наём, было настолько незначительным, что в теории и на практике им не уделяли особого внимания. Переломный момент: «лихие 90-е» и необходимость перемен. Ситуация кардинально изменилась в конце 1980-х — начале 1990-х годов. 22 сентября 1989 года Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что как «корыстные следует квалифицировать убийства, совершённые за вознаграждение от третьих лиц (или убийство по найму)» [5, с. 227].

С началом перестройки и последующим развалом Советского Союза в стране произошел всплеск преступ-

ности. Появились первые бизнесмены, возникла жесткая конкуренция за передел собственности, и устранение партнера или противника стало, к сожалению, привычным методом решения проблем. Стало очевидно, что просто «корыстных побуждений» уже недостаточно. Заказное убийство превратилось в самостоятельный вид преступного промысла со своими законами, исполнителями и заказчиками. Однако рост профессиональной преступности и широкий общественный резонанс подобных деяний потребовали уточнения правовых позиций.

Складывалась ситуация, при которой законодательная неопределенность в отношении наемных убийств оказывала крайне негативное влияние на ухудшающуюся криминогенную обстановку. В этих условиях 29 апреля 1993 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР, УПК РСФСР и ИТК РСФСР», в котором в ст. 102 УК (умышленное убийство) в качестве дополнения был внесен подпункт «н», где как квалифицирующий признак убийства расценивалось «умышленное убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц». Очевидно, что эта законодательная конструкция явилась промежуточным этапом к последующей формулировке «убийства, совершенного по найму», которая и была принята в ныне действующем УК РФ [6, с. 46]. Это стало промежуточным этапом на пути к выделению самостоятельного состава.

Следует подчеркнуть, что убийство по найму не выделялось в качестве самостоятельного квалифицированного состава преступления вплоть до принятия УК РФ 1996 года. Отсутствие специального правового регулирования объяснялось тем, что законодатель охватывал данное деяние понятием убийства из корыстных побуждений, совершенного в соучастии, как, например, в Сводах законов Николая Первого: «О преступлениях и наказаниях вообще», «О судопроизводстве по преступлениям» (1835 г.).

Согласно разъяснениям, содержащимся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 убийство по найму надлежит квалифицировать: «убийства, обусловленного получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения» [7].

Обобщая развитие российского законодательства, можно выделить следующие этапы становления ответственности за данное преступление:

1. Допетровский период (до XVII в.): отсутствие законодательного определения убийства по найму.
2. Имперский период (XVIII — начало XX вв.): формирование концепции корыстных побуждений; убийство по найму рассматривается как частный случай корыстного убийства без выделения в самостоятельную норму.
3. Советский период (1917–1996 гг.): идеологическое отрицание наемных убийств как социального явления. Деяния квалифицировались как убийства из корыстных побуждений в соучастии, что исключало потребность в специальной норме до изменения криминогенной ситуации в конце 1980-х годов.

4. Переходный этап (1989–1996 гг.): Постановление Пленума ВС СССР 1989 год, которое впервые на уровне высшей судебной инстанции приравнивало «убийство за вознаграждение» к «корыстному убийству».

5. Современный этап (с 1996 г. по н. в.): окончательное выделение убийства по найму в самостоятельный квалифицирующий признак.

Проведенный историко-правовой анализ позволяет утверждать, что выделение данного состава в качестве самостоятельного квалифицирующего признака в УК РФ 1996 года стало закономерным результатом эволюции отечественной юридической техники.

Сегодня, когда преступность становится все более организованной, а способы совершения убийств — изощренными, понимание исторического пути этой нормы дает нам понять, что появление наемных убийц — это всегда следствие конкретных социальных условий: войн, экономических реформ. Значит, и борьба с этим явлением не может сводиться только к ужесточению наказания. Нужно менять среду, которая рождает спрос на такие «услуги».

Как показала история, размытые формулировки («корыстные побуждения») в спокойные времена работают, но в периоды кризиса их оказывается недостаточно. Выделение убийства по найму в отдельный пункт закона (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) — это необходимый инструмент, который позволяет справедливо оценить роль заказчика, чья вина порой даже тяжелее вины исполнителя.

Иными словами, история развития ответственности за убийство по найму — это наглядное пособие о том, как право ищет баланс между древними пороками человека и новыми формами их проявления. Это понимание помогает не только правильно применять закон сегодня, но и предвидеть, куда будет двигаться уголовное право завтра. Ведь общество не стоит на месте, а вместе с ним продолжит меняться и наша борьба с самым тяжким из преступлений.

В современном уголовном праве убийство по найму обладает статусом самостоятельного состава, характеризующегося специфическими признаками: наличием соглашения о найме, условием о возмездности, что находит подтверждение в актуальной судебной практике.

Литература:

1. Артикул воинский. — Текст: электронный // Артикул воинский: [сайт]. — URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения: 01.04.2026).
2. Наумова, Т. Ю. Убийство по найму: историко-правовой анализ криминализации состава преступления в отечественном уголовном законодательстве / Т. Ю. Наумова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 24(210). — С. 225–228.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. — [4], IV, 898, XVII с.: 16 см.
4. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 года (утратил силу) // СУ РСФСР. 1922. № 72. Ст. 906.
5. Наумова, Т. Ю. Убийство по найму: историко-правовой анализ криминализации состава преступления в отечественном уголовном законодательстве / Т. Ю. Наумова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 24(210). — С. 225–228.
6. Красавцев, В. А. Убийство по найму: вопросы теории и практики. / В. А. Красавцев. — Текст: непосредственный // Представительная власть XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. — 2007. — № 73 Спецвыпуск. — С. 45–47.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 9 февраля 1999. № 8. П.11.
8. Уголовный Кодекс РСФСР от 01 июня 1922 г. — Текст: электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375/titles/8QA0M5> (дата обращения: 25.03.2026).
9. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 29.03.2026).

Особенности и современные тенденции правового регулирования охраны всемирного культурного и природного наследия

Козлов Максим Анатольевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Косолапов Михаил Федорович, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются теоретико-правовые основы и современные тенденции правового регулирования охраны всемирного культурного и природного наследия. Особое внимание уделяется актуальным проблемам правоприменительной

практики, включая состояние объектов культурного наследия в РФ, приватизационные аспекты, исполнение международных обязательств в сфере охраны природного наследия, а также новейшим тенденциям развития правового регулирования — цифровизации контроля, развитию института нематериального культурного наследия и усилению роли устойчивого развития в деятельности ЮНЕСКО.

Ключевые слова: культурное наследие, природное наследие, Конвенция ЮНЕСКО 1972 года, правовое регулирование, охрана объектов наследия, цифровизация, нематериальное культурное наследие, устойчивое развитие.

Правовое регулирование охраны всемирного культурного и природного наследия представляет собой сложный многоуровневый механизм, включающий международно-правовые и национально-правовые источники. В Российской Федерации, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции, общепризнанные принципы и нормы международного права являются частью национальной правовой системы, что обуславливает особое значение международных договоров в данной сфере [1].

Актуальность темы исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, в Российской Федерации насчитывается более 154 тысяч памятников культурного наследия федерального и регионального значения, при этом 16 процентов из них находятся в неудовлетворительном состоянии. Во-вторых, в 2025 году список всемирного наследия ЮНЕСКО пополнился очередным российским объектом — наскальной живописью пещеры Шульган-Таш в Башкортостане, в результате чего количество объектов на территории страны достигло 34. В-третьих, международное сообщество предъявляет все более жесткие требования к исполнению государствами обязательств по охране объектов всемирного наследия, что нашло отражение в требованиях ЮНЕСКО в отношении озера Байкал.

Цель настоящей статьи — выявить особенности правового регулирования охраны всемирного культурного и природного наследия в РФ и определить современные тенденции развития данного института.

Впервые понятие культурного наследия было определено в Конвенции ЮНЕСКО 1972 года [2], под которым понимаются памятники, ансамбли и достопримечательные места, имеющие выдающуюся универсальную ценность. Российский законодатель (Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ) использует аналогичный подход, определяя культурное наследие через перечень объектов недвижимости и иных материальных ценностей. Сходство формулировок объясняется тем, что Конвенция была ратифицирована СССР в 1988 году и послужила основой для национального регулирования [2].

В научной среде нет единства в определении культурного наследия. Одни учёные связывают переход от категории «культурные ценности» к «культурному наследию» с глобализационными процессами, другие видят в этом адекватную реакцию на вызовы современности. Особого внимания заслуживает подход, акцентирующий нематериальный аспект наследия, что позднее нашло отражение в Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 года и в российском законе № 402-ФЗ.

Сущность культурного наследия раскрывается через два неразрывных признака — культурную ценность и наследуемость. Культурная ценность предполагает не только создание объекта человеком, но и его общественное признание в качестве значимого, что подтверждается процедурой государственной историко-культурной экспертизы и включением в реестр. Наследуемость означает необходимость сохранения объекта для передачи будущим поколениям, что реализуется через систему охранных мер (консервация, реставрация, установление зон охраны и др.). Таким образом, сущность культурного наследия заключается в создании материальных и нематериальных объектов, которые общество признаёт ценными и которые государство охраняет в интересах настоящих и будущих поколений.

Понятие природного наследия также закреплено в Конвенции ЮНЕСКО 1972 года и в российском законодательстве (Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды») [2]. К природному наследию относятся природные памятники, геологические образования, ареалы видов, имеющие выдающуюся универсальную ценность. Ключевые признаки природного наследия — связь с окружающей природой (объекты, не испытавшие разрушительного воздействия человека) и наследуемость (необходимость сохранения для будущих поколений). Сущность природного наследия состоит в обеспечении баланса между экономическим развитием и сохранением естественной биологической среды, что имеет критическое значение в условиях нарастающего биосферного кризиса. Охрана природного наследия обладает большей общественной значимостью по сравнению с культурным, так как её утрата может повлечь необратимые последствия для жизнеобеспечения человека.

Правовое регулирование охраны всемирного культурного и природного наследия в РФ имеет два уровня: международный и национальный, причём международные договоры в силу Конституции являются частью правовой системы [1].

Конституционно-правовой уровень. Конституция РФ устанавливает базовые ценности: ст. 7 провозглашает Россию социальным государством, ст. 42 закрепляет право на благоприятную окружающую среду, ст. 44 гарантирует свободу творчества и доступ к культурным ценностям, а также возлагает на каждого обязанность заботиться о сохранении культурного и исторического наследия. Эти нормы носят общий, декларативный характер и требуют детализации в отраслевом законодательстве. **Международно-правовой уровень.** Конвенции ЮНЕСКО 1972 и 2003 годов содержат преимущественно общие обя-

зательства государств — проводить политику охраны, учреждать специальные органы, содействовать некоммерческим организациям. Санкции за нарушение не предусмотрены, что обусловлено целевой направленностью данных актов на формирование Списка всемирного наследия и координацию усилий государств. Эти нормы задают направления для национального регулирования. *Федеральный уровень.* Основным законом в сфере охраны культурного наследия является 73-ФЗ, который закрепляет понятие объектов, порядок их выявления и включения в реестр, а также права граждан (на сохранность, доступ и информацию) [2]. Особое внимание уделено мерам сохранения (гл. VII) и ограничениям доступа (ст. 47.5) для обеспечения баланса между публичными интересами и правами собственников. Охрана природного наследия регулируется 7-ФЗ, который устанавливает запрет на приватизацию земель в границах природных объектов и ограничения хозяйственной деятельности (ст. 58–59). За нарушения предусмотрена уголовная (ст. 243 УК РФ) и административная (ст. 7.13, 8.39 КоАП РФ) ответственность.

Таким образом, правовое регулирование отличается иерархичностью: конституционные и международные нормы задают общие принципы и ценности, а федеральные законы их детализируют и устанавливают меха-

низмы реализации. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, понятия культурного и природного наследия в законодательстве строятся через перечень охраняемых объектов, тогда как доктрина акцентирует существенные признаки — культурную/природную ценность и наследуемость. Неразрывное единство этих признаков составляет сущность данных институтов [3]. Во-вторых, правовое регулирование в РФ носит многоуровневый характер: конституционные и международные нормы устанавливают общие цели и принципы, федеральные законы — конкретные механизмы охраны и ответственность за нарушения. В-третьих, современные тенденции включают цифровизацию контроля, развитие правового института нематериального наследия, усиление международного давления в сфере охраны природных объектов и интеграцию целей устойчивого развития. Одновременно требуют решения проблемы неудовлетворительного состояния объектов, необоснованного включения в реестр и недостатка долгосрочного планирования. Решение этих задач является необходимым условием для формирования в России демократического правового государства и обеспечения эффективной охраны всемирного культурного и природного наследия для нынешних и грядущих поколений [3].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (принята 16 ноября 1972 года Генеральной конференцией Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры).
3. Развитие правового регулирования сохранения культурного наследия России в цифровой среде // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 10 (238). — С. 112–117.

Обязанность собственника земельного участка по содержанию имущества общего пользования: основание возникновения и определение размера платы

Лазарев Антон Константинович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Работа носит теоретико-прикладной характер и состоит из двух частей. В первой рассматривается вопрос об основании обязанности собственника земельного участка, расположенного в коттеджном посёлке, участвовать в расходах на содержание имущества общего пользования; выделяются три конкурирующие модели — договорная, законная и кондикционная — и показывается, что введение статей 259.1–259.4 Гражданского кодекса Российской Федерации не устранило неопределённости для комплексов, созданных до 1 октября 2023 года. Вторая часть посвящена механизму определения размера платы: на основе позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации реконструируется четырёхзвенная конструкция — компетенция собрания, запрет произвольности, документальное обоснование размера и распределение бремени доказывания. Особое внимание уделено определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2026 года, в котором впервые прямо назван документ, содержащий обоснование размера платы. Формулируется предложение о дополнении статьи 259.4 Гражданского кодекса Российской Федерации правилом об определении размера платы; при этом обосновывается, что специальная норма о возмещении расходов при отсутствии договора и решения собственников не требуется, поскольку эти отношения охватываются главой 60 Кодекса.

Ключевые слова: имущество общего пользования, коттеджный посёлок, размер платы, финансово-экономическое основание, экономическая обоснованность, бремя доказывания, решение общего собрания, неосновательное обогащение.

Предмет и границы исследования

Спор о плате за содержание общего имущества в коттеджном посёлке распадается на два самостоятельных вопроса, которые в литературе нередко смешивают. Первый: почему собственник участка обязан платить, если он не заключал договора и не голосовал за тариф. Второй: сколько именно он обязан платить и кто доказывает обоснованность этой суммы. Первый вопрос — об основании обязательства, второй — о его содержании. Судебная практика последних лет показывает, что положительный ответ на первый вопрос сам по себе не решает спор: требование, основание которого признано, отклоняется по мотиву недоказанности размера.

Настоящая работа построена соответственно: первая часть носит теоретический характер и посвящена конкуренции оснований, вторая — прикладной, и реконструирует механизм определения размера платы по позициям высших судов. Эмпирическую базу второй части составляют акты Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума и обзоры практики Президиума Верховного Суда Российской Федерации, а также определения его судебных коллегий, включая определения Судебной коллегии по экономическим спорам от 24 февраля 2026 года. Автор участвовал в рассмотрении дел, по которым вынесены эти определения, в качестве представителя истца. За рамками исследования остаются вопросы состава имущества общего пользования и порядка его государственной регистрации.

Часть I. Основание обязанности

Постановка проблемы задана постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2021 года № 55-П. Суд признал не соответствующей Конституции Российской Федерации сложившуюся практику восполнения законодательного пробела по аналогии с жилищным законодательством в той мере, в какой она «не гарантирует при определении порядка и условий установления и взимания, состава и размера платы за управление таким имуществом и его содержание — в отсутствие специально предназначенных для этого законодательных положений и договора собственника земельного участка (участков) с управляющей организацией — справедливый баланс прав и обязанностей, а также законных интересов субъектов указанных отношений» [8]. При этом Суд специально оговорил, что такое признание «не является... основанием для прекращения взимания платы за управление имуществом общего пользования, находящимся в собственности иного лица, и за его содержание в отсутствие у собственника земельного участка (участков) договора с управляющей организацией на оказание со-

ответствующих услуг» [8]. Обязанность сохранена, её основание оставлено открытым.

В правоприменении конкурируют три объяснения.

Договорная модель опирается на прямое указание Конституционного Суда Российской Федерации о том, что «наиболее эффективным... основанием для возложения на собственников участков и домов указанной обязанности может выступать договор, заключенный ими с управляющей организацией» [8]. Практически она работает лишь в той части посёлка, которая договор подписала: понуждение к его заключению законом не предусмотрено, конструкция публичного договора к таким услугам неприменима.

Законная (вещно-корпоративная) модель выводит обязанность из статей 210 и 249 Гражданского кодекса Российской Федерации, а с 1 октября 2023 года — из параграфа 2 главы 16 Кодекса, введённого Федеральным законом от 24 июля 2023 года № 351-ФЗ [5]. Согласно пункту 1 статьи 259.1 Кодекса, «собственникам недвижимых вещей, расположенных в пределах определенной в соответствии с законом общей территории и связанных физически или технологически либо расположенных в здании или сооружении, принадлежит на праве общей долевой собственности имущество, использование которого предполагалось для удовлетворения общих потребностей таких собственников при создании или образовании этих недвижимых вещей, а также имущество, приобретенное, созданное или образованное в дальнейшем для этой же цели (общее имущество)» [2]. Бремя содержания распределено пунктом 1 статьи 259.4: «Если иное не установлено единогласным решением собственников недвижимых вещей, каждый собственник недвижимой вещи обязан участвовать в расходах и издержках по содержанию и сохранению общего имущества соразмерно со своей долей в праве на общее имущество» [2].

Эта модель предполагает, однако, что общая территория определена, состав общего имущества установлен, а доли исчислены. В посёлках, застроенных до 2023 года, инфраструктура нередко остаётся в собственности застройщика или аффилированного лица, а долевая собственность в реестр не внесена. А. Ф. Пьянкова обоснованно связывает правовой режим общего имущества со способом создания комплекса [6, с. 88], а О. П. Зиновьева ещё до принятия Федерального закона № 351-ФЗ показала, что судьба общего имущества «классического» посёлка и посёлка, построенного по правилам долевого строительства, различается принципиально [3, с. 109]. Добавим, что новые нормы не имеют обратной силы и к отношениям, сложившимся до 1 октября 2023 года, неприменимы вовсе.

Кондикционная модель исходит из того, что услуга фактически потреблена, а её стоимость сбережена за счёт

лица, понёсшего расходы. М. М. Вильданова, анализируя споры в жилых комплексах, отмечает, что конфликты порождены самой добровольностью участия в товариществах: собственник, не согласный со способом управления, не платит, но услуги получает [1, с. 175].

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в определениях от 24 февраля 2026 года № 305-ЭС25-8944 и № 305-ЭС25-11073 разрешила конкуренцию в пользу фактического критерия: «лицо, фактически оказавшее услуги по содержанию общего имущества и инфраструктуры в пределах садоводческого, огороднического, дачного некоммерческого объединения или коттеджного посёлка, вправе требовать экономически обоснованной оплаты данных услуг от собственников независимо от наличия заключённого между ними договора» [11, с. 7–8]. Правило о содержании общего имущества, указала Коллегия, «подлежит применению по аналогии закона (пункт 1 статьи 6 ГК РФ) и к отношениям, складывающимся между собственниками земельных участков и жилых домов в коттеджных посёлках, которые несут обязанность по участию в разумных и обоснованных расходах на содержание общего имущества коттеджного посёлка» [10, с. 7]. Дефект основания при этом сам по себе не лишает исполнителя права на оплату: «Управляющая организация не может быть лишена права на компенсацию оказанных и принятых услуг и в случае признания в последующем недействительным договора, на основании которого она оказывала услуги, в связи с наличием спора между собственниками в отношении способа управления или отсутствием полномочий у лица, подписавшего договор» [11, с. 8].

Существенно, что аналогия применена не для установления размера платы — именно это было признано неконституционным в 2021 году, — а для обоснования самой обязанности участвовать в расходах. Вопрос о размере вынесен в самостоятельную плоскость, к которой мы и переходим.

Часть II. Определение размера платы

Реконструкция позиций высших судов позволяет выделить четыре звена, образующих единый механизм.

Звено первое: размер определяется решением собрания, и только им. Установление размера платы отнесено к исключительной компетенции общего собрания (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2016 года № 53-КГ16-1 [16]; пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 года № 22 [9]). Отсюда следуют два запрета. Исполнитель не вправе установить плату сам: как разъяснено в пункте 8 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2021) [13] установление управляющей организацией платы без соответствующего решения общего собрания является незаконным; Судебная коллегия по экономическим спорам в определении от 7 июля 2022 года

№ 304-ЭС22-2862 [17] признала начисление платы за фактически выполнявшуюся услугу без решения собрания нарушением закона. И исполнитель не вправе односторонне изменить порядок её определения — прямой запрет содержится в пункте 17 постановления Пленума № 22 [9].

Звено второе: размер, утверждённый собранием, не произволен. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 29 января 2018 года № 5-П (пункт 5 мотивировочной части) указал, что «утверждённый общим собранием собственников размер платы за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, услуги и работы по управлению таким домом не может устанавливаться произвольно, должен обеспечивать содержание общего имущества в многоквартирном доме в соответствии с предписаниями законодательства и отвечать требованиям разумности» [7]. Тожественная формула закреплена в пункте 16 постановления Пленума № 22 [9]. Применительно к комплексам индивидуальных домов Конституционный Суд в постановлении № 55-П потребовал соблюдения «требований разумности и обоснованности» и предоставления собственникам реальной возможности формировать общую волю [8], а в пункте 8.3 мотивировочной части удержал размер платы «в пределах разумной и обоснованной рыночной стоимости» [8].

Звено третье — наиболее важное с прикладной точки зрения: чем именно доказывается обоснованность размера. До февраля 2026 года ответ на этот вопрос практика давала интуитивно, что порождало массовые ходатайства о назначении судебных экспертиз по существу экономическому. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в определении от 24 февраля 2026 года № 305-ЭС25-8944 назвала документ прямо: «С учетом положений части 4 статьи 5 Закона № 217-ФЗ обоснование размера платы по услуге содержание имущества общего пользования содержится в финансово-экономическом обосновании размера ежемесячных членских взносов и платы собственников земельных участков, осуществляющих ведение садоводства или огородничества на земельных участках, расположенных в границах территории Товарищества, без участия в Товариществе (к проекту приходно-расходной сметы Товарищества на 2022–2023 финансовый год)» [10, с. 5]. Здесь же Коллегия признала правомерной дифференциацию платы: её размер «определен в зависимости от площади, использования (не использования) участков, с постройками (без построек), подключения (не подключения) к коммуникациям» [10, с. 5]. Отметим, что в парном определении № 305-ЭС25-11073 термин «финансово-экономическое обоснование» не употребляется, — цитировать эту позицию корректно только по первому из двух актов.

Вывод, который отсюда следует, имеет прямое практическое значение: экономическая обоснованность размера платы есть предмет доказывания документом, а не предмет специальных знаний. Позиция эта не нова по существу —

ещё в Обзоре судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел, связанных с садоводческими, огородническими и дачными некоммерческими объединениями, за 2010–2013 год, утверждённом Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 2 июля 2014 года [14], разъяснялось, что размер членских взносов «не может устанавливаться произвольно, а должен иметь финансовое обоснование» и может быть поставлен в зависимость от размера участка. Новизна определения от 24 февраля 2026 года в том, что абстрактное требование «финансового обоснования» соединено с конкретным документом, предусмотренным частью 4 статьи 5 Федерального закона от 29 июля 2017 года № 217-ФЗ [4].

Звено четвёртое: распределение бремени доказывания. Оно двухчастно. Позитивная часть лежит на исполнителе: «управляющая организация, предъявляя требование о взыскании платы, должна представить доказательства оказания услуг по содержанию и управлению общим имуществом коттеджного посёлка, а также доказательства того, что взыскиваемая плата за оказанные услуги экономически обоснована и разумна, а сами услуги являются объективно необходимыми» [10, с. 7–8]. Обратим внимание на союз: услуги должны быть объективно необходимыми для надлежащего содержания общего имущества либо направленными на удовлетворение общей потребности жителей в комфортных условиях проживания [10, с. 9], — это дизъюнкция, а не совокупность условий.

Негативная часть лежит на том, кто оспаривает утверждённый размер. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что суд вправе признать решение собрания недействительным «лишь в том случае, если придет к выводу о нарушении им требований закона» [7] (пункт 6 мотивировочной части). В пункте 4 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) [12] прямо констатируется, что бремя доказывания ничтожности решения собрания, «включая экономическое обоснование правомерности принятых общим собранием тарифов», суды ошибочно возлагали на собственников. К этому примыкает давняя позиция Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, изложенная в постановлении от 9 ноября 2010 года № 4910/10 [15]: при утверждённом размере платы управляющая организация не обязана доказывать размер фактических расходов в привязке к отдельному собственнику, а расчёт задолженности сводится к умножению ставки на площадь и число месяцев.

Пределы конструкции

Изложенное не означает, что утверждённый собранием тариф неопровержим. Верховный Суд Российской Федерации сохранил за собственником право на содержательные возражения: как разъяснено в пункте 11 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) [18], установление платы решением собрания не препятствует суду оценить доводы собствен-

ника о выходе услуг за рамки объективно необходимых и об установлении стоимости услуг, явно превышающей их рыночную стоимость. Соотношение здесь такое: решение собрания создаёт презумпцию обоснованности размера, но презумпцию опровержимую, и опровергается она не ссылкой на несогласие, а доказыванием превышения рыночной стоимости либо избыточности услуг.

Практика окружных судов показывает и обратную картину. Там, где решения собраний признаны недействительными, а управляющая сторона отказалась раскрыть первичные документы, ограничившись актами сверки и балансами, суд назначает экспертизу и снижает тариф по её результатам (постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 января 2026 года по делу № А76–33860/2023) [19]. Иными словами, освобождение от доказывания каждой статьи расходов действует в связке: неотменённое решение собрания плюс раскрытое документальное обоснование.

Наконец, отпадение решения собрания не переводит определение размера в руки исполнителя. Согласно пункту 18 постановления Пленума № 22, признанное недействительным решение об утверждении условия о порядке определения размера платы «не подлежит применению», а плата «подлежит перерасчёту» исходя из прежних условий [9]; при отсутствии прежнего решения применяется размер, установленный органом местного самоуправления (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2025 года № 5-КГ25–121-К2 [20]). Тариф, назначенный исполнителем самому себе, не применяется ни при каких условиях.

Выводы

Первое. Основание обязанности и её размер подчиняются разным правилам, и смешение этих плоскостей — источник значительной части ошибок. Основание при отсутствии договора и определённых долей выводится из факта оказания объективно необходимых услуг и охватывается главой 60 Гражданского кодекса Российской Федерации; размер определяется решением собственников и обосновывается документом.

Второе. Статьи 259.1–259.4 Гражданского кодекса Российской Федерации закрыли вопрос о принадлежности общего имущества, но не создали механизма определения размера платы. Пункт 1 статьи 259.4 отсылает к доле в праве на общее имущество, тогда как в комплексах, созданных до 1 октября 2023 года, доля, как правило, не определена, а само общее имущество принадлежит третьему лицу.

Третье. Практика восполнила этот дефицит четырёхзвенной конструкцией: компетенция собрания — запрет произвольности — документальное (финансово-экономическое) обоснование — распределение бремени доказывания с опровержимой презумпцией обоснованности утверждённого размера. Первые три звена по своей при-

роде нормативны: они определяют, кто и в каком порядке устанавливает размер платы, и потому уместны в законе. Четвёртое — распределение бремени и оценка обоснованности в конкретном споре — остаётся сферой правоприменения и законодательного закрепления не требует.

С учётом изложенного представляется целесообразным дополнить статью 259.4 Гражданского кодекса Российской Федерации пунктом 3 следующего содержания:

«3. Размер расходов и издержек по содержанию и сохранению общего имущества определяется решением собственников недвижимых вещей на основании финансово-экономического обоснования, содержащего расчёт по видам работ и услуг. Размер платы может быть дифференцирован в зависимости от объективных характеристик недвижимых вещей и объёма фактического пользования общим имуществом».

Предлагаемая норма не создаёт нового обязательства и не расширяет круг обязанных лиц. Она закрепляет на уровне закона то, что практика уже вывела толкованием:

источником размера служит решение собственников, а его обоснованность подтверждается расчётным документом. Одновременно норма сохраняет требуемый Конституционным Судом Российской Федерации баланс, поскольку обязанность собственника уравновешена обязанностью исполнителя раскрыть расчёт по видам работ и услуг.

Специального законодательного правила о возмещении расходов лицу, содержавшему общее имущество при отсутствии договора и решения собственников, вводить, по нашему мнению, не требуется. Эти отношения полностью охватываются главой 60 Гражданского кодекса Российской Федерации, а условия удовлетворения такого требования — объективная необходимость услуг, экономическая обоснованность и разумность платы — уже сформулированы судебной практикой и по своей природе относятся к обстоятельствам конкретного дела, устанавливаемым судом. Дублирование этих условий в тексте закона не прибавило бы определённости, но связало бы суд перечнем, который не может быть исчерпывающим.

Литература:

1. Вильданова, М. М. Неосновательное обогащение и защита прав жителей жилых комплексов / М. М. Вильданова // Право и практика. — 2023. — № 4. — С. 174–179.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: (в ред. на 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Зиновьева, О. П. О некоторых аспектах содержания общего имущества коттеджных посёлков / О. П. Зиновьева // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2022. — Т. 9, № 4. — С. 107–112.
4. О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ: (в ред. на 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2017. — № 31 (часть I). — Ст. 4766.
5. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 351-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023. — № 31 (часть III). — Ст. 5772.
6. Пьянкова, А. Ф. Правовое регулирование малоэтажных жилых комплексов / А. Ф. Пьянкова // Ex jure. — 2023. — № 1. — С. 85–95.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2018 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статей 181.4 и 181.5 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Логинова» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2018. — № 6. — Ст. 878.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2021 г. № 55-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т. С. Малковой» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2022. — № 2 (часть II). — Ст. 488.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2017. — № 8.
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2026 г. № 305-ЭС25–8944 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2026 г. № 305-ЭС25–11073 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023): утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».
13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2021): утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 февраля 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс».

14. Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел, связанных с садоводческими, огородническими и дачными некоммерческими объединениями, за 2010–2013 год: утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 2 июля 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2010 г. № 4910/10 по делу № А71–9485/2009 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2011. — № 2.
16. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2016 г. № 53-КГ16–1 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2022 г. № 304-ЭС22–2862 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023): утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 июля 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».
19. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 января 2026 г. по делу № А76–33860/2023 // Картотека арбитражных дел. — URL: <https://kad.arbitr.ru>.
20. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2025 г. № 5-КГ25–121-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

Проблема определения автора произведения, созданного с использованием технологий искусственного интеллекта

Лампежева Алёна Муратовна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается проблема определения субъекта авторского права в отношении произведений, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта, включая генеративные системы. Анализируются положения российского законодательства об авторстве и творческом характере создания произведения, а также зарубежная судебная и административная практика. Особое внимание уделяется разграничению произведений, созданных человеком с использованием искусственного интеллекта как инструмента, и результатов, сформированных системой автономно. Исследуется критерий человеческого творческого вклада как основа определения автора. На основании проведенного анализа предлагается подход, согласно которому использование искусственного интеллекта само по себе не должно исключать возникновение авторского права, однако охрана должна распространяться только на те элементы результата, которые являются следствием творческого вклада человека.

Ключевые слова: авторское право, искусственный интеллект, генеративный искусственный интеллект, автор, произведение, творческий труд, цифровизация, интеллектуальные права, авторство.

Введение

Развитие технологий искусственного интеллекта существенно изменяет традиционные представления о создании произведений науки, литературы и искусства. Современные генеративные системы способны создавать тексты, изображения, музыкальные произведения и программный код, что ставит вопрос о возможности применения к таким результатам традиционной конструкции авторского права.

Особую сложность представляет определение автора произведения, созданного с использованием искусственного интеллекта. От решения данного вопроса зависит возникновение исключительного права, возможность распоряжения произведением и применение предусмотренных законом способов защиты.

Российское законодательство пока не содержит специального регулирования авторства в отношении ре-

зультатов, созданных генеративными системами. Вместе с тем действующие нормы позволяют определить общий подход к решению данной проблемы.

1. Автор и творческий труд в российском законодательстве

В соответствии со ст. 1257 Гражданского кодекса Российской Федерации автором произведения признается гражданин, творческим трудом которого оно создано [1]. Таким образом, действующее законодательство связывает авторство прежде всего с наличием человеческого творческого труда.

Данный подход подтверждается п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10. Верховный Суд указал, что творческий характер создания произведения не зависит от того, создано ли оно непосредственно автором или с использованием технических

средств. При этом результаты, созданные с помощью технических средств без творческого характера деятельности человека, объектами авторского права не являются [2].

Следовательно, само использование искусственного интеллекта не исключает возникновения авторского права. Существенное значение имеет характер участия человека в процессе создания результата.

2. Подход зарубежной практики

Проблема определения автора произведений, созданных искусственным интеллектом, уже получила развитие в зарубежной практике.

Показательным является дело *Thaler v. Perlmutter*. Стивен Талер пытался зарегистрировать произведение *A Recent Entrance to Paradise*, указав в качестве его автора созданную им систему искусственного интеллекта. Бюро регистрации авторских прав США отказало в регистрации, поскольку произведение, по утверждению самого заявителя, было создано системой автономно, без человеческого творческого участия. В 2023 г. федеральный суд округа Колумбия подтвердил данный подход, признав человеческое авторство необходимым условием охраны произведения [3].

Вместе с тем зарубежная практика допускает охрану отдельных элементов произведения, созданного при совместном участии человека и ИИ.

Так, в отношении графического романа *Zarya of the Dawn*, созданного с использованием *Midjourney*, Copyright Office США признало возможность охраны текста и компоновки произведения, созданных человеком, но отказало в охране самостоятельно сгенерированных изображений [4].

Аналогичный подход был применен в отношении изображения *Théâtre D'opéra Spatial*. Несмотря на многочисленные запросы пользователя к системе *Midjourney*, Copyright Office пришло к выводу, что непосредственно сгенерированное изображение не обладало необходимой степенью человеческого авторства. При этом последующая человеческая переработка отдельных элементов могла получить самостоятельную правовую охрану [5].

Данные примеры позволяют сделать вывод, что определяющим критерием является не количество действий пользователя, а характер его творческого участия в формировании конечного результата.

3. Критерий человеческого творческого вклада

Представляется, что для определения автора произведения, созданного с использованием ИИ, необходимо использовать критерий человеческого творческого вклада.

При оценке такого вклада могут учитываться наличие самостоятельного творческого замысла, степень конкретизации задания для системы, выбор и отбор результатов генерации, последующее редактирование, изменение композиции и содержания произведения, а также возмож-

ность человека контролировать его существенные выразительные элементы.

При этом сам по себе сложный или подробный запрос к системе не всегда свидетельствует о наличии авторства. Если конечные выразительные элементы определяются исключительно алгоритмом, а человек фактически осуществляет лишь запуск генерации и выбор готового результата, признание его автором всего произведения представляется необоснованным.

Одновременно чрезмерно узкий подход также способен привести к несправедливым результатам. Например, человек может использовать ИИ как инструмент реализации собственного художественного замысла, многократно изменяя параметры, отбирая результаты и самостоятельно перерабатывая их. В таком случае полностью исключать наличие авторства только по причине использования генеративной системы было бы неправильно.

Поэтому авторство следует определять исходя из совокупности обстоятельств создания конкретного произведения, а не исключительно из используемой технологии.

Представляется целесообразным дополнить российское законодательство положением, согласно которому использование искусственного интеллекта при создании произведения не препятствует возникновению авторского права при условии наличия творческого вклада человека. При этом отсутствие такого вклада должно исключать возникновение авторского права на самостоятельно сгенерированный результат.

Особое значение в дальнейшем может приобрести фиксация цифрового процесса создания произведения: истории запросов, промежуточных вариантов, сведений о редактировании и иных цифровых следов. Такие данные способны использоваться для подтверждения характера творческого участия человека.

Заключение

Таким образом, развитие генеративного искусственного интеллекта не требует отказа от традиционной категории автора, однако заставляет уточнить критерии ее применения.

Действующее российское законодательство позволяет исходить из того, что использование ИИ само по себе не препятствует возникновению авторского права. Определяющим обстоятельством должен выступать творческий вклад человека. Если человек самостоятельно определяет существенные элементы произведения, осуществляет творческий отбор, переработку и компоновку результата, он может признаваться автором соответствующего произведения или его части. Если же результат формируется системой автономно при отсутствии творческого участия человека, основания для возникновения авторского права отсутствуют.

Представляется, что именно такой подход позволит сохранить фундаментальный принцип человеческого авторства и одновременно адаптировать авторское право к новым формам цифрового творчества.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. действующая).
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».
3. Thaler v. Perlmutter, No. 1:22-cv-01564 (D.D. C. Aug. 18, 2023).
4. U. S. Copyright Office. Zarya of the Dawn. Registration Decision. February 21, 2023.
5. U. S. Copyright Office Review Board. Second Request for Reconsideration for Refusal to Register Théâtre D'opéra Spatial. September 5, 2023.

Цифровизация таможенных процедур: проблемы и перспективы

Левченко Лев Сергеевич, студент

Научный руководитель: Акентьева Валерия Юрьевна, преподаватель
Пятигорский государственный университет (Ставропольский край)

В условиях геополитической напряжённости и санкционного давления цифровая трансформация таможенной сферы приобретает особую значимость для экономической безопасности России. В работе анализируются текущее состояние и ключевые направления внедрения цифровых технологий в деятельность Федеральной таможенной службы. Исследование опирается на изучение нормативно-правовой базы и практических результатов работы таможенных органов. Выявлены основные препятствия (импортозамещение, кадровый дефицит, кибербезопасность) и наиболее перспективные технологии (автоматическое оформление, искусственный интеллект, «умные» пункты пропуска). Обосновывается позиция, согласно которой последовательная цифровизация выступает фундаментальным условием ускорения товарооборота и укрепления фискальной функции таможни.

Ключевые слова: таможенное администрирование, цифровая трансформация, автоматизация контроля, искусственный интеллект, интеллектуальный пункт пропуска, управление рисками, электронное декларирование.

Современная международная обстановка и переориентация внешнеторговых потоков России на восточные и южные направления предъявляют повышенные требования к эффективности таможенного администрирования. Участие страны в Евразийском экономическом союзе, необходимость защиты экономического суверенитета и противодействия новым вызовам делают цифровую трансформацию таможенной сферы жизненно необходимым направлением государственной политики. Именно внедрение передовых технологий позволяет таможенным органам оперативно реагировать на изменения конъюнктуры, сохраняя контрольные функции при снижении административной нагрузки на бизнес [1].

Согласно Таможенному кодексу ЕАЭС (статья 351), таможенные структуры призваны решать комплекс приоритетных задач: охрана национальной безопасности и здоровья населения, сохранение природной среды, содействие ускорению трансграничного перемещения товаров, а также исполнение международных договорённостей и национального законодательства. Очевидно, что эффективное решение столь разнородных задач в условиях роста объёмов международной торговли становится невозможным без цифровых инструментов, обеспечивающих скорость обработки информации и объективность принимаемых решений.

Для полноценного функционирования таможенной системы в цифровую эпоху требуется не только техническое переоснащение, но и соответствующая организационная структура. В Российской Федерации курс на повсеместную цифровизацию государственных услуг закреплён в национальных стратегических документах. Таможенная служба, выступая в роли координатора во внешнеэкономической сфере, последовательно внедряет электронное декларирование, алгоритмы автоматической регистрации и выпуска грузов, а также элементы искусственного интеллекта. Общее стратегическое руководство принадлежит Правительству РФ, при этом ФТС России функционирует под эгидой Министерства финансов, где Минфин отвечает за нормативное регулирование, а ФТС — за практическую реализацию контрольных функций с опорой на новейшие цифровые решения [2].

Положения Стратегии развития таможенной службы до 2030 года задают вектор преобразований, охватывающих все уровни таможенной вертикали. Ключевыми направлениями выступают: комплексная автоматизация таможенных операций, интеграция искусственного интеллекта в систему управления рисками, формирование интеллектуальных пограничных переходов, внедрение навигационных пломб для мониторинга транзита, а также реализация концепции «единого окна» для межведомственного обмена данными. С каждым годом доля та-

моженных операций, выполняемых без участия человека, неуклонно возрастает. В практической деятельности Санкт-Петербургской таможни показатели автоматической регистрации транзитных деклараций достигают 90 процентов, тогда как доля полностью автоматического выпуска составляет 56 процентов. Ещё один показательный пример — Сибирское таможенное управление, где при экспортном контроле лесоматериалов за один год количество деклараций, выпущенных автоматически, выросло в 2,5 раза и превысило 52 процента. Подобная статистика наглядно подтверждает, что цифровая трансформация таможенных процедур перешла в фазу реального практического применения [3].

Центральным звеном, обеспечивающим цифровую перестройку всей таможенной системы, выступает ФТС России. Именно этот орган разрабатывает регламенты для автоматического оформления, утверждает перечень индикаторов риска, при срабатывании которых автовыпуск приостанавливается, координирует работу центральных информационных платформ. Среди ключевых полномочий ФТС в сфере цифровизации: управление развитием государственной информационной системы таможенных органов, заключение международных соглашений о взаимном признании электронных документов и навигационных пломб, создание центров электронного декларирования и «умных» пунктов пропуска [4].

В условиях цифровой эпохи трансформируются и функции региональных таможенных управлений (РТУ). Выступая связующим звеном между федеральным центром и местными подразделениями, РТУ обеспечивают внедрение цифровых стандартов на территории своих регионов, осуществляют мониторинг эффективности автоматизированных алгоритмов и на основе технологий анализа больших данных занимаются прогнозированием поступлений таможенных платежей. Таможни, в свою очередь, подразделяются на электронные (центры электронного декларирования) и таможни фактического контроля. Первые реализуют механизм «удалённого» выпуска, вторые оснащаются инспекционно-досмотровыми комплексами и системами видеоаналитики [5].

Базовым звеном остаются таможенные посты. В их структуре выделяются центры электронного декларирования (документальный дистанционный контроль) и посты фактического контроля (применение технических средств досмотра). К числу основных функций постов в цифровой среде относятся: контроль на основе автоматизированной системы управления рисками, применение навигационных пломб для отслеживания тран-

зита, эксплуатация мобильных досмотровых комплексов и фиксация результатов в электронных журналах без дублирования на бумаге.

Наряду с бесспорными достижениями процесс цифровизации сопряжён с серьёзными вызовами. Наиболее острый — необходимость тотального импортозамещения программного и аппаратного обеспечения. Существующая информационная инфраструктура таможенных органов в значительной степени опиралась на западные разработки, и сегодня требуется не фрагментарная замена, а полноценный реинжиниринг архитектуры с переходом на отечественные платформы. Вторым значимым барьером выступает кадровая проблема: система подготовки специалистов не успевает за технологическими изменениями. Современный инспектор должен сочетать правовые знания с компетенциями в области анализа данных и работы с искусственным интеллектом. Наконец, аккумуляция колоссальных объёмов конфиденциальной информации в единой цифровой системе создаёт привлекательную мишень для злоумышленников, а компрометация алгоритмов автоматического выпуска чревата массовым пропуском товаров с нарушениями [6].

Дальнейшие перспективы цифровизации связываются с углублённым применением искусственного интеллекта, повсеместным созданием интеллектуальных пунктов пропуска и внедрением системы подтверждения ожидания товара, призванной противодействовать занижению таможенной стоимости. Масштабирование практики использования навигационных пломб на все транзитные перевозки позволит перейти от физического сопровождения грузов к удалённому мониторингу, что существенно сократит издержки для бизнеса и таможенных органов. Развитие международного сотрудничества по вопросам взаимного признания электронных документов откроет новые горизонты для наращивания транзитного потенциала России [6].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что цифровизация таможенных процедур представляет собой объективный и необратимый процесс, радикально меняющий облик таможенного администрирования. Несмотря на наличие серьёзных препятствий — от необходимости импортозамещения до кадровых вызовов и рисков кибербезопасности, — Россия уже достигла впечатляющих результатов. Дальнейшее развитие автоматического выпуска, внедрение искусственного интеллекта и создание интеллектуальных пунктов пропуска позволят ускорить внешнеторговый оборот, повысить собираемость платежей и укрепить экономическую безопасность страны.

Литература:

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 09 марта 2004 г. № 314 (в ред. от 12 апреля 2019 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03 августа 2018 г. № 289-ФЗ (в ред. от 01 мая 2019 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О федеральной таможенной службе: Постановление Правительства Российской Федерации от 16.09.2013 № 809 (в ред. от 03.06.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Андреев А. А. Технологии искусственного интеллекта в системе таможенного администрирования: возможности, барьеры и перспективы цифровой трансформации // Новизна. Эксперимент. Традиции. 2026. Т.12. № 1(33). С. 53–62.

Правовое регулирование платформенной экономики: баланс интересов участников и новые вызовы для предпринимательства

Майданевич Юлия Петровна, доктор экономических наук, профессор
Севастопольский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

Статья посвящена анализу правового регулирования платформенной экономики в Российской Федерации в контексте осуществления предпринимательской деятельности. Рассматриваются концептуальные различия в подходах к определению цифровых платформ в Федеральном законе № 289-ФЗ и антимонопольном законодательстве. Выявляются системные противоречия между регулированием транзакционных и нетранзакционных платформ, а также проблемы распространения антимонопольных иммунитетов в сфере интеллектуальной собственности. Обосновывается необходимость гармонизации понятийного аппарата и выработки единых подходов к оценке рыночной власти цифровых платформ с учётом их типологических особенностей.

Ключевые слова: платформенная экономика, цифровые платформы, предпринимательская деятельность, антимонопольное регулирование, посредническая цифровая платформа, баланс интересов, сетевые эффекты.

Введение

С 1 октября 2026 года вступает в силу Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [1]. Этим актом в правовое поле вводится новая конструкция — «посредническая цифровая платформа». Операторов маркетплейсов и агрегаторов наделяют обязанностями по верификации контрагентов, организации досудебного разрешения споров и соблюдению ограничений при взаимодействии с самозанятыми.

Одновременно ФАС России разрабатывает «шестой антимонопольный пакет». Его центральные вопросы — отмена антимонопольных иммунитетов в сфере интеллектуальной собственности и распространение специального регулирования на нетранзакционные платформы: социальные сети, поисковые сервисы и классифайды [2]. Таким образом, регулирование цифровых рынков в России вступает в новый этап, ключевая задача которого — поиск баланса между стимулированием инноваций и защитой конкуренции.

В юридической науке вопросы правового статуса цифровых платформ активно обсуждаются. А. В. Габов и С. П. Саяпин рассматривают платформенную экономику как специфический предмет правового регули-

рования, исследуют терминологию Закона № 289-ФЗ и приходят к выводу о необходимости унификации терминологического аппарата [3]. В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петров и М. П. Рубанова анализируют антимонопольные аспекты регулирования цифровых рынков, изменения, внесённые пятым антимонопольным пакетом, и обосновывают введение понятия «цифровой товарный рынок» [4]. Вопрос о распространении антимонопольного регулирования на нетранзакционные платформы активно обсуждается в экспертной литературе в связи с подготовкой шестого антимонопольного пакета [5]. При этом дискуссионными остаются вопросы единой терминологии, распространения антимонопольного регулирования на все виды цифровых платформ, а также допустимых пределов отмены антимонопольных иммунитетов в сфере интеллектуальной собственности [8].

Цель настоящей статьи — выявить системные противоречия между разными подходами к регулированию цифровых платформ, определить риски правовой неопределённости для участников рынка и предложить пути устранения выявленных проблем.

Изложение основного материала. Закон № 289-ФЗ определяет «посредническую цифровую платформу» как информационную систему, которая обеспечивает взаимодействие оператора, партнёров и пользователей для за-

ключения гражданско-правовых договоров, а также предоставляет технические возможности для размещения информации о товарах, совершения сделок и оплаты [1]. Ключевые признаки такой платформы — обеспечение заключения сделок и включение в специальный реестр посреднических цифровых платформ.

Законодатель разграничивает понятия «цифровая платформа» и «посредническая цифровая платформа». Первое — более широкое, охватывает любые интернет-площадки, включая доски объявлений и информационные порталы. Второе — сужается до маркетплейсов и агрегаторов, непосредственно участвующих в организации и сопровождении сделок. Новые требования — обязательная верификация партнёров, ограничения по времени работы с самозанятыми, система досудебного разрешения споров — распространяются исключительно на посреднические цифровые платформы [1].

Принятие Закона № 289-ФЗ привело к формированию ряда новшеств в части регулирования платформенной экономике.

Во-первых, с 1 октября 2026 года маркетплейсы несут прямую обязанность по проверке сведений о лицах, намеревающихся стать партнёрами или владельцами пунктов выдачи заказов [1]. Перечень проверяемых сведений дифференцирован в зависимости от правового статуса заявителя:

- для юридических лиц — наименование, юридический адрес, ИНН, ОГРН, КПП;
- для индивидуальных предпринимателей и самозанятых — полное имя, ИНН, ОГРНИП или актуальность статуса плательщика налога на профессиональный доход [1].

Электронная идентификация признаётся самостоятельным юридическим фактом, достаточным для подтверждения достоверности сведений [1].

Во-вторых, закон устанавливает предельный лимит. Самозанятые не могут работать с одним заказчиком через цифровую платформу более 60 часов в месяц в течение шести месяцев подряд [1]. Это ограничение направлено на предотвращение использования платформ как инструмента подмены трудовых отношений гражданско-правовыми схемами.

В-третьих, закон вводит обязанность платформ обеспечить техническую возможность для предъявления претензий непосредственно продавцам. Срок рассмотрения обращений — не более 15 дней. Если претензия признаётся обоснованной, платформа обязана отменить оспариваемое решение в течение 48 часов [1].

Как отмечали участники отраслевой конференции «ПлатФорм 2026» [6], включая представителей «Авито», «Яндекса», СПбГУ и АНО «Цифровая экономика», Закон № 289-ФЗ регулирует исключительно транзакционные платформы. Нетранзакционные платформы (социальные сети, поисковые сервисы, классифайды) остаются вне его действия. Это создаёт асимметрию регулирования, при которой субъекты, осуществляющие схожие экономические функции, находятся в неравном правовом положении.

Для адаптации антимонопольного регулирования к условиям цифровой экономики был принят пятый антимонопольный пакет. Федеральным законом от 10.07.2023 № 301-ФЗ в Закон о защите конкуренции включена статья 10.1, устанавливающая критерии доминирующего положения владельца цифровой платформы. К числу таких критериев относятся: наличие сетевого эффекта, позволяющего влиять на общие условия обращения товара; совокупная стоимость сделок, совершаемых посредством платформы, превышающая 35 % от общей стоимости всех сделок на соответствующем товарном рынке; а также выручка владельца платформы за последний календарный год, превышающая 2 млрд рублей [5, с. 5–6].

Как отмечается в литературе, статья 10.1 Закона о защите конкуренции распространяет своё действие исключительно на владельцев транзакционных цифровых платформ. Экономическая деятельность владельцев нетранзакционных цифровых платформ (социальных сетей, поисковых сервисов) данной статьёй не охватывается [5, с. 7–9]. Аналогичной позиции придерживается Е. Д. Ворникова [9], указывая, что пятый антимонопольный пакет не распространяется на цифровые экосистемы и сервисы, включая социальные сети и поисковики.

Возникает понятийный разрыв, так как один и тот же термин «цифровая платформа» наполняется разным содержанием в зависимости от контекста. Закон о платформенной экономике оперирует категорией «посредническая цифровая платформа», тогда как антимонопольное законодательство не проводит чёткой дифференциации между транзакционными и нетранзакционными платформами, хотя на практике устанавливает разные критерии оценки их рыночной власти. Отсутствие единого понятийного аппарата создаёт риск правовой неопределённости для участников оборота.

Как отмечает И. Кожевников [6], участник форума «Plat-Forum 2026», классические методы анализа конкуренции — метод сравнимых рынков или затратный метод — плохо работают в отношении цифровых платформ. Вопрос о методологии оценки рыночной доли для таких платформ обсуждался ещё на стадии разработки пятого пакета, но не был решён. Сегодня он становится ещё более актуальным.

Стремительное развития цифровой экономики обусловило необходимость дальнейшей доработки законодательства, что способствовало разработке шестого антимонопольного пакета.

Главный вызов для разработчиков шестого антимонопольного пакета — распространение антимонопольных запретов на нетранзакционные платформы. Как отмечает А. Е. Шаститко [7] в докладе на Петербургском международном юридическом форуме, цифровые платформы принято делить на транзакционные маркетплейсы, сервисные платформы и нетранзакционные классифайды. Если первые два типа хорошо изучены, то классифайды часто остаются в тени. Хотя их роль в экономике велика — они снижают барьеры для малого бизнеса, формируют пользовательские сообщества.

Дискуссия о разграничении транзакционных и нетранзакционных платформ не ограничивается Россией. В зарубежной литературе это различие подвергается сомнению. Как показывает анализ Г. Нильса [8], разграничение транзакционных и нетранзакционных платформ не имеет теоретического обоснования в рамках теста гипотетического монополиста. Гипотетический монополист максимизирует прибыль на обеих сторонах платформы независимо от того, является она транзакционной или нет. Тем не менее на практике конкурентные ведомства продолжают использовать это различие, что требует выработки чётких критериев для каждого типа платформ.

Особая дискуссия развернулась вокруг антимонопольных иммунитетов в сфере интеллектуальной собственности. Статьи 10 и 11 Закона о защите конкуренции исключают интеллектуальные права из-под действия антимонопольных норм [5]. ФАС России настаивает на отмене этих иммунитетов, поскольку они позволяют недобросовестным правообладателям ограничивать конкуренцию [2]. Однако Павлухина О. А. [8] отмечает, что интеллектуальные права имеют общественное значение — они стимулируют инновации и научный прогресс. Ключевой вопрос шестого пакета — поиск баланса между защитой конкуренции и сохранением стимулов к инновациям.

Проведённый анализ позволяет выделить несколько системных проблем действующего регулирования.

Первое — понятийная фрагментарность. Закон № 289-ФЗ вводит понятие «посредническая цифровая платформа», тогда как антимонопольное законодательство оперирует понятием «цифровая платформа» без чёткой дифференциации. Отсутствие единого понятийного аппарата создаёт риск правовой неопределённости и затрудняет единообразное применение норм.

Второе — асимметрия регулирования. Закон о платформенной экономике регулирует транзакционные платформы, оставляя нетранзакционные платформы вне его действия. Одновременно ФАС России требует распространения антимонопольных запретов на все виды платформ. Это создаёт риск несоразмерного регулирования.

Третье — коллизия между защитой инноваций и защитой конкуренции. Отмена антимонопольных иммунитетов в сфере интеллектуальной собственности, при всей логической обоснованности, может ослабить стимулы к инновациям, если не будут предусмотрены адекватные гарантии защиты прав правообладателей.

В качестве путей устранения выявленных проблем предлагаются следующие меры.

Во-первых, необходимо закрепить в Законе о защите конкуренции единую юридическую дефиницию цифровой платформы, а также её разновидностей — транзакционных и нетранзакционных платформ. Это позволит обеспечить единообразное применение антимонопольного законодательства ко всем участникам цифровых рынков.

Во-вторых, распространить антимонопольное регулирование на владельцев как транзакционных, так и нетран-

закционных платформ. При этом методология оценки рыночной доли для нетранзакционных платформ должна учитывать специфику их деятельности — количество пользователей, вовлечённость аудитории, влияние на смежные рынки.

В-третьих, при отмене антимонопольных иммунитетов в сфере интеллектуальной собственности сохранить механизмы, гарантирующие защиту прав правообладателей от необоснованного вмешательства. Целесообразно закрепить в законодательстве принцип, согласно которому антимонопольный контроль в сфере интеллектуальной собственности применяется только в случаях явного злоупотребления рыночной властью.

В-четвёртых, гармонизировать понятийный аппарат Закона № 289-ФЗ и Закона о защите конкуренции. Определение «посреднической цифровой платформы» из Закона о платформенной экономике может быть использовано как основа для уточнения понятия «цифровая платформа» в антимонопольном законодательстве.

Заключение

Вступление в силу Федерального закона № 289-ФЗ и подготовка «шестого антимонопольного пакета» знаменуют новый этап правового регулирования платформенной экономики в России.

Закон № 289-ФЗ вводит принципиально новую правовую конструкцию — «посредническую цифровую платформу» — и существенно расширяет обязанности операторов маркетплейсов по верификации контрагентов, ограничению взаимодействия с самозанятыми и созданию систем досудебного разрешения споров.

Основная проблема — фрагментарность правового регулирования. Закон о платформенной экономике не распространяется на нетранзакционные платформы, тогда как ФАС России требует их антимонопольного контроля.

Отмена антимонопольных иммунитетов в сфере интеллектуальной собственности — наиболее острая тема «шестого антимонопольного пакета». Необходимо найти баланс между защитой конкуренции и сохранением стимулов к инновациям.

Предложенные пути устранения правовой неопределённости включают: унификацию понятийного аппарата в антимонопольном законодательстве, распространение антимонопольного регулирования на все виды цифровых платформ, разработку специальной методологии оценки рыночной доли для нетранзакционных платформ, а также гармонизацию понятийного аппарата Закона № 289-ФЗ и Закона о защите конкуренции.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: анализ правоприменительной практики после вступления Закона № 289-ФЗ в силу, разработка конкретных механизмов оценки рыночной власти нетранзакционных платформ, сравнительный анализ подходов к регулированию цифровых платформ в странах ЕАЭС и БРИКС.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 31. — Ст. 4688.
2. Антимонопольные «иммунитеты» в сфере интеллектуальной собственности способствуют монополизации товарных рынков [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. — 29 марта 2024. — URL: <https://fas.gov.ru> (дата обращения: 25.08.2026).
3. Закон о защите конкуренции: новая статья 10.1 о доминирующем положении владельцев цифровых платформ // Российское конкурентное право и экономика. — 2024. — № 1. — С. 5–11. Габов А. В., Саяпин С. П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex russica. — 2025. — Т. 78, № 11. — С. 9–33. — DOI: 10.17803/1729–5920.2025.228.11.009–033.
4. Попондопуло В. Ф., Петров Д. А., Рубанова М. П. Антимонопольное регулирование цифровых платформ в условиях цифровизации товарных рынков // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. — 2025. — Т. 16, № 1. — С. 4–23.
5. PlatForum 2026: регуляторные вызовы платформенной экономики [Электронный ресурс] // Кучер Кулешов Максименко и партнеры. — 4 июня 2026. — URL: <https://kkmp.legal> (дата обращения: 25.08.2026).
6. Шаститко А. Е. Эволюция цифровых платформ и пределы правовой классификации [Электронный ресурс] // Доклад на Петербургском международном юридическом форуме — 2026. — 26 июня 2026. — URL: <https://istina.ips.ac.ru> (дата обращения: 25.08.2026).
7. Niels G. Transaction versus Non-transaction Platforms: A False Dichotomy in Two-sided Market Definition // Journal of Competition Law & Economics. — 2019. — Vol. 15, No. 2–3. — P. 327–357.
8. Павлухина О. А. Антимонопольные иммунитеты и интеллектуальная собственность в цифровой экономике // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2025. — № 3. — С. 12–22.
9. Ворникова Е. Д. Проблемы адаптации антимонопольного регулирования к условиям цифровой экономики // Цифровое право. — 2023. — Т. 4, № 4. — С. 91–106.

Проблемы правового регулирования института необходимой обороны при семейном (бытовом) насилии в Узбекистане

Мамиров Улугбек Зокиржонович, самостоятельный соискатель
Ташкентский государственный юридический университет (Узбекистан)

В статье раскрываются уголовно-правовые и правоприменительные проблемы применения института необходимой обороны в делах, связанных с семейным (бытовым) насилием. Обосновывается, что систематичность и длительность семейного насилия должны иметь самостоятельное юридическое значение при оценке состояния необходимой обороны и её пределов. На основе анализа законодательства Узбекистана, судебной практики и опыта Канады, Великобритании, Германии, России и США сформулированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства

Ключевые слова: необходимая оборона, семейное насилие, превышение пределов обороны, делящаяся опасность.

Последние годы стало самостоятельным направлением уголовно-правовой политики Узбекистана.

Закон «О защите женщин от притеснения и насилия» 2019 года ввёл охранный ордер и систему реабилитации пострадавших, а Закон от 11 апреля 2023 года № ЗРУ-829 дополнил Уголовный кодекс статьёй 126–1 «Семейное (бытовое) насилие». Согласно статье 3 Закона Республики Узбекистан от 2 сентября 2019 г. № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия», насилие определяется как противоправное действие (бездействие) в отношении женщин, посягающее на жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, честь, достоинство и иные охра-

няемые законом права и свободы посредством применения либо угрозы применения физического, психологического, полового или экономического воздействия. При этом содержание семейного (бытового) насилия конкретизировано в разъяснениях Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 20 ноября 2023 г. № 30, согласно которым оно включает умышленные деяния физического, психического, экономического или сексуального характера, совершаемые в отношении другого члена семьи и нарушающие его права, свободы и законные интересы [2].

Вместе с тем усиление ответственности за насилие закономерно ставит и обратный вопрос: как должен оцениваться вред, причинённый самим пострадавшим лицу, си-

стематически применяющему насилие, если такой вред причинён в целях защиты жизни, здоровья или иных охраняемых законом интересов. Данный вопрос имеет особое значение потому, что семейное насилие отличается от иных форм посягательства своей длительностью, повторяемостью, психологическим давлением, экономической зависимостью и неравенством положения сторон конфликта.

В соответствии со статьёй 37 Уголовного кодекса Республики Узбекистан не является преступлением действие, совершённое в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности или прав обороняющегося либо другого лица, интересов общества или государства от противоправного посягательства путём причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны [1].

Превышением пределов признаётся явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства. Уголовный кодекс прямо устанавливает, что право на необходимую оборону принадлежит лицу независимо от имевшейся возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

Из содержания нормы следует принципиально важный вывод: законодатель не возлагает на обороняющегося обязанность сначала искать помощь государства или покинуть место конфликта. Превышение пределов обороны образует привилегированные составы, предусмотренные статьями 100 и 107 УК РУз.

Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 20 декабря 1996 г. № 39 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно-опасных посягательств» разъяснил, что законодательство о необходимой обороне распространяется и на случаи защиты интересов других лиц, что гражданин не обязан спасаться бегством и что при оценке действий защищавшегося следует учитывать характер и опасность посягательства, его внезапность, интенсивность и возможности обороняющегося по отражению нападения, а не только тяжесть причинённого вреда [2].

Эти позиции сами по себе прогрессивны, однако построены на модели однократного конфликта между посторонними лицами. В то время как, семейное насилие устроено принципиально иначе. Оно носит длящийся, циклический и эскалирующий характер; агрессор и пострадавший проживают в общем жилище; пострадавший экономически и психологически зависим, а перерывы между эпизодами насилия являются не прекращением опасности, а её фазой.

В уголовном праве Узбекистана необходимая оборона традиционно раскрывается через условия правомерности, относящиеся к посягательству и к защите [3], однако специфика насилия внутри семьи в этой системе не учитывается.

Однако оценка правомерности защиты жертвы семейного насилия по-прежнему производится на основе

разъяснений, данных почти за тридцать лет до того, как семейное насилие стало самостоятельным составом преступления. Анализ действующего регулирования позволяет выделить пять взаимосвязанных проблем.

Первая проблемой является отсутствие предшествующей истории насилия в перечне обстоятельств, подлежащих учёту.

В постановлении Пленума № 39 этот перечень сформулирован применительно к самому эпизоду: характер и опасность посягательства, его внезапность, интенсивность, возможности обороняющегося. Предшествующие избиения, угрозы и запугивание в него не входят и в лучшем случае учитываются как смягчающее обстоятельство при назначении наказания, то есть уже после признания лица виновным.

Наиболее развёрнутое решение предлагает канадское право. Статья 34 Уголовного кодекса Канады заменила прежние казуистические нормы единым критерием разумности действий в конкретных обстоятельствах и закрепила открытый перечень факторов, которые суд обязан учитывать [4].

К их числу относятся неизбежность применения силы и наличие иных средств реагирования; относительные физические характеристики сторон, включая рост, возраст и пол; характер, продолжительность и история отношений между сторонами, в том числе имевшее место ранее применение силы или угрозы её применения; история взаимодействия сторон; соразмерность реакции.

Эти положения прямо выводятся из решения Верховного суда Канады по делу *R. v. Lavallee*, признавшего, что поведение женщины, длительно подвергавшейся насилию, не может оцениваться по мерке стороннего наблюдателя, а сам факт того, что она ранее не покинула отношения, не лишает её права на самозащиту [5]. Суд признал релевантными экспертные сведения о психологических последствиях систематического насилия и способности потерпевшей воспринимать угрозу.

Аналогичная научная позиция развивается в современной российской литературе: системный характер домашнего насилия предлагается учитывать при установлении состояния необходимой обороны и превышения ее пределов [6]. При этом «синдром избиваемой женщины» (*battered woman syndrome*) не должен превращаться в самостоятельное основание освобождения от ответственности; его значение заключается в объяснении восприятия опасности и поведения лица в конкретной ситуации.

Для Узбекистана целесообразно закрепить в разъяснениях Верховного суда правило, согласно которому при решении вопроса о наличии необходимой обороны по делам, связанным с семейным насилием, суд обязан оценивать не только непосредственно предшествующий эпизод, но и предшествующую историю насилия, угроз, преследования, принуждения и иных форм контроля. Такое положение позволит перейти от оценки конфликта как единичного бытового эпизода к оценке его фактического контекста.

Второй проблемой выступает критерий превышения пределов обороны.

Формула «явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства» на практике сводится к сопоставлению фактически причинённого вреда с вредом угрозавшим, против чего прямо предостерегал Пленум.

В делах о семейном насилии такое сопоставление структурно невыгодно для обороняющейся стороны: физически более слабый человек способен остановить нападение, как правило, лишь при помощи предмета, используемого в качестве оружия, что немедленно создаёт видимость несоразмерности.

Кроме того, опасность при семейном насилии не всегда выражается только в конкретном физическом действии. Лицо, которое ранее неоднократно угрожало убийством, применяло насилие и осуществляло контроль над пострадавшим, создаёт существенно большую объективную опасность, чем лицо, впервые вступившее в бытовой конфликт.

Английское право отреагировало на эту асимметрию не расширением обороны, а самостоятельным частичным защитным механизмом. Разделы 54–55 Закона о коро-
нерах и правосудии 2009 года ввели вместо провокации институт утраты самоконтроля, прямо указав, что утрата самоконтроля не обязана быть внезапной, и признав квалифицирующим поводом страх серьёзного насилия со стороны потерпевшего [7].

Реформа была прямо мотивирована делами женщин, реагировавших на длительное домашнее насилие с отсрочкой во времени; успешная ссылка на эту норму исключает квалификацию содеянного как тяжкого убийства.

Третья проблема носит прикладной характер и подтверждается эмпирическими данными. Анализ 43 судебных актов по делам о гендерном насилии, рассмотренных с ноября 2023 по октябрь 2024 года, выявил устойчивую практику взаимного возложения ответственности: если пострадавшая в ответ на агрессию защищает себя, её действия квалифицируются не как оборона, а как самостоятельное правонарушение по статье 59–2 КоАО, вследствие чего агрессор приобретает статус пострадавшего, а пострадавшая — статус агрессора [8].

В частности, в одном из изученных административных дел женщина, оцарапавшая лицо избивавшего её нетрезвого мужа, была привлечена к ответственности наравне с ним.

Причина, как отмечают исследователи, состоит в непонимании следователями и судьями механизмов семейного насилия и природы реактивной агрессии.

Здесь полезен опыт России, где Пленум Верховного Суда прямо разъяснил, что основанием оправдательного приговора при правомерном причинении вреда в состоянии необходимой обороны является отсутствие в деянии состава преступления, а обязанность опровергнуть доводы о необходимой обороне лежит на стороне обвинения; все сомнения в наличии состояния обороны толкуются в пользу подсудимого [9].

Анализ проблем, изложенных выше, показывает необходимость изложения постановления Пленума Верховного суда № 39 в новой редакции либо принятия отдельного постановления о судебной практике по делам, связанным с семейным (бытовым) насилием.

Четвертая проблема является доказательственной. Особенность дел о семейном насилии состоит в том, что значительная часть противоправных действий происходит в закрытой семейной среде. Поэтому доказательства нередко фрагментарны: очевидцы отсутствуют, медицинские документы оформляются спустя время, а пострадавший может не сообщать о насилии из-за страха, зависимости или угроз.

Кроме того, восприятие реальности опасностью лицом, длительно подвергавшимся насилию, отличается от восприятия постороннего наблюдателя, однако процессуальных механизмов установления этого обстоятельства по делам данной категории фактически не применяется.

Американская практика демонстрирует обе крайности такого подхода. В деле *State v. Kelly* Верховный суд Нью-Джерси признал допустимым экспертное заключение о синдроме подвергшейся насилию женщины как средство объяснения присяжным разумности страха подсудимой [10].

Напротив, в деле *State v. Norman* Верховный суд Северной Каролины отказал в инструктировании присяжных о самообороне, указав, что неопределённые опасения относительно того, что спящий муж может сделать в будущем, не свидетельствуют о страхе неминуемой смерти или тяжкого вреда в момент причинения смерти [10].

Сопоставление этих решений показывает, что экспертное знание о психологии длящегося насилия само по себе не заменяет юридического критерия и не должно превращаться в самостоятельное основание освобождения от ответственности, однако без него суд лишён средств для правильного установления фактической стороны дела.

Исходя из этого, в разъяснениях Пленума следует предусмотреть, что по делам, в которых обвиняемый ссылается на систематическое семейное (бытовое) насилие со стороны потерпевшего, назначение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы для установления психического состояния обвиняемого и особенностей восприятия им опасности является обязательным, а её выводы подлежат оценке наряду с иными доказательствами.

Кроме того, в обязательный предмет доказывания по таким делам необходимо включить материалы об охранных ордерах, обращениях в органы внутренних дел, медицинские учреждения и центры социальных услуг, переписку, аудио- и видеозаписи, а также показания родственников и соседей.

При этом непредставление пострадавшим многочисленных предыдущих заявлений само по себе не должно рассматриваться как доказательство отсутствия систематического насилия.

Заключение

В заключение можно отметить, что институт необходимой обороны в Узбекистане построен на модели однократного посягательства между посторонними лицами и в этом виде структурно не приспособлен к ситуациям семейного насилия.

Реформа 2023–2024 годов, криминализовав семейное насилие, не затронула статью 37 УК и разъяснения Пленума 1996 года, вследствие чего между основаниями ответственности агрессора и правовыми средствами самозащиты пострадавшего образовался разрыв.

Этот разрыв проявляется в узком понимании наличия посягательства, в отсутствии предшествующей истории насилия в перечне учитываемых обстоятельств, в сведении критерия «явного несоответствия» к сопоставлению тяжести вреда, в практике взаимного вменения ответственности и в отсутствии процессуальных средств установления особенностей восприятия опасности.

Сравнительный анализ показывает, что в развитых правовых системах эти задачи решаются через законо-

дательный перечень учитываемых факторов, через самостоятельный частичный защитный механизм, через конструкцию длящейся опасности, через разъяснения о моменте возникновения состояния обороны и распределении бремени доказывания, через допустимость специального экспертного знания, но сходятся в признании того, что предшествующая история насилия имеет юридическое, а не только смягчающее значение.

По нашему мнению, систематичность и длительность семейного (бытового) насилия должны получить самостоятельное юридическое значение как обстоятельство, подлежащее установлению и оценке при решении вопроса о наличии состояния необходимой обороны и её пределах.

Такое решение не расширяет пределы правомерного причинения вреда и не превращает принадлежность лица к категории пострадавших от насилия в автоматическое основание правомерности, а лишь приводит правовую оценку в соответствие с фактической природой явления, ответственность за которое уже установлена статьёй 126–1 УК Республики Узбекистан.

Литература:

1. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012. // URL: <https://lex.uz/ru/docs/111457>
2. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 20 декабря 1996 г. № 39 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно-опасных посягательств» // <https://lex.uz/ru/docs/1442645>
3. Рустамбаев М. Х. Курс уголовного права Республики Узбекистан. Общая часть. — Ташкент: ТГЮИ, 2009.
4. Criminal Code of Canada (R. S. C. 1985, c. C-46), s. 34, в ред. Citizen's Arrest and Self-defence Act, S.C. 2012, c. 9. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/section-34.html>; R. v. Lavallee, [1990] 1 S. C. R. 852; R. v. Malott, [1998] 1 S. C. R. 123.
5. R. v. Lavallee, 1990 CanLII 95 (SCC), [1990] 1 SCR 852
6. Наумов Д. М., Павленко А. А., Иваничева Е. Д. и др. Особенности применения норм о необходимой обороне по делам о домашнем насилии // «Новизна. Эксперимент. Традиции». 2024. Т. 10. Вып. 1 (25).
7. Coroners and Justice Act 2009 (UK), ss. 54–55. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2009/25>
8. Матвиенко И., Худайбергенова Н. Гендерное насилие в Узбекистане: доступность услуг для пострадавших и анализ судебной практики. — Ташкент: EWMi, 2024. URL: https://nemolchi.uz/wp-content/uploads/2025/05/analiz-sudebnoj-praktiki-po-gbv_ru.pdf
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/
10. State v. Norman, 324 N.C. 253, 378 S.E.2d 8 (1989); State v. Kelly, 97 N.J. 178, 478 A.2d 364 (1984); Walker L. E. The Battered Woman Syndrome. 4th ed. — New York: Springer Publishing Company, 2017.

Уголовно-правовая характеристика доведения до самоубийства: проблемы квалификации

Микитина Галина Сергеевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В настоящей статье исследуются теоретические и прикладные проблемы квалификации доведения до самоубийства по статье 110 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируются дискуссионные вопросы субъективной стороны преступления, содержательное наполнение оценочных признаков объективной стороны, критерии установления причинно-следственной связи между действиями виновного и наступившими последствиями. Особое внимание уделя-

ется проблемам ограничения рассматриваемого состава от смежных преступлений, в том числе от убийства и склонения к совершению самоубийства. На основе анализа доктринальных позиций и материалов судебной практики предлагаются направления совершенствования законодательной регламентации и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, статья 110 УК РФ, форма вины, жестокое обращение, систематическое унижение, причинно-следственная связь, квалификация преступлений.

Проблема самоубийств в современных реалиях остается одной из наиболее острых и актуальных для любого государства независимо от уровня его экономического развития, политического устройства или культурных традиций. Рост суицидальных настроений напрямую обуславливается комплексом негативных факторов: хронической социальной напряженностью, экономической нестабильностью, снижением уровня жизни значительных слоев населения, а также внешними стрессовыми факторами, связанными с информационной перегрузкой и кризисом традиционных институтов социализации. Вопросы, касающиеся квалификации преступления доведения до самоубийства, представляют собой одну из наиболее сложных и многогранных тем в уголовном праве Российской Федерации. Данная проблема затрагивает не только юридические аспекты, но и этические, социальные и психологические, что делает её особенно актуальной в современном обществе [3, с. 63–68]. Актуальность исследования уголовно-правовой характеристики данного состава преступления обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами: высокой степенью общественной опасности деяния, посягающего на жизнь как высшую социальную ценность; значительной распространенностью суицидальных проявлений, особенно среди несовершеннолетних; наличием многочисленных дискуссионных вопросов квалификации; а также появлением новых способов доведения до самоубийства в цифровой среде.

Уголовный кодекс Российской Федерации [1, с. 2954] содержит главу, посвящённую преступлениям против жизни и здоровья, которая содержится в разделе «Преступления против личности», она имеет несколько характерных черт:

- основным объектом преступлений, которые содержатся в названном разделе, выступает жизнь и здоровье человека;
- преступления этого раздела либо причиняют вред жизни и здоровью, либо создают опасность или условия для них;
- составы преступлений смоделированы по факту причинения вреда либо с момента создания опасности для жизни и здоровья.

Преступления против жизни и здоровья — это общественно опасные деяния, посягающие на жизнь и здоровье человека с причинением ущерба или созданием условий угрозы безопасности. В системе указанных преступлений особое место занимает доведение до самоубийства, поскольку оно представляет собой опосредованную форму посягательства на жизнь, при которой потерпевший сам

становится исполнителем своего лишения жизни под воздействием противоправного поведения виновного.

Статья 110 Уголовного кодекса Российской Федерации [1, с. 2954] предусматривает ответственность за действия, направленные на доведение лица до самоубийства или покушения на него путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. На практике применение этой нормы сопряжено с рядом проблемных вопросов, требующих тщательного анализа.

Под угрозами в контексте статьи 110 УК РФ понимаются высказывания или иные действия, содержащие информацию о намерении причинить потерпевшему или его близким физический вред, имущественный ущерб либо иные негативные последствия. Важным признаком угрозы является её реальный характер, то есть у потерпевшего должны иметься основания воспринимать угрозу как действительную и осуществимую. При этом угроза может быть выражена как в словесной, так и в иной форме (жестами, демонстрацией оружия и т. п.) [4, с. 152–157].

Жестокое обращение как способ доведения до самоубийства представляет собой систематическое причинение потерпевшему физических или психических страданий. Оно может выражаться как в действии (нанесение побоев, истязания, лишение пищи, воды, тепла, принуждение к совершению унижительных действий, незаконное лишение свободы), так и в бездействии (лишение ухода, необходимой медицинской помощи, оставление в опасности). Следует отметить, что жестокое обращение не обязательно должно носить систематический характер — единичный акт крайней жестокости также может быть признан достаточным для квалификации [5, с. 30–31].

Систематическое унижение человеческого достоинства представляет собой длящееся поведение виновного, направленное на подрыв самооценки потерпевшего, его чувства собственного достоинства и самоуважения. Ключевым признаком данного способа является систематичность, которая предполагает неоднократность совершения действий унижающего характера. При этом судебная практика не связывает систематичность с каким-либо строго определённым количеством эпизодов — оценивается общий характер взаимоотношений между виновным и потерпевшим. В качестве систематического унижения могут рассматриваться постоянные оскорбления, насмешки, травля, распространение порочащих сведений, создание обстановки постоянного психологического дискомфорта.

Наиболее дискуссионным в теории уголовного права является вопрос о форме вины при доведении до само-

убийства. Статья 110 УК РФ [1, с. 2954] не содержит прямого указания на форму вины, что порождает различные толкования. В доктрине сложились две основные позиции по данному вопросу.

Сторонники первой позиции полагают, что доведение до самоубийства может совершаться как умышленно, так и по неосторожности. Данный подход обосновывается тем, что законодатель в диспозиции нормы не использовал указание на умышленный характер действий, что оставляет возможность для квалификации неосторожных деяний. Кроме того, в ряде случаев лицо может не желать наступления смерти потерпевшего, однако его небрежное или легкомысленное поведение, связанное с жестоким обращением, объективно приводит к суициду [6].

Вторая позиция (господствующая) исходит из того, что доведение до самоубийства может быть совершено только с умышленной формой вины. В пользу данного подхода приводятся следующие аргументы. Во-первых, законодательная конструкция, включающая в себя указание на способы совершения преступления, предполагает осознанный и целенаправленный характер действий виновного. Во-вторых, в 2017 году в статью были внесены изменения, дополнившие её квалифицирующими признаками, среди которых присутствует такой признак, как «заведомость», что свидетельствует об умышленном характере деяния [2, с. 110–114].

Судебная практика также преимущественно исходит из умышленной формы вины. Верховный Суд Российской Федерации в ряде решений указывал, что виновный сознаёт, что указанными в законе способами принуждает потерпевшего к самоубийству, предвидит возможность или неизбежность лишения потерпевшим себя жизни и желает (прямой умысел) или сознательно допускает наступление этих последствий либо относится к ним безразлично (косвенный умысел). При отсутствии доказательств наличия у виновного прямого или косвенного умысла состав преступления, предусмотренный статьей 110 УК РФ, отсутствует.

Установление причинно-следственной связи между действиями виновного и наступившим последствием в виде самоубийства или покушения на него является обязательным элементом для квалификации деяния по статье 110 УК РФ. Однако на практике доказывание данной связи представляет значительную сложность [9, с. 154–158].

Во-первых, самоубийство представляет собой акт волеизъявления самого потерпевшего, что создаёт иллюзию добровольности принимаемого решения. Для привлечения лица к ответственности необходимо доказать, что воля потерпевшего была в достаточной степени подавлена, подорвана или деформирована действиями виновного. Чем выше степень такого воздействия, тем более обоснованной является квалификация.

Во-вторых, в большинстве случаев решение о совершении самоубийства формируется под влиянием совокупности различных факторов, и выделить из них действия конкретного лица, доводящего до самоубийства, зачастую крайне сложно. Судебная практика в данном во-

просе требует установления прямой и непосредственной причинной связи, а не просто фонового наличия конфликтных отношений.

В-третьих, существуют ситуации, когда между действиями виновного и наступлением последствий происходит значительный временной промежуток, что также осложняет установление причинной связи. В таких случаях суды нередко отказывают в квалификации по статье 110 УК РФ при отсутствии убедительных доказательств того, что именно действия виновного, а не иные обстоятельства стали причиной суицида [10].

Правильная квалификация доведения до самоубийства невозможна без его разграничения со смежными составами, прежде всего с убийством (статья 105 УК РФ) и склонением к совершению самоубийства (статья 110.1 УК РФ) [8, с. 99–105].

Разграничение состава доведения до самоубийства и убийства проводится, прежде всего, по субъективной стороне. При убийстве умысел виновного направлен непосредственно на лишение потерпевшего жизни, тогда как при доведении до самоубийства виновный желает (или допускает), чтобы потерпевший сам совершил акт самоуничтожения. Кроме того, объективная сторона убийства предполагает активные действия, непосредственно направленные на лишение жизни, в то время как при доведении до самоубийства действия виновного носят опосредованный характер.

Разграничение со статьей 110.1 УК РФ (склонение к совершению самоубийства) также вызывает определённые сложности. Ключевым отличием является способ воздействия на потерпевшего. Статья 110 УК РФ предполагает создание таких условий жизни потерпевшего, которые делают его существование невыносимым и формируют у него решение о самоубийстве. При склонении же к совершению самоубийства виновный прямыми уговорами, предложениями, обещаниями либо иными способами непосредственно склоняет потерпевшего к принятию решения о суициде. При этом важно отметить, что способы склонения не связаны с жестоким обращением или унижением человеческого достоинства [11, с. 32].

Ещё одним смежным составом является организация деятельности, направленной на побуждение несовершеннолетних к совершению самоубийства (статья 110.2 УК РФ). Данная норма была введена в 2017 году для противодействия так называемым «группам смерти» в сети Интернет. Отличительным признаком является организационный характер деятельности и направленность именно на несовершеннолетних потерпевших.

Особую обеспокоенность вызывает распространение случаев доведения до самоубийства среди несовершеннолетних. Пунктом «а» части 2 статьи 110 УК РФ предусмотрена повышенная ответственность за доведение до самоубийства несовершеннолетнего. Внесённые в 2017 году изменения в уголовное законодательство были направлены на усиление защиты подростков от суицидального воздействия, особенно в сети Интернет.

Несовершеннолетние, в силу возрастных психологических особенностей, повышенной внушаемости и эмоциональной нестабильности, являются наиболее уязвимой категорией потерпевших от доведения до самоубийства. Интернет-среда создаёт дополнительные риски, поскольку агрессор может действовать анонимно, используя манипулятивные техники, адаптированные к подростковой психологии. В условиях цифровизации коммуникаций доказать прямой умысел становится крайне сложно, особенно когда агрессор утверждает, что не предполагал тяжёлых последствий своих действий [7].

Проведённый анализ уголовно-правовой характеристики доведения до самоубийства позволяет сделать вывод о наличии ряда системных проблем как в законодательной регламентации данного состава, так и в правоприменительной практике.

Во-первых, сохраняется неопределённость в вопросе о форме вины, что порождает неединообразный подход к квалификации деяний. Представляется целесообразным законодательное уточнение данного вопроса путём вклю-

чения в диспозицию статьи прямого указания на умышленный характер деяния [6].

Во-вторых, использование оценочных понятий в диспозиции статьи создаёт возможности для субъективного толкования и требует выработки единообразных критериев их применения. В этой связи принятие отдельного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, разъясняющего содержание указанных признаков, могло бы существенно повысить эффективность правоприменения [2, с. 110–114].

В-третьих, развитие интернет-технологий и появление новых способов доведения до самоубийства в цифровой среде требуют дальнейшего совершенствования уголовно-правовых механизмов противодействия данным посягательствам. Необходима выработка специальных методик расследования таких преступлений, учитывающих специфику виртуальной коммуникации и доказывания [7].

Решение обозначенных проблем будет способствовать повышению эффективности уголовно-правовой охраны жизни и здоровья граждан, укреплению законности и справедливости в сфере уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Апкаев, Д. М. Доведение до самоубийства: анализ состава преступления / Д. М. Апкаев, Д. А. Зыков. — Текст: непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 10. — С. 110–114.
3. Балан, В. О. Особенности квалификации доведения до самоубийств: проблемные аспекты / В. О. Балан. — Текст: непосредственный // Исследования молодых ученых: материалы CVII Междунар. науч. конф. (г. Казань, сентябрь 2025 г.). — Казань: Молодой ученый, 2025. — С. 63–68.
4. Буряковская, Е. В. Угроза как один из способов реализации преступного замысла доведения до самоубийства / Е. В. Буряковская. — Текст: непосредственный // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2022. — № 1 (46). — С. 152–157.
5. Волкорез, А. В. Проблемные вопросы объективной стороны доведения до самоубийства / А. В. Волкорез. — Текст: непосредственный // Современность в творчестве начинающего исследователя: материалы научно-практической конференции. — Иркутск, 2021. — С. 30–31.
6. Иванов, А. Л. Доведение до самоубийства: умысел или неосторожность / А. Л. Иванов, П. Т. Савин. — Текст: непосредственный // Российский следователь. — 2025. — № 7.
7. Иванов, А. Л. Особенности квалификации доведения до самоубийства несовершеннолетнего (п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ) / А. Л. Иванов. — Текст: непосредственный // Российский следователь. — 2021. — № 11.
8. Куджаев, Э. А. Доведение до самоубийства и склонение к самоубийству: проблемы криминализации и разграничения / Э. А. Куджаев. — Текст: непосредственный // Инновационные научные исследования. — 2021. — № 1–3 (3). — С. 99–105.
9. Сейфетдинов, Р. Р. Некоторые проблемы квалификации доведения до самоубийства / Р. Р. Сейфетдинов. — Текст: непосредственный // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2022. — № 2. — С. 154–158.
10. Уколова, Ю. А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Уколова Юлия Александровна. — Москва, 2008. — 219 с.
11. Филиппова, С. В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: автореферат диссертации... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Филиппова Светлана Валерьевна. — Москва, 2020. — 32 с.

Порядок производства освидетельствования в досудебном производстве по уголовным делам и в судебных стадиях

Назарова Анастасия Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются ключевые правовые проблемы производства освидетельствования на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства, включая специфику применения процессуального принуждения к различным участникам процесса и коллизии, возникающие при ограничении конституционного права личности на неприкосновенность частной жизни. На основе анализа законодательства и правоприменительной практики делается вывод о наличии нормативных пробелов, препятствующих эффективному доказыванию и защите прав граждан. В качестве путей решения автором предлагается законодательное уточнение критериев принудительного освидетельствования свидетелей и детализация юридических пределов допустимого физического принуждения.

Ключевые слова: уголовный процесс, следственные действия, освидетельствование, процессуальное принуждение, предварительное расследование, судебное следствие, права личности.

Procedure for performing a testimony in pre-trial proceedings in criminal cases and in trial stages

The article analyzes the key legal problems of performing a test in pre-trial and trial stages of criminal proceedings, including the specifics of the application of procedural coercion to various participants in the process and the collisions arising when restricting the constitutional right of an individual to the inviolability of private life. Based on the analysis of legislation and law enforcement practice, it is concluded that there are regulatory gaps that impede effective proof and protection of the rights of citizens. As a solution, the author proposes legislative clarification of the criteria for compulsory examination of witnesses and detailing the legal limits of permissible physical coercion.

Keywords: criminal proceedings, investigative actions, examination, procedural coercion, preliminary investigation, judicial investigation, rights.

В системе следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, освидетельствование живого лица занимает самостоятельное место, выступая специфическим правовым механизмом собирания и проверки доказательств. Правовая природа данного процессуального действия заключается в визуальном исследовании уполномоченным субъектом уголовного судопроизводства физиологических признаков человеческого тела для обнаружения следов преступления, особых примет, телесных повреждений или выявления состояния опьянения. Законодатель устанавливает ключевой критерий, отграничивающий освидетельствование от иных форм процессуального познания: оно проводится в случаях, когда для достижения указанных целей не требуется производство судебно-медицинской экспертизы.

Определение процессуальной цели и тактических задач освидетельствования остается предметом доктринальных дискуссий. М. А. Магомедов отмечает, что приоритетной целью следственного действия выступает оперативное установление доказательственных фактов, непосредственно отраженных на теле человека. Это позволяет проверить версии о причастности лица к расследуемому деянию на первоначальном этапе производства по уголовному делу [4, с. 74].

Реализация данной цели требует решения комплекса тактико-криминалистических задач, среди которых ос-

новное значение имеют процессуальная фиксация физического состояния субъекта и объективное закрепление внешних проявлений микроследов, оставленных орудиями преступления.

Правоприменительная практика требует строгой догматической дифференциации освидетельствования от личного обыска и получения образцов для сравнительного исследования. В отличие от экспертного исследования, предполагающего синтез специальных знаний для формулирования выводов, освидетельствование базируется на непосредственном визуальном наблюдении и констатации фактов. Привлечение медицинского специалиста к участию в его производстве не меняет правовой природы действия, однако в ряде следственных ситуаций выступает обязательным условием обеспечения допустимости формируемых доказательств.

Проблема производства освидетельствования тесно связана с необходимостью ограничения базовых конституционных прав личности, включая право на личную неприкосновенность (статья 22 Конституции РФ). Как указывает В. С. Гривцова, физическое ограничение свободы действий лица в процессе освидетельствования, сопряженного с обнажением тела, требует от правоприменителя соблюдения принципа соразмерности государственного принуждения целям уголовного судопроизводства [2, с. 402].

На досудебной стадии порядок проведения действия регламентирован статьей 179 УПК РФ, императивно требующей вынесения мотивированного постановления следователя или дознавателя. Данный акт обязателен для исполнения подозреваемым, обвиняемым и потерпевшим.

Процессуальный статус лица детерминирует пределы допустимого принуждения. Если подозреваемый и обвиняемый несут обязанность претерпевать процедуру освидетельствования в силу характера осуществляемого уголовного преследования, то процессуальный режим освидетельствования свидетеля включает дополнительные правовые гарантии. Свидетель может быть подвергнут данному действию с его согласия, за исключением случаев, когда процедура объективно необходима для оценки достоверности его показаний.

А. Т. Анешева и Л. Ю. Аксенова обоснованно отмечают, что отсутствие в уголовно-процессуальном законе исчерпывающего перечня критериев, позволяющих констатировать необходимость принудительного освидетельствования свидетеля, ведет к расширительному толкованию нормы и рискам необоснованного ограничения прав граждан [1, с. 26].

Оценка критерия «необходимости» в рассматриваемом аспекте фактически отнесена к пределам следственного усмотрения, что объективно требует выработки соответствующих праворазъяснительных позиций на уровне актов Пленума Верховного Суда РФ.

Производство досудебного освидетельствования регламентировано процессуально-этическими нормами. В случае, когда следственное действие сопряжено с обнажением освидетельствуемого лица, к участию привлекаются понятые исключительно того же пола. При несопадении пола следователя и освидетельствуемого лица присутствие должностного лица при осмотре не допускается; непосредственное визуальное обследование поручается врачу. Привлечение медицинского специалиста также выступает императивным процессуальным условием для выявления и первоначальной оценки телесных повреждений, требующих профильных знаний.

Самостоятельную правоприменительную проблему представляет расследование посягательств на половую неприкосновенность. Исследуя специфику освидетельствования малолетних и несовершеннолетних потерпевших, А. А. Ломакина указывает на высокие риски вторичной виктимизации. Нивелирование данной угрозы обуславливает необходимость расширения процессуальных гарантий посредством обязательного привлечения квалифицированного психолога или педагога, а также законного представителя [3, с. 22].

Уголовно-процессуальное законодательство предоставляет следователю дискреционное право мотивированно ограничить допуск законного представителя к участию в следственном действии. Подобная мера реализуется при наличии достаточных оснований полагать, что присутствие указанного субъекта прямо противоречит интересам несовершеннолетнего либо способно ис-

казать ход и результаты освидетельствования вследствие латентного внутрисемейного конфликта.

Документальное оформление результатов освидетельствования осуществляется путем составления протокола следственного действия (статьи 166, 180 УПК РФ). В описательной части протокола фиксируются действия следователя, примененные методы наблюдения и полученные объективные результаты. Нормы УПК РФ исключают возможность подмены описания обнаруженных признаков субъективными медицинскими диагнозами или выводами; фиксации подлежат исключительно факты, воспринимаемые объективно (размер, форма, цвет, локализация следов). М. А. Магомедов уточняет, что качество процессуальной фиксации в протоколе определяет перспективу назначения последующих судебно-медицинских или трасологических экспертиз, так как протокол освидетельствования часто становится первичным источником данных для эксперта в условиях быстрого изменения следовой картины на теле человека [4, с. 76].

Производство освидетельствования в судебных стадиях регламентировано статьей 290 УПК РФ и обладает спецификой, обусловленной общими условиями судебного разбирательства (гласность, устность, непосредственность). Судебное освидетельствование инициируется по инициативе суда или ходатайству сторон. Как указывает Л. В. Черепанова, в судебном следствии данное действие выступает преимущественно проверочным механизмом, направленным на устранение противоречий между содержанием протокола следственного освидетельствования и иными материалами уголовного дела [5, с. 115]. Правовым основанием для его проведения выступает определение или постановление суда.

Реализация требований статьи 290 УПК РФ при освидетельствовании, сопровождающемся обнажением лица, выявляет процессуальную коллизию. Закон запрещает проведение такого освидетельствования в зале судебного заседания. Суд делегирует непосредственное проведение осмотра врачу в изолированном помещении, после чего специалист сообщает суду о результатах. Данный механизм, направленный на охрану частной жизни, вступает в объективное противоречие с принципом непосредственности исследования доказательств (статья 240 УПК РФ). Состав суда и стороны лишаются возможности лично воспринять следы преступления, полагаясь на профессиональное описание врача. Л. В. Черепанова отмечает, что подобная нормативная делегация полномочий от суда к медицинскому работнику снижает самостоятельную доказательственную ценность результатов, требуя их проверки совокупностью иных доказательств, в том числе заключениями судебных экспертиз [5, с. 117].

Правовая квалификация сообщения врача в таком случае вызывает сложности — сочетает элементы результатов следственного действия и показаний специалиста.

Дополнительной процессуальной проблемой судебных стадий является временной фактор, приводящий к естественному исчезновению физиологических следов (гематом, ссадин). Данное обстоятельство снижает резуль-

тативность судебного освидетельствования и возлагает повышенные требования к полноте документирования доказательств органами предварительного расследования непосредственно после возбуждения уголовного дела.

Применение технических средств фиксации (фотографирование, видеозапись) при производстве освидетельствования подчинено строгим правовым ограничениям. Использование данных средств повышает информативность протокола, однако в ситуациях, сопряженных с обнажением лица, часть 5 статьи 179 УПК РФ устанавливает императивный запрет на применение фото- и видеофиксации без согласия освидетельствуемого. Отказ лица исключает использование аппаратуры. Установленный законом механизм принудительного освидетельствования подозреваемого или обвиняемого не подлежит расширительному толкованию и не предоставляет органам расследования права на принудительную фиксацию обнаженных участков тела с применением технических

средств. В данной норме законодатель отдает безусловный приоритет защите достоинства личности перед публичными интересами доказывания.

Системный правовой анализ института освидетельствования указывает на его дуалистичный характер. Являясь эффективным инструментом собирания первоначальной доказательственной информации по уголовным делам, процедура освидетельствования одновременно выступает сферой наиболее существенного процессуального вмешательства в личную неприкосновенность. Дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства требует нормативного устранения пробелов в части регламентации критериев принудительного освидетельствования свидетелей, а также уточнения юридических пределов допустимого физического принуждения с целью обеспечения строгого баланса между публично-правовыми интересами раскрытия преступлений и конституционными гарантиями прав личности.

Литература:

1. Анешева, А. Т. Освидетельствование: сущность и задачи / А. Т. Анешева, Л. Ю. Аксенова // Уголовная юстиция. — 2021. — № 17. — С. 25–29.
2. Гривцова, В. С. Процессуальные проблемы производства освидетельствования как следственного действия / В. С. Гривцова // Молодой ученый. — 2021. — № 18 (360). — С. 401–403.
3. Ломакина, А. А. Особенности производства следственного осмотра и освидетельствования при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних / А. А. Ломакина // Вестник КРУ МВД России. — 2021. — № 4 (54). — С. 20–26.
4. Магомедов, М. А. Цель и задачи освидетельствования в российском уголовном процессе / М. А. Магомедов // Наука и образование сегодня. — 2017. — № 4 (15). — С. 72–77.
5. Черепанова, Л. В. Освидетельствование в уголовном процессе / Л. В. Черепанова // Алтайский юридический вестник. — 2022. — № 1 (37). — С. 114–119.

Роль адвоката в доказывании: правовые рамки и реальные трудности

Нестеренко Аэшма Васильевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Статья исследует роль адвоката в уголовном процессе — от предварительного следствия до кассационных стадий. Анализируются правовые рамки деятельности защитника (Конституция РФ, УПК РФ) и реальные барьеры в формировании доказательственной базы. Автор подчёркивает дисбаланс между полномочиями обвинения и защиты, выявляет ключевые проблемы: дискреционное включение доказательств, нехватку времени на ознакомление с делом, ограниченный доступ к информации.

Предлагаются законодательные и процедурные меры для укрепления позиций адвоката, включая чёткие сроки рассмотрения запросов и расширение процессуальных прав. Работа актуальна для юристов, судей, законодателей.

Ключевые слова: адвокатура, уголовное судопроизводство, правовая защита, судебная практика, профессиональная этика, доказательства, реформирование законодательства, баланс интересов, институт адвокатуры, доступ к информации, процесс доказывания, прокурорская деятельность, полицейское расследование, полномочия адвоката.

The role of a lawyer in evidence presentation: legal framework and real challenges

The article examines the role of a lawyer in the criminal justice process — from preliminary investigation to cassation proceedings. It analyses the legal framework governing the defence lawyer's activities (the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Pro-

cedure Code of the Russian Federation) and the actual barriers to building an evidentiary base. The author highlights the imbalance between the powers of the prosecution and the defence, identifying key issues such as: discretionary inclusion of evidence; insufficient time to review case materials; limited access to information. The article proposes legislative and procedural measures to strengthen the lawyer's position, including setting clear deadlines for processing requests and expanding procedural rights. The work is relevant for lawyers, judges, and lawmakers.

В современном уголовном процессе роль адвоката выходит за рамки формального представительства интересов обвиняемого. Защитник становится ключевым участником доказывания, но его возможности существенно ограничены по сравнению с органами следствия и прокуратуры. Это создаёт дисбаланс, угрожающий принципу состязательности (ст. 15 УПК РФ). Выбранная тема о роли адвоката актуальна и обусловлена: необходимостью соблюдения баланса между государственным интересом в расследовании преступлений и правом граждан на защиту; усложнением уголовных процессов, требующим высококвалифицированной юридической помощи; неопределённостью границ активной роли адвоката в сборе и представлении доказательств. Методология исследования включает: формально-юридический анализ норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; изучение судебной практики высших инстанций; сравнительно-правовой анализ эффективности действующих положений. При изучении темы были исследованы следующие источники: УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ; Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ; постановления Пленума Верховного суда РФ; монографии и научные статьи по теме (А. В. Кудрявцева, В. С. Попова, З. В. Макаровой, Ю. К. Орлова и др.).

Правовые рамки деятельности адвоката. Конституция РФ (ст. 48) и УПК РФ закрепляют право обвиняемого на защиту. Адвокат как защитник наделён следующими процессуальными полномочиями: сбор сведений (опрос граждан, запросы документов — ч. 3 ст. 86 УПК РФ); участие в следственных действиях (ст. 53 УПК РФ); подача ходатайств (ст. 119–122 УПК РФ); привлечение экспертов (ст. 58 УПК РФ). Ключевая проблема — отсутствие гарантий включения собранных адвокатом доказательств в дело (ст. 74 УПК РФ). Право принятия решения остаётся на усмотрение следователя или судьи, что подрывает принцип равенства сторон.

Реальные трудности в деятельности адвоката. На практике выявляются следующие системные барьеры:

1. Дискреционное решение о включении доказательств. Суды и следователи часто отклоняют ходатайства защиты, ссылаясь на «ненадёжность» материалов (ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ).

2. Ограниченность процессуальных механизмов:

- отсутствие обязанности органов раскрывать запрашиваемую информацию;
- невозможность проведения самостоятельных следственных действий;

- отсутствие мер ответственности за ложные показания свидетелей.

3. Временные ограничения. Сжатые сроки не позволяют адвокату полноценно изучить материалы дела, особенно в сложных многоэпизодных делах.

4. Проблемы доступа к информации. Запросы адвокатов нередко игнорируются под предлогом конфиденциальности или отсутствия компетенции.

5. Несбалансированность сторон. Обвинение обладает исключительным правом формирования доказательственной базы, а защита вынуждена лишь реагировать на обвинения.

Роль адвоката на разных этапах процесса:

– **Предварительное следствие:** проверка законности действий правоохранителей, сбор информации, заявление ходатайств, фиксация нарушений прав клиента.

– **Судебное заседание:** представление собственных доказательств, допрос свидетелей, критическая проверка материалов обвинения.

– **Апелляционная и кассационная стадии:** обжалование отказов в приёме доказательств, представление новых материалов, аргументация нарушений принципов справедливости.

Пути совершенствования правового положения адвоката — устранение и выявление возможных недостатков:

1. Законодательные изменения:

- закрепить порядок адвокатского расследования;
- обязать суды мотивированно обосновывать отказ в приёме доказательств;
- установить десятидневный срок рассмотрения адвокатских запросов;
- расширить участие адвоката в следственных действиях.

2. Процедурные меры:

- увеличить срок ознакомления с делом до 30 дней для крупных дел;
- ввести обязательную видеофиксацию следственных действий с участием адвоката;
- создать единую электронную систему обмена информацией;
- разработать типовые формы ходатайств с фиксированными сроками рассмотрения.

3. Институциональные инициативы:

- создать центры поддержки адвокатов с доступом к базам данных;
- повысить цифровую грамотность защитников;
- рассмотреть создание должности «следователей адвоката» с расширенными полномочиями.

В рамках профессиональной этики адвокат обязан соблюдать этические нормы:

- честность в представлении информации;
- уважение к суду и коллегам;
- недопустимость затягивания процесса без оснований.

При этом запрещено использовать фальсифицированные или незаконно полученные доказательства, поскольку задача адвоката — не доказывать невиновность клиента, а обеспечить защиту в рамках закона (ст. 14 УПК РФ).

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (УПК РФ). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
2. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100%2Fe101%2Fe102%2Fe103%2Fe105%2Fe106%2Fe107%2Fe110&date=31.05.2002&sort=-date&page=1&limit=50&nd=77&volid=1002002023000>
3. Верховный суд РФ. — URL: <http://vsrf.ru>
4. Кудрявцева, А. В. Участие адвоката-защитника в процессе доказывания на стадии предварительного расследования и в суде первой инстанции / А. В. Кудрявцева, В. С. Попов. — Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006.
5. Макарова, З. В. Профессиональная защита подозреваемых, обвиняемых. — СПб: Юридический центр Пресс, 2008.

Выводы. Совершенствование уголовного процесса требует комплексного подхода к реформированию статуса адвоката. Укрепление процессуальных гарантий защитника — ключевой шаг к достижению реального равенства сторон и соблюдению конституционных прав обвиняемых. Предложенные меры направлены на создание сбалансированной системы доказывания, где защита и обвинение обладают равными возможностями для отстаивания своих позиций.

Направления совершенствования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях

Романенко Мария Георгиевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассматриваются перспективные направления совершенствования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административное правонарушение, меры обеспечения производства, доставление, административное задержание, досмотр, транспортное средство.

Directions for improving measures to ensure the conduct of proceedings in cases of administrative offenses

The article discusses promising ways to improve the measures for ensuring proceedings in cases of administrative offenses.

Keywords: administrative offense, enforcement measures, delivery, administrative detention, inspection, vehicle.

Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях относятся к мерам процессуального принуждения и служат достижению целей, указанных в ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ [1]. К ним закон относит пресечение административного правонарушения, установление личности нарушителя, составление протокола об административном правонарушении при невозможности его оформления на месте выявления правонарушения, обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела и исполнения постановления. Виды мер обеспечения производства закреплены в ч. 1 ст.

27.1 КоАП РФ, а порядок применения отдельных мер урегулирован ст. 27.2–27.19 КоАП РФ. Принудительное применение таких мер связано с временным ограничением свободы передвижения, личной неприкосновенности, имущественных прав и возможности пользоваться транспортным средством.

Административное наказание назначается после рассмотрения дела и выражает итоговую правовую оценку совершенного деяния. Меры обеспечения производства, напротив, применяются в тех случаях, когда для установления обстоятельств дела, его рассмотрения или ис-

полнения постановления необходимо процессуальное принуждение. Законность их применения определяется наличием предусмотренного КоАП РФ основания, соблюдением установленного порядка и соразмерностью ограничения прав лица той процессуальной цели, ради которой используется соответствующая мера.

Одним из направлений совершенствования главы 27 КоАП РФ должно стать более точное определение оснований применения каждой меры обеспечения производства, поскольку закон не связывает отдельные меры с конкретными фактическими обстоятельствами их применения. По замечанию К. А. Ключева, широкое понимание назначения отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях позволяет ссылаться на обеспечение производства без указания причин, по которым достижение цели меры оказалось невозможным без ее применения [5, с. 251]. В результате выбор между разными мерами нередко обосновывается общим обоснованием необходимости обеспечения производства по делу. Наиболее отчетливо этот недостаток проявляется при административном задержании. КоАП РФ в ч. 1 ст. 27.3 ограничивает его применение исключительными случаями, однако не раскрывает, какие обстоятельства оправдывают использование этой меры. Полагаем, что в ст. 27.3 и 27.4 КоАП РФ следует прямо закрепить обязанность указывать в протоколе время фактического ограничения свободы, основания задержания, причины, по которым менее строгая мера не позволяла обеспечить производство по делу, сведения о разъяснении прав, обращении за защитником, необходимости переводчика, уведомлении родственников и жалобах на состояние здоровья.

Пробел в регулировании виден и на примере судебной практики. В решении Кировского районного суда г. Саратова от 02.04.2024 по делу № 2а-1216/2024 рассмотрена жалоба гражданина, оспаривавшего доставление и административное задержание после конфликта, по поводу которого он первоначально сам обратился за помощью [8]. В ходе разбирательства заявитель ссыался на расхождение между временем регистрации сообщений в КУСП и временем фактического ограничения свободы, а также на отсутствие необходимости в задержании. Несмотря на это, суд признал действия сотрудников полиции законными, сославшись на сообщение о правонарушении и протокол административного задержания. Материалы дела показывают, что проверка была сведена к формальной оценке документов, которыми оформлено задержание, а не его фактических оснований.

Более точного законодательного регулирования требует и разграничение внешнего осмотра и досмотра транспортного средства. Проникновение в салон, багажное отделение, скрытые полости и иные внутренние части автомобиля для обнаружения предметов, имеющих значение для дела, следует признавать досмотром. Как указывают М. В. Давыдов и Р. А. Лубский, на практике содержание такого действия нередко не совпа-

дает с его процессуальным оформлением [6, с. 63]. По мнению А. С. Седовой, трудности применения данной меры связаны с отсутствием ясной границы между видами осмотра автомобиля [9, с. 28]. При таком регулировании должностное лицо может представить досмотр как иное процессуальное действие и тем самым обойти требования закона о понятых либо видеозаписи. По этой причине необходимо прямо закрепить в ст. 27.9 КоАП РФ, что проникновение во внутреннюю часть транспортного средства для обнаружения предметов и следов, имеющих значение для дела, образует досмотр независимо от наименования действия в процессуальном документе.

Практика применения досмотра транспортного средства выявляет еще один недостаток гл. 27 КоАП РФ — отсутствие общего правила о последствиях существенного нарушения порядка проведения меры обеспечения производства. При рассмотрении дела № 12–38/2025 Березовский городской суд Кемеровской области в решении от 14 августа 2025 года установил, что инспектор ДПС осмотрел транспортное средство снаружи и внутри и зафиксировал элементы конструкции, скрывающие государственный регистрационный знак [7]. Сторона защиты ссыалась на фактическое проведение досмотра транспортного средства при несоблюдении требований ч. 2 ст. 27.9 КоАП РФ. Протокол досмотра суд признал недопустимым доказательством ввиду нарушения процессуальной формы. Постановление о привлечении к административной ответственности оставил в силе, поскольку в деле имелись иные доказательства. Соответственно, допущенное нарушение повлияло только на допустимость протокола досмотра, но не повлекло оценки законности применения самой меры обеспечения производства.

КоАП РФ не содержит общего правила о последствиях процессуальных нарушений при применении мер обеспечения производства. Запрет на использование доказательств, полученных с нарушением закона, закреплен в ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ, однако данная норма относится только к доказательствам. Поэтому, даже когда досмотр, задержание или изъятие проведены с отступлением от обязательных требований закона, вопрос обычно сводится к допустимости конкретного доказательства, а не к законности самой меры. Такой пробел должен быть устранен. В главе 27 КоАП РФ необходимо закрепить, что существенное нарушение требований к проведению меры обеспечения производства влечет признание ее незаконной.

Личный досмотр и досмотр вещей в ст. 27.7 КоАП РФ предусмотрены для обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения, однако обязанность фиксировать факты, оправдывающие применение этой меры в конкретной ситуации, в законе прямо не закреплена. Одного обозначения цели мало, поскольку оно не заменяет описание обстоятельств, предшествовавших принудительному досмотру лица и находящихся при нем вещей. А. Р. Дуцева исходит из того, что

личный досмотр и досмотр вещей допустимы лишь тогда, когда у должностного лица имеются конкретные данные, указывающие на возможное нахождение при лице предметов, связанных с административным правонарушением [3, с. 133].

Анализ практики составления протокола личного досмотра или досмотра вещей показывает, что он фиксирует уже совершенное действие и его результат, но не позволяет проверить, что именно послужило основанием для его начала. В качестве обязательных реквизитов необходимо указать обстоятельства, из-за которых был начат личный досмотр или досмотр вещей. Также в протоколе должны быть отражены данные о должностном лице, сведения об участии понятых либо о применении видеозаписи в случаях, предусмотренных законом, описание каждого обнаруженного предмета с его индивидуальными признаками, а также время начала досмотра. При личном досмотре необходимо указывать и соблюдение специальных требований закона, его проведение лицом одного пола с досматриваемым и участие двух понятых того же пола.

КоАП РФ не предусматривает отдельной судебной процедуры обжалования уже примененной меры обеспечения производства. Законность доставления, административного задержания, личного досмотра, досмотра транспортного средства и изъятия вещей проверяется только при обжаловании постановления по делу об административном правонарушении. Как справедливо отмечает А. Д. Кузнецова, «жалоба на задержание, заявленная до завершения производства по делу об административном правонарушении, подлежит отклонению как преждевременно заявленная, а после завершения такого производства — как не подлежащая рассмотрению в отдельной от обжалования постановления процедуре» [6, с. 293]. В главе 27 необходимо определить перечень обжалуемых действий, срок подачи жалобы, срок ее рассмотрения, пределы судебной проверки и правовые последствия признания меры незаконной.

Недостаточно регламентировано в КоАП РФ использование видеозаписи при применении мер обеспечения производства. Для досмотра транспортного средства устанавливается только общее правило, закрепленное в ч. 2 ст. 27.9 КоАП РФ, о проведении данного процессуального действия в присутствии двух понятых либо с применением видеозаписи. Порядок начала записи, ее непрерывность, способ приобщения и последствия ее отсутствия закон не определяет. Однако, как верно отмечает А. И. Каплунов, способ реализации полномочия должен быть

связан с законностью применения административного принуждения [4, с. 75].

При обжаловании мер обеспечения производства спор нередко возникает из-за того, как следует квалифицировать действия инспектора при проверке транспортного средства. В суде рассматривалась жалоба водителя, привлеченного к административной ответственности по ч. 2.1 ст. 12.2 КоАП РФ [7]. По доводам защиты инспектор ДПС без соблюдения требований ст. 27.9 КоАП РФ проник в кабину автомобиля и зафиксировал обнаруженное устройство. Из материалов дела следовало, что он проверил автомобиль снаружи, обнаружил металлический шнур, ведущий от государственного регистрационного знака в кабину, установил наличие рамки с механизмом откидывания номера, после чего произвел фото- и видеосъемку устройства. Однако, по мнению защиты, такие действия уже образуют досмотр транспортного средства.

Суд этот довод отклонил и признал действия инспектора визуальным осмотром, поскольку поиск орудий или предметов административного правонарушения, по его выводу, не проводился. В обоснование были приведены п. 77 и 79 Приказа МВД России от 02.05.2023 № 264, допускающие визуальное исследование автомобиля и государственных регистрационных знаков при осуществлении надзора за дорожным движением. Также суд учел и пояснения инспектора о том, что демонтаж устройства без повреждения кузова был невозможен, поэтому он ограничился фото- и видеосъемкой. Обоснованным представляется в ст. 27.2, 27.3, 27.7, 27.9 и 27.10 КоАП РФ установить обязанность непрерывной видеозаписи при наличии технической возможности с указанием в протоколе времени начала и окончания записи, использованного технического средства и причины ее отсутствия.

В протоколе необходимо указывать, владеет ли лицо русским языком, разъяснено ли ему право на переводчика, был ли переводчик фактически предоставлен, обращалось ли лицо за медицинской помощью и были ли уведомлены родственники или иные близкие. Такое требование должно действовать при применении мер обеспечения производства к несовершеннолетним, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также к лицам, которые из-за состояния здоровья или незнания русского языка не могут самостоятельно реализовать свои процессуальные права. При помещении в специальное учреждение по ст. 27.19 КоАП РФ указание этих сведений обязательно, поскольку такая мера связана с длительным ограничением свободы передвижения.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
2. Давыдов М. В., Лубский Р. А. Досмотр транспортного средства как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемая в деятельности полиции: особенности реализации и проблемы правоприменительной практики // Философия права. — 2025. — № 2 (113). — С. 62–68.

3. Дущева А. Р. Личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Гуманитарный научный журнал. — 2025. — № 1. — Ч. 1. — С. 133–138.
4. Каплунов А. И. Значение понятия «способ принудительного воздействия» для совершенствования правовой регламентации мер административного принуждения // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2021. — № 6 (82). — С. 71–79.
5. Ключев К. А. Проблемы достижения целей применения отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Евразийский юридический журнал. — 2024. — № 2. — С. 250–254.
6. Кузнецова А. Д. Рассмотрение судом жалоб по делам об административных правонарушениях // Ступени роста — 2022. — Кострома: Костромской государственный университет, 2022. — С. 291–296.
7. Решение Березовского городского суда Кемеровской области от 14.08.2025 по делу № 12–38/2025 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/x02SK60kIyVt/> (дата обращения: 20.03.2026).
8. Решение Кировского районного суда г. Саратова от 02.04.2024 по делу № 2а-1216/2024 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/X1qczjSbsOW8/> (дата обращения: 20.03.2026).
9. Седова А. С. Досмотр транспортного средства, находящегося при физическом лице, как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Научный формат. — 2020. — № 1. — С. 27–32.

Проблемы разграничения похищения человека и незаконного лишения свободы

Романова Алина Александровна, студент магистратуры
Смоленский государственный университет

В статье рассматриваются особенности разграничения похищения человека и незаконного лишения свободы по уголовному законодательству Российской Федерации. Основное внимание автор уделяет признакам, которые позволяют отличить данные составы преступлений друг от друга.

Ключевые слова: уголовное право, похищение человека, незаконное лишение свободы, захват, удержание, перемещение.

Право на свободу и личную неприкосновенность являются естественными и неотъемлемыми правами каждого человека и гражданина, которые гарантируются Конституцией Российской Федерации. Их обеспечение и защита являются одной из важнейших задач государства. В связи с этим особое значение имеет правильная правовая оценка деяний, посягающих на свободу личности, поскольку от квалификации преступления напрямую зависит применение соответствующих норм уголовного закона и защита нарушенных прав потерпевшего.

Право на свободу и личную неприкосновенность закреплено не только в российском законодательстве, но и в международно-правовых актах. Так, во Всеобщей декларации прав человека 1948 года в статье 1 закреплено положение о равенстве всех людей в достоинстве и правах с момента рождения. Аналогичное значение имеет и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, 5 статья которой гарантирует каждому человеку право на свободу и личную неприкосновенность.

В Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрена ответственность за ряд преступлений против свободы личности. К числу наиболее близких по объективным и субъективным признакам составов относятся похищение человека и незаконное лишение свободы, ответственность за которые установлена соответственно статьями 126 и 127 УК РФ [7].

Сходство рассматриваемых преступлений заключается прежде всего в том, что непосредственным объектом посягательства выступает личная свобода человека. Кроме того, в обоих случаях потерпевший фактически лишается возможности свободно определять свое местонахождение и передвижение [1, с. 88]. Вместе с тем законодатель разграничивает данные преступления, поскольку они различаются по способу совершения, характеру действий виновного и особенностям объективной стороны. На практике разграничение похищения человека и незаконного лишения свободы может вызывать определенные сложности. Ошибочная квалификация способна повлечь существенные различия в уголовно-правовой оценке содеянного и назначаемом наказании.

Родовым объектом рассматриваемых преступлений является личность, что соответствует положениям раздела VII УК РФ. Видовым объектом выступают свобода, честь и достоинство личности, закрепленные в главе 17 УК РФ. Непосредственным объектом посягательства является личная (физическая) свобода человека, которая предполагает возможность свободно передвигаться, самостоятельно выбирать место своего пребывания и определять свое местонахождение. В качестве факультативных объектов могут выступать жизнь и здоровье человека. Потерпевшим может быть признано любое физическое лицо вне зависимости от его пола, возраста, гражданства и иных характеристик [2, с. 315].

Под похищением человека в уголовно-правовом смысле понимается противоправное завладение человеком, его перемещение и последующее удержание вопреки его воле.

Объектом преступления является личная свобода человека, то есть гарантированная законом возможность самостоятельно определять свое местонахождение, передвигаться и распоряжаться собой.

Объективная сторона преступления выражается в активных действиях виновного. Традиционно в структуре похищения человека выделяют три взаимосвязанных элемента:

- захват потерпевшего;
- его перемещение с одного места на другое;
- последующее удержание.

При этом указанные действия должны осуществляться против воли потерпевшего либо с использованием его неспособности понимать характер происходящего или сопротивляться действиям виновного.

Именно наличие перемещения потерпевшего является одним из наиболее существенных признаков, позволяющих отличить похищение человека от незаконного лишения свободы.

Способы совершения похищения могут быть различными: применение физического насилия, угрозы его применения, обман, использование беспомощного состояния потерпевшего и другие действия, посредством которых виновный устанавливает контроль над человеком.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает, что противоправно завладевает человеком, перемещает его и удерживает вопреки его воле, и желает совершить эти действия.

Не относятся к похищению человека и случаи завладения одним из родителей, усыновителей (в том числе и лишенным родительских прав) собственным ребенком у другого родителя или иных лиц, которым ребенок передан в установленном законом порядке на воспитание, а также похищение ребенка близкими родственниками (родными и усыновленными братом, сестрой, дедом, бабушкой), если эти действия совершаются в интересах ребенка, однако последнее необходимо доказать.

Как и при похищении человека, непосредственным объектом незаконного лишения свободы выступает личная свобода человека. Однако принципиальное отличие заключается в характере объективной стороны. При незаконном лишении свободы, как правило, отсутствует перемещение потерпевшего из одного места в другое, характерное для похищения [3, с. 55]. Например, незаконное лишение свободы может выражаться в том, что лицо запирают в помещении, связывают, удерживают в определенном месте либо иным способом препятствуют свободному уходу потерпевшего. Таким образом, виновный может ограничить возможность человека покинуть определенное место, не осуществляя его захвата и перемещения.

Субъективная сторона незаконного лишения свободы также характеризуется умышленной формой вины. Лицо

осознает противоправность ограничения свободы потерпевшего и желает этого.

Способами совершения данного преступления могут являться обман, физическое или психическое насилие над потерпевшим, нанесение ему побоев и т. д. В случаях совершения похищения человека и последующего его насильственного удержания содеянное образует состав ст. 126 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 127 УК РФ не требует. Существенное отличие незаконного лишения свободы от похищения человека заключается в том, что похищение человека всегда требует от виновного активных действий, в то время как незаконное лишение свободы может быть выражено как в виде действия, так и бездействия. Например, потерпевший находится в помещении, ранее запертом с его согласия, а виновное лицо впоследствии отказывается его освободить [4, с. 41].

Важным признаком является незаконность лишения свободы. Если ограничение свободы осуществляется на законных основаниях (при пресечении преступления, доставлении в правоохранительные органы, при крайней необходимости и необходимой обороне), состав преступления отсутствует. Например, само по себе законное задержание лица уполномоченными государственными органами не может рассматриваться как преступление, предусмотренное статьей 127 УК РФ.

Субъективная сторона обоих преступлений характеризуется только прямым умыслом. Виновный сознает, какое деяние он совершает и желает наступления общественно опасных последствий. Мотивы и цели преступлений могут быть различными. Однако в п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ предусмотрен такой квалифицирующий признак, как корыстные побуждения. При незаконном лишении свободы корыстные побуждения не являются признаком преступления [6, с. 333].

Похищение человека считается оконченным в момент фактического захвата, независимо от срока удержания, который на квалификацию не влияет. Незаконное же лишение свободы считается оконченным тогда, когда лицо фактически лишается возможности по своему усмотрению передвигаться и перемещаться в пространстве. Продолжительность незаконного лишения свободы на квалификацию также не влияет.

При разграничении преступлений необходимо установить последовательность действий виновного. Для похищения характерна определенная совокупность действий: захват, перемещение и удержание. Для незаконного лишения свободы основным действием является незаконное удержание лица в определенном месте без обязательного захвата и перемещения.

Одной из наиболее распространенных проблем является ситуация, когда преступление начинается как незаконное лишение свободы, но затем потерпевший перемещается в другое место. Например, виновный запирает человека в помещении, некоторое время удерживает его, а затем помещает в автомобиль и перевозит в другое

место. В данном случае возникает вопрос о том, следует ли квалифицировать содеянное по совокупности статей 127 и 126 УК РФ.

Позиция Верховного Суда РФ является однозначной: если первоначально лицо незаконно лишило человека свободы, а затем переместило его в другое место, содеянное квалифицируется по статье 126 УК РФ без дополнительной квалификации по статье 127 УК РФ. Незаконное ограничение свободы, совершенное в процессе похищения, охватывается составом статьи 126 УК РФ. Такой подход соответствует принципу недопустимости двойного учета одного и того же действия при квалификации преступления [5, с. 18].

Более сложной является ситуация, когда потерпевший самостоятельно перемещается в определенное место, поскольку введен виновным в заблуждение. Например, преступник сообщает человеку ложную информацию и под этим предлогом предлагает ему добровольно приехать в другое место. После прибытия потерпевшего преступник захватывает его и начинает удерживать. Формально можно утверждать, что потерпевший самостоятельно прибыл в помещение. Однако такой подход не всегда соответствует фактическому содержанию произошедшего.

Пленум Верховного Суда РФ прямо признает возможность совершения похищения путем обмана или злоупотребления доверием. В подобных случаях необходимо учитывать цель обмана и последующие действия виновного. Поэтому добровольность первоначального перемещения сама по себе еще не означает отсутствия похищения.

Подводя итоги, сделаем вывод, что похищение человека и незаконное лишение свободы являются самостоя-

тельными преступлениями против свободы личности, предусмотренными статьями 126 и 127 УК РФ. Главным критерием разграничения является перемещение потерпевшего. При похищении человека происходит незаконный захват, перемещение и последующее удержание потерпевшего. При незаконном лишении свободы человек остается в месте своего нахождения, однако против его воли ограничивается возможность свободно передвигаться и покинуть это место.

При этом перемещение не следует понимать исключительно как физическое перемещение потерпевшего виновным лицом. Пленум Верховного Суда РФ допускает возможность совершения похищения посредством обмана или злоупотребления доверием. Поэтому при квалификации необходимо учитывать обстоятельства, вследствие которых потерпевший оказался в месте последующего захвата и удержания.

Продолжительность ограничения свободы также не является самостоятельным критерием разграничения. Незаконное лишение свободы считается окончанным с момента фактического ограничения возможности потерпевшего свободно передвигаться независимо от того, насколько долго продолжалось такое состояние.

Таким образом, для правильного разграничения рассматриваемых преступлений необходимо исследовать не отдельный эпизод поведения виновного, а весь механизм совершения преступления. Особое внимание следует уделять факту и характеру перемещения потерпевшего, способу его захвата, обстоятельствам первоначального нахождения в определенном месте, моменту возникновения преступного умысла и последующим действиям виновного.

Литература:

1. Гурбанова Г. А. Незаконное лишение свободы и похищение человека: основания разграничения в уголовном законодательстве РФ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 1. С. 88–89.
2. Жадан В. Н. Актуальные вопросы уголовно-правовой характеристики мошенничества / В. Н. Жадан // Молодой ученый, 2014. № 10 (69). С. 313–319.
3. Зубкова В. И., Тяжкова И. М. Ответственность за похищение человека по уголовному законодательству России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1996. № 2.
4. Ковалев А. А. Разграничение похищения человека и незаконного лишения свободы // Отечественная юриспруденция. 2018. № 6 (31). С. 40–42.
5. О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 N 58 (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 3. С. 17–20.
6. Сверчков В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. пособие / В. В. Сверчков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. 595 с.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 04.08.2026 № 300-ФЗ) // СЗ РФ, 1996. № 25. Ст. 2954.

Некоторые процессуальные проблемы установления отцовства умершего лица в судебном порядке

Семенов Валерий Сергеевич, студент
Санкт-Петербургская юридическая академия

В статье исследуются отдельные процессуальные проблемы, возникающие при судебном установлении происхождения ребенка от умершего лица. Основное внимание уделено разграничению факта признания отцовства и факта отцовства, а также выбору между особым и исковым производством. Показано, что смерть предполагаемого отца сама по себе не предопределяет единственную процессуальную форму: при отсутствии спора о праве факт признания отцовства и, в предусмотренных разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации случаях, факт отцовства могут устанавливаться по правилам особого производства; при наличии спора о субъективном праве заявление подлежит оставлению без рассмотрения с разъяснением возможности предъявления иска. Рассматриваются вопросы территориальной и исключительной подсудности, определения заинтересованных лиц, предмета доказывания и оценки доказательств. Отдельно анализируются особенности дел, связанных с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, включая правовое значение донорского генетического материала. Обосновывается необходимость точного определения заявителем юридической цели обращения в суд и характера спорного правоотношения до выбора процессуальной формы.

Ключевые слова: установление отцовства, факт признания отцовства, умершее лицо, особое производство, спор о праве, вспомогательные репродуктивные технологии.

Some procedural problems of judicial establishment of paternity of a deceased person

Semenov Valerii Sergeevich, student
St. Petersburg Law Academy

The article examines selected procedural problems arising when a court is asked to establish a child's origin from a deceased person. Particular attention is paid to the distinction between the fact that a deceased person acknowledged paternity and the fact of paternity itself, as well as to the choice between special and contentious proceedings. It is shown that the death of the alleged father does not automatically determine a single procedural form. In the absence of a dispute over a subjective right, the fact of acknowledgement of paternity and, in the situations explained by the Supreme Court of the Russian Federation, the fact of paternity may be established under special proceedings. If a dispute over a right is revealed, the application must be left without consideration and the parties must be informed of their right to bring a claim. The article also addresses territorial and exclusive jurisdiction, the identification of interested persons, the subject matter of proof and the assessment of evidence. Special attention is given to cases involving assisted reproductive technologies, including the legal significance of donated genetic material. The author concludes that the legal purpose of the application and the existence or absence of a dispute over a right must be determined before the procedural form is selected.

Keywords: establishment of paternity, acknowledgement of paternity, deceased person, special proceedings, dispute over a right, assisted reproductive technologies.

Происхождение ребенка, удостоверенное в установленном законом порядке, является юридическим основанием возникновения прав и обязанностей родителей и детей. Поэтому смерть лица, от которого предположительно происходит ребенок, не устраняет необходимости юридического оформления происхождения, но существенно меняет процессуальную ситуацию: предполагаемый отец уже не может дать совместное заявление, участвовать в исследовании доказательств и непосредственно выразить позицию по делу. Как отмечает Э. Г. Дадашова, посмертное установление отцовства «осложнено необходимостью установления наличия фактических обстоятельств» [1, с. 162]. При этом, подчёркивает автор, ключевое значение имеет именно «наличие документального подтверждения соответствующего факта и с юридической, и с биологической точки зрения» [1, с. 168]. Се-

мейный кодекс Российской Федерации [5] (далее СК РФ) разграничивает судебное установление отцовства и установление факта признания отцовства. Статья 49 СК РФ предусматривает судебное установление отцовства при отсутствии предусмотренного законом заявления родителей или отца и ориентирует суд на любые доказательства, достоверно подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица. Статья 50 СК РФ регулирует специальную ситуацию смерти лица, которое при жизни признавало себя отцом ребенка, но не состояло в браке с его матерью.

Первая процессуальная проблема состоит в правильном определении предмета обращения в суд. Формулировки «установление отцовства», «установление факта отцовства» и «установление факта признания отцовства» не являются взаимозаменяемыми. При применении ст.

50 СК РФ юридически значимым является именно поведение умершего при жизни: признавал ли он себя отцом ребенка. Пункт 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 [6] прямо указывает на возможность установления такого факта в порядке особого производства в отношении ребенка, родившегося 1 марта 1996 г. и позднее. Следовательно, заявитель доказывает не абстрактную вероятность биологического родства, а совокупность обстоятельств, свидетельствующих о прижизненном признании умершим своего отцовства.

Вместе с тем сведение всех посмертных дел только к ст. 50 СК РФ было бы неверным. Пункт 23 Постановления Пленума № 16 предусматривает, что суд вправе в порядке особого производства установить и факт отцовства лица, не состоявшего в браке с матерью ребенка, в случае смерти этого лица. Для детей, родившихся 1 марта 1996 г. и позднее, необходимы доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от данного лица. Тем самым действующие разъяснения Верховного Суда РФ допускают в отсутствие спора о праве особое производство не только для факта признания отцовства, но и для факта отцовства умершего лица. Это уточнение имеет принципиальное значение для выбора способа судебной защиты.

Критерием разграничения особого и искового производства выступает наличие спора о праве. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [7] (далее ГПК РФ) устанавливает, что дела особого производства рассматриваются с участием заявителей и заинтересованных лиц, однако при выявлении спора о праве суд оставляет заявление без рассмотрения и разъясняет возможность разрешить спор в исковом порядке (ч. 3 ст. 263 ГПК РФ). Аналогичное правило применительно к делам о происхождении детей закреплено в пункте 24 Постановления Пленума № 16. Следовательно, особое производство допустимо тогда, когда суд устанавливает юридический факт, а не разрешает конфликт о принадлежности субъективного гражданского права. Как справедливо отмечает Е. Р. Русинова, «при возникновении минимальных разногласий между заявителем и заинтересованными лицами по наследственным правам ребенка, в отношении которого устанавливается отцовство, суды оставляют заявление без рассмотрения с разъяснением права на разрешение спора в исковом производстве» [4, с. 43]. К сожалению, этим нередко пользуются наследники для создания дополнительных препятствий для заявителя на пути к установлению отцовства, что, по мнению автора, создает риск формального подхода к разграничению видов производств.

На практике особенно чувствительна связь установления отцовства с наследственными последствиями. Само по себе указание заявителя на то, что установление происхождения необходимо, например, для оформления наследственных прав, еще не тождественно наличию спора о праве. Однако если другие заинтересованные лица оспаривают право ребенка на наследственное имущество,

ставят под сомнение основание его участия в наследовании либо одновременно требуется разрешить требование о праве на конкретное имущество, процесс перестает быть бесспорным. В такой ситуации механизм ч. 3 ст. 263 ГПК РФ препятствует разрешению материально-правового конфликта средствами особого производства.

Если же в ходе особого производства выявляется спор о праве и заявление оставляется без рассмотрения, заявитель вынужден обращаться с иском. На этом этапе правила подсудности меняются кардинально. Общее правило ст. 266 ГПК РФ о подаче заявления по месту жительства заявителя, действующее для особого производства, не переносится автоматически на исковое производство. Теперь применяется ст. 28 ГПК РФ — иск предъявляется по месту жительства ответчика (или, если ответчиков несколько, по выбору истца в случаях, предусмотренных ст. 29 ГПК РФ).

Кроме того, если одновременно с установлением отцовства фактически решается вопрос о правах на недвижимое имущество (например, о включении в наследственную массу квартиры), необходимо учитывать правила исключительной подсудности (ст. 30 ГПК РФ). Однако такая подсудность возникает не автоматически из самого факта наследственных прав, а только тогда, когда в иске заявлено самостоятельное вещно-правовое требование в отношении конкретного объекта недвижимости.

Третья группа проблем касается доказывания. При установлении факта признания отцовства предмет доказывания обусловлен ст. 50 СК РФ: необходимо подтвердить, что умерший при жизни признавал себя отцом ребенка. Закон не устанавливает закрытого перечня средств доказывания. С учетом общих правил гражданского процесса и разъяснений Пленума № 16 значение могут иметь письменные и электронные сообщения, фотографии, сведения о совместном проживании, участие в содержании ребенка, иные документы и показания свидетелей. Однако каждое доказательство должно оцениваться не изолированно, а в совокупности с другими сведениями. Материальная помощь сама по себе может иметь различные основания; фотография фиксирует факт совместного нахождения, но не обязательно признание отцовства; переписка приобретает значение с учетом содержания, авторства и контекста.

При установлении факта отцовства предмет доказывания иной и шире: требуется достоверно подтвердить происхождение ребенка от умершего лица. Именно такой критерий закреплен в ст. 49 СК РФ и п. 23 Постановления Пленума № 16. Пункт 20 Постановления Пленума № 16 исходит из того, что заключение эксперта по вопросу происхождения ребенка является одним из доказательств и не имеет для суда заранее установленной силы. Как справедливо отмечают Е. В. Калинина и К. С. Химяк, «в настоящий момент особое значение приобретает экспертиза, проводимая методом генетической дактилоскопии, позволяющая с предельно высокой степенью достовер-

ности ответить на вопрос, происходит ли ребенок от предполагаемого отца или нет» [2, с. 692]. Поэтому молекулярно-генетическое исследование должно оцениваться наряду с другими материалами дела. После смерти предполагаемого отца проведение исследования объективно усложняется; вопрос о возможности исследования биологического родства с участием родственников умершего зависит от доступного биологического материала и поставленных перед экспертом вопросов. Процессуально важно, что результат такого исследования не подменяет судебную оценку всей совокупности доказательств.

Различие предмета доказывания влияет и на содержание заявления. В особом производстве ст. 267 ГПК РФ требует указать цель установления юридического факта и привести доказательства невозможности получения или восстановления надлежащих документов иным путем. Кроме того, ст. 265 ГПК РФ допускает судебное установление юридически значимого факта лишь при невозможности получить в ином порядке надлежащие документы либо восстановить утраченные документы. Поэтому обращение в суд не должно превращаться в альтернативу административной регистрации в случаях, когда закон допускает получение необходимого документа без судебного решения.

Судебное решение имеет последующее регистрационное значение. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143ФЗ «Об актах гражданского состояния» [8] относит вступившее в законную силу решение суда об установлении отцовства или об установлении факта признания отцовства к основаниям государственной регистрации установления отцовства. Статья 54 названного Федерального закона предусматривает представление такого решения для государственной регистрации, а сведения об отце вносятся в запись акта в соответствии с данными, указанными в судебном решении. Это усиливает требования к точности резолютивной части: судебный акт должен быть пригоден для последующего совершения регистрационного действия.

Помимо общих правил доказывания, дополнительные сложности возникают в случаях, когда происхождение ребенка связано с применением вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). В отличие от традиционных ситуаций, здесь сама по себе генетическая связь не всегда влечет юридическое родительство, а правовой статус умершего участника программы требует отдельной оценки. Пункт 32 Постановления Пленума № 16 разъясняет, что рождение ребенка с использованием донорского генетического материала не влечет возникновения родительских прав и обязанностей между донором и ребенком независимо от того, известен донор родителям или является анонимным. По тем же основаниям не подлежат удовлетворению требования записанного родителя об установлении отцовства в отношении лица, являвшегося донором генетического материала. Поэтому само наличие генетической связи с умершим донором не образует достаточного правового основания для установления его отцовства.

Как справедливо отмечают А. А. Миташова и И. Н. Иваненко, «анализ отечественного законодательства в сфере ВРТ выявил ряд существенных проблем и противоречий, требующих законодательного урегулирования», в частности отсутствие специального закона, неопределенность правового статуса эмбриона и недостаточную регламентацию суррогатного материнства [3, с. 312]

Иная логика действует в ситуациях, когда умершее лицо не являлось донором в смысле, придаваемом этому статусу семейным законодательством, а участвовало в репродуктивной программе как лицо, намеревавшееся стать родителем. Пункты 30–31 Постановления Пленума № 16 связывают разрешение споров, возникающих при применении методов искусственного оплодотворения, имплантации эмбриона и суррогатного материнства, с исследованием письменного согласия, обстоятельств применения соответствующего метода, условий договора о суррогатном материнстве и генетического происхождения ребенка. В случае смерти одного из участников до оформления происхождения ребенка процессуальная сложность заключается в необходимости установить юридическое значение его волеизъявления и одновременно не смешивать статус потенциального родителя со статусом донора.

Из действующего регулирования следует, что универсального процессуального алгоритма для всех случаев посмертного установления отцовства не существует. На первоначальном этапе необходимо определить: какой именно факт требуется установить; признавал ли умерший себя отцом при жизни; имеется ли спор о субъективном праве; для какой юридической цели необходимо решение; связаны ли заявленные требования с правами на недвижимое имущество; использовались ли ВРТ, и в каком правовом качестве участвовал умерший. Ошибка на любом из этих этапов способна привести к выбору ненадлежащего вида производства или суда.

Представляется, что основной процессуальной гарантией в данной категории дел является не расширение перечня формальных доказательств, а последовательное разграничение предметов доказывания. Для ст. 50 СК РФ центрально прижизненное признание отцовства; для установления факта отцовства по правилам, разъясненным п. 23 Постановления Пленума № 16, — достоверность происхождения ребенка; при наличии спора о праве — разрешение взаимно исключающих материально-правовых притязаний в исковом производстве. Такой подход позволяет избежать подмены одного юридического факта другим и обеспечивает соответствие процессуальной формы характеру спорного отношения.

Таким образом, процессуальные проблемы установления отцовства умершего лица концентрируются вокруг четырех взаимосвязанных вопросов: выбора между фактом признания отцовства и фактом отцовства; разграничения особого и искового производства; определения подсудности после возникновения спора о праве; формирования надлежащего предмета доказывания. Дополнительную сложность создают ВРТ, поскольку генети-

ческая связь может не порождать родительского статуса. Действующие нормы СК РФ, ГПК РФ, Федерального закона «Об актах гражданского состояния» и разъяснения

Постановления Пленума № 16 позволяют разрешать указанные вопросы, но требуют от суда и заявителя точной процессуальной квалификации конкретной ситуации.

Литература:

1. Дадашова, Э. Г. Особенности установления отцовства в судебном порядке / Э. Г. Дадашова. — Текст: непосредственный // Ленинградский юридический журнал. — 2023. — № 4(74). — С. 157–169.
2. Калинина, Е. В. Способы и особенности установления и оспаривания материнства и отцовства в судебном порядке / Е. В. Калинина, К. С. Химяк. — Текст: непосредственный // StudNet. — 2020. — № 8. — С. 690–697.
3. Миташова, А. А. Вспомогательные репродуктивные технологии: между юридической допустимостью и этической приемлемостью / А. А. Миташова, И. Н. Иваненко. — Текст: непосредственный // ПРАВО И ПРАКТИКА. — 2025. — № 4. — С. 308–313.
4. Русинова, Е. Р. Некоторые процессуальные вопросы, возникающие при рассмотрении дел об установлении отцовства умершего лица / Е. Р. Русинова. — Текст: непосредственный // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2011. — № 2. — С. 41–46.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16 (ред. от 04.08.2026 г.).
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7 (ред. от 26.12.2017 г.).
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532 (ред. от 04.08.2026 г.).
8. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143ФЗ «Об актах гражданского состояния» // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340 (ред. от 04.08.2026 г.).

Административно-правовые механизмы осуществления контроля за деятельностью органов местного самоуправления

Собковская Екатерина Николаевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (г. Тольятти)

В статье исследуется система административно-правовых механизмов государственного контроля и надзора за деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления в Российской Федерации. Анализируются ключевые формы контрольно-надзорного воздействия: прокурорский надзор, ведомственный контроль исполнительных органов власти и судебный нормоконтроль. Рассматривается баланс между конституционной автономией муниципальной власти и необходимостью обеспечения единого правового пространства в контексте единой системы публичной власти [6; 8]. Выявлены системные проблемы правоприменения, включая избыточность надзорных предписаний, и предложены направления модернизации института муниципального контроля.

Ключевые слова: местное самоуправление, административно-правовой механизм, государственный контроль, прокурорский надзор, единая система публичной власти, законность, нормоконтроль, муниципальное управление.

Интеграция органов местного самоуправления (МСУ) в единую систему публичной власти актуализировала вопрос об оптимальном объеме государственного вмешательства в дела муниципалитетов [6; 8]. С одной стороны, статья 12 Конституции РФ гарантирует самостоятельность МСУ в пределах его полномочий [1]; с другой — статья 132 устанавливает, что органы МСУ и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения [1; 6; 8].

Обеспечение этого баланса должно достигаться с помощью административно-правовых механизмов контроля и надзора, призванных предотвращать нарушения федерального и регионального законодательства, не подавляя при этом самостоятельную муниципальную инициативу.

Понятие и структура административно-правового механизма контроля

Административно-правовой механизм контроля за деятельностью органов МСУ представляет собой закреп-

ленную нормами права совокупность форм, методов, процедур и полномочий государственных органов, направленных на предупреждение, выявление и пресечение правонарушений в муниципальной сфере, а также на оценку целесообразности реализации отдельных переданных государственных полномочий [7].

В научной доктрине традиционно разграничивают понятия «контроль» и «надзор» [7]. Надзор (в первую очередь прокурорский) ограничен проверкой строгого со-

ответствия действий и актов органов МСУ требованиям Конституции РФ и законов без вмешательства в оперативную самостоятельность [3; 7]. Контроль (ведомственный, финансовый) допускает проверку не только законности, но и эффективности, целесообразности принимаемых решений (прежде всего при расходовании межбюджетных трансфертов и осуществлении делегированных государственных полномочий) [7].

Сведем данные нашего исследования в таблицу 1.

Таблица 1. Структура контроля и надзора: субъекты, объекты и правовые аспекты

Субъект контроля/ надзора	Основной объект воздействия	Правовая основа	Пределы вмешательства
Органы прокуратуры РФ	Соответствие нормативных правовых актов и действий требованиям закона	ФЗ «О прокуратуре РФ» [3], статья 77; ФЗ № 131-ФЗ [2]	Исключительно законность; невмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность
Территориальные органы Министерства юстиции РФ	Муниципальные уставы и акты о внесении изменений в них	ФЗ № 131-ФЗ [2], ФЗ «О государственной регистрации уставов муниципальных образований»	Проверка законности и соблюдения процедуры принятия устава
Отраслевые органы исполнительной власти (Роспотребнадзор, МЧС и др.)	Соблюдение обязательных санитарных, противопожарных, технических требований	ФЗ № 248-ФЗ [4], профильное законодательство	Проверки строго в рамках согласованных планов или по фактам угроз жизни и здоровью
Органы государственного финансового контроля	Использование субвенций, субсидий, региональных и федеральных бюджетных средств	Бюджетный кодекс РФ, законодательство субъектов РФ	Целевой характер и эффективность расходования выделенных средств

Основные элементы контрольно-надзорного механизма

Выделяют следующие элементы контрольно-надзорного механизма:

1) прокурорский надзор как гарант законности. Органы прокуратуры занимают центральное место в механизме обеспечения единого правового поля [3]. Реализация надзорной функции включает:

- проведение правовой экспертизы проектов муниципальных нормативных правовых актов на дорегламентной стадии;
- вынесение мер прокурорского реагирования: протестов (на противоречащие закону акты), представлений (об устранении нарушений законов, причин и условий, способствующих этим нарушениям), предостережений [3];
- обращение в судебные органы с административными исковыми заявлениями о признании муниципальных правовых актов недействующими (глава 21 КАС РФ) [5];

2) государственная регистрация муниципальных правовых актов. Превентивный нормоконтроль осуществляется территориальными подразделениями Министерства юстиции РФ при регистрации уставов муниципальных образований. Процедура позволяет отсекаать коллизи-

онные и противоречащие федеральному законодательству нормы еще до вступления устава в юридическую силу. Кроме того, ведение региональных регистров муниципальных нормативных правовых актов обеспечивает систематический юридический скрининг правотворчества на местах;

3) проверки соблюдения обязательных требований. Контроль со стороны отраслевых государственных инспекций осуществляется на основании специальных предписаний статьи 77 Федерального закона № 131-ФЗ [2], которая устанавливает повышенные гарантии защиты муниципалитетов от чрезмерного административного давления:

- обязательное согласование плановых проверок с прокуратурой субъекта РФ;
- периодичность плановых проверок в отношении одного органа МСУ не чаще одного раза в два года [2];
- недопустимость установления дублирующих контрольных полномочий различных ведомств.

Проблемы функционирования и правовые коллизии

Несмотря на сформированную нормативную базу, на практике сохраняется ряд нерешенных проблем, вызванных деструктивными факторами:

- диспропорция между требованиями надзорных органов и финансовыми ресурсами муниципалитетов. Наиболее частая коллизия возникает, когда контрольные органы обязывают муниципалитет устранить масштабные нарушения (например, построить очистные сооружения, капитально отремонтировать дорожную сеть или школы), не учитывая дефицит местного бюджета. Исполнение предписаний под угрозой крупных штрафов парализует финансирование текущих социально значимых вопросов;
- пересечение компетенций контрольно-надзорных органов. На уровне поселений и муниципальных округов нередко проводятся дублирующие проверки одних и тех же объектов (например, проверки состояния гидротехнических сооружений или мест захоронений) со стороны Росприроднадзора, Роспотребнадзора и прокуратуры;
- недостаточная оперативность механизмов согласования интересов. Существующий порядок оспаривания предписаний контрольных органов требует отвлечения существенных кадровых ресурсов органов местного самоуправления на судебные разбирательства вместо решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Направления совершенствования правового регулирования

Для повышения эффективности контрольной деятельности и защиты муниципальной автономии целесообразно принять следующие меры:

- интеграция риск-ориентированного подхода в отношении публичных субъектов. Необходимо исполь-

зовать риск-ориентированные инструменты контроля (успешно показавшие себя в рамках проверок по ФЗ № 248-ФЗ [4]) в отношении органов МСУ с градацией интенсивности проверок в зависимости от добросовестности муниципалитета и предшествующей статистики нарушений;

- закрепление механизма бюджетной исполнимости предписаний. На уровне федерального законодательства необходимо закрепить норму, обязывающую суды и надзорные органы при установлении сроков исполнения предписаний учитывать финансовые возможности местного бюджета и бюджетный цикл (с возможностью заключения межведомственных соглашений о поэтапном устранении нарушений с привлечением софинансирования из регионального бюджета);

- смещение фокуса на предупредительный надзор. Необходимо приоритетно развивать цифровой юридический мониторинг и предварительную экспертизу проектов решений через единые государственные информационные системы, что снизит объем последующего карательного надзора.

Таким образом, административно-правовые механизмы контроля за деятельностью органов местного самоуправления должны служить инструментом правовой интеграции и защиты публичных интересов, а не барьером для развития территорий. Дальнейшее совершенствование контрольно-надзорной деятельности в рамках единой системы публичной власти [6; 8] требует перехода от репрессивно-штрафной модели к партнерскому профилактическому контролю, жестко увязанному с реальной ресурсной обеспеченностью муниципалитетов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 07.09.2026).
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения 07.09.2026).
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения 07.09.2026).
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения 07.09.2026).
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения 07.09.2026).
6. Авакьян, С. А. Местное самоуправление как форма публичной власти: конституционные ожидания и реальные конструкции / С. А. Авакьян. — Текст: непосредственный // Юридический мир. — 2020. — № 1. — С. 15–20.
7. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Муниципальное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата. — Москва : Юрайт, 2022. — 450 с.
8. Гриценко, Е. В. Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года / Е. В. Гриценко. — Текст: непосредственный // Сравнительное конституционное обозрение. — 2020. — № 4 (137). — С. 80–97.

Совершенствование системы мер предупреждения насильственной преступности среди несовершеннолетних в России

Федорова Эвелина Андреевна, студент магистратуры

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассматриваются причины насильственной преступности несовершеннолетних, анализируются статистические данные и проблемы профилактической деятельности. Обосновывается необходимость конкретизации межведомственного взаимодействия, введения критериев оценки риска и индивидуального сопровождения подростков, склонных к насильственному поведению.

Ключевые слова: насильственная преступность несовершеннолетних, профилактика правонарушений, подростковая преступность, девиантное поведение, межведомственное взаимодействие.

Насильственная преступность несовершеннолетних относится к числу наиболее общественно опасных форм преступности, поскольку посягает на жизнь, здоровье и телесную неприкосновенность личности. К таким деяниям относятся убийство (ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ), изнасилование (ст. 131 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), а также разбой (ст. 162 УК РФ) [1]. Их специфика состоит не только в причинении вреда конкретному потерпевшему, но и в создании состояния социальной тревожности, особенно когда преступление совершается подростками.

Криминологические особенности насильственного поведения несовершеннолетних связаны с возрастной незрелостью, эмоциональной неустойчивостью, подверженностью групповому влиянию и недостаточным уровнем самоконтроля. В подростковой среде насилие нередко выступает способом самоутверждения, разрешения конфликта либо демонстрации принадлежности к группе.

Поэтому значительная часть противоправных действий несовершеннолетних совершается не индивидуально, а при участии нескольких лиц [4. С. 66].

Статистические данные подтверждают практическую значимость рассматриваемой проблемы. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за январь — ноябрь 2025 г. подростковая преступность увеличилась до 25,9 тыс. деяний, что на 10,9 % выше показателя предыдущего года. При этом около 70 % преступлений несовершеннолетних составляют кражи и иные преступления против собственности, однако насильственные деяния сохраняют особую опасность в силу тяжести последствий. В 2024 г. судами был вынесен 10 321 приговор несовершеннолетним, более 2,2 тыс. подростков получили реальные сроки лишения свободы [6].

Основными причинами насильственной преступности несовершеннолетних являются семейное неблагополучие, недостатки воспитания, влияние криминогенного окружения, отсутствие занятости, слабый контроль со стороны взрослых и дефицит позитивных форм досуга. Особое значение имеет насилие в семье, поскольку несовершеннолетний, регулярно наблюдающий агрессивные модели по-

ведения, начинает воспринимать насилие как допустимый способ разрешения конфликта [5. С. 119]. В современных условиях усиливается влияние цифровой среды, где распространяются деструктивные установки, агрессивные субкультуры, буллинг и кибербуллинг [4. С. 66].

Основным нормативным актом в сфере профилактики является Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2]. Однако действующее законодательное регулирование не в полной мере обеспечивает согласованность работы органов внутренних дел, комиссий по делам несовершеннолетних, образовательных организаций, органов опеки, медицинских организаций и социальных служб.

Существующая система профилактики остается фрагментарной. Недостаточная координация между государственными органами, образовательными учреждениями и социальными службами приводит к дублированию функций и снижению эффективности принимаемых мер [3. С. 26].

Современная профилактика должна включать общесоциальные, специальные и индивидуальные меры. Общесоциальные меры связаны с укреплением семьи, доступностью образования, спорта, культуры и досуга. Специальные меры предполагают выявление неблагополучных семей, предупреждение групповой подростковой агрессии и контроль за вовлечением несовершеннолетних в криминальные и деструктивные интернет-сообщества.

Индивидуальные меры должны быть направлены на работу с конкретным подростком, уже проявляющим признаки агрессивного или противоправного поведения [4. С. 67]. В целях повышения эффективности профилактики необходимо внести изменения в Федеральный закон № 120-ФЗ, закрепив единый межведомственный алгоритм работы с несовершеннолетними, склонными к насильственному поведению [2]. Такой алгоритм должен включать выявление признаков риска образовательной организацией, передачу информации в комиссию по делам несовершеннолетних, оценку семейной ситуации, разработку индивидуальной программы сопровождения, назначение ответственного субъекта профилактики и ежемесячный контроль исполнения программы.

Также целесообразно нормативно закрепить критерии отнесения несовершеннолетнего к группе повышенного профилактического внимания. К ним могут относиться повторные конфликты с применением физической силы, участие в буллинге или кибербуллинге, систематические угрозы сверстникам, распространение материалов насильственного характера, проживание в семье с фактами домашнего насилия, а также совершение общественно опасных деяний до достижения возраста уголовной ответственности.

Практическая эффективность профилактики может быть повышена за счет введения индивидуальной карты сопровождения несовершеннолетнего. В ней должны отражаться сведения о семейных условиях, обучении, посещаемости, конфликтности, психологических рисках, правонарушениях и результатах профилактической работы. Доступ к такой карте должен быть ограничен субъектами профилактики с соблюдением законодательства о защите персональных данных.

Отдельного внимания требует профилактика насилия в образовательной среде. Необходимо закрепить обязанность образовательных организаций ежегодно проводить мониторинг конфликтности и буллинга, а обобщенные результаты направлять в комиссии по делам несовершеннолетних. Это позволит выявлять риски до совершения преступления и применять педагогические, психологические и восстановительные меры. В качестве обязательного элемента профилактики следует развивать школьную медиацию в организациях, где выявлены устойчивые конфликты между подростками [3. С. 27].

Необходимо установить и конкретные показатели эффективности профилактики. К ним могут быть отнесены снижение повторных правонарушений среди несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете;

уменьшение числа групповых преступлений; сокращение конфликтов с применением физического насилия в образовательных организациях; увеличение доли подростков, включенных в программы социальной адаптации, дополнительного образования, спортивной и трудовой занятости.

Отсутствие научно обоснованных подходов приводит к формализму и снижению эффективности решений. Поэтому требуется проведение криминологической экспертизы нормативных актов и программ в сфере предупреждения преступности несовершеннолетних, включая оценку их влияния на подростковую агрессию, семейное неблагополучие, буллинг и вовлечение подростков в деструктивную цифровую среду [3. С. 26].

С учетом цифровизации подростковой среды профилактика должна включать не только мониторинг деструктивного контента, но и правовое просвещение, обучение безопасному поведению в сети, программы цифровой гигиены и информирование родителей о признаках вовлечения подростка в агрессивные онлайн-сообщества [4. С. 68]. Соответствующие занятия целесообразно включить в программы воспитательной работы школ и колледжей.

Таким образом, предупреждение насильственной преступности несовершеннолетних требует комплексного подхода, учитывающего правовые, семейные, образовательные, социальные и цифровые факторы. Совершенствование профилактики должно выражаться в конкретных мерах: уточнении Федерального закона № 120-ФЗ, введении межведомственного алгоритма сопровождения, разработке индивидуальных карт, закреплении критериев группы риска, развитии школьной медиации, мониторинге буллинга и применении измеримых показателей эффективности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. // 1996. № 25. С. 2954.
2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.06.1999 № 120ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. — С.3177.
3. Климчук М. В. Отдельные меры профилактики насилия в отношении несовершеннолетних: сравнительно-правовой аспект // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 3. С. 26–29.
4. Петровская М. И. Преступность несовершеннолетних: причины, структура, особенности и механизмы совершенствования профилактических мер по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений // Российский следователь. 2025. № 8. С. 66–69.
5. Чистяков К. В. Криминогенное влияние семейного насилия и дискриминационных практик на формирование асоциального поведения несовершеннолетних // Современное право. 2025. № 7. С. 119–122.
6. Генпрокуратура: подростковая преступность в РФ выросла почти на 11 % // ТАСС. 2025. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/26077051> (дата обращения: 08.05.2026).
7. Статистические сведения о состоянии преступности в 2025 году // МВД России. 2026. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2025-godu/> (дата обращения: 08.05.2026).
8. Статистические сведения о состоянии преступности в январе — марте 2026 года // МВД России. 2026. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-marte-2026-goda/> (дата обращения: 08.05.2026).

Использование государственным обвинителем результатов оперативно-розыскной деятельности

Шарин Кирилл Евгеньевич, студент

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

В уголовно-процессуальной науке и правоприменительной практике до настоящего времени дискуссионным остается вопрос о полноте правовой регламентации процессуального статуса прокурора, поддерживающего государственное обвинение в суде. Несмотря на широкий спектр полномочий, которыми наделен государственный обвинитель, законодатель до сих пор не определил должным образом его компетенцию по взаимодействию с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, что создает определенные сложности в обеспечении законности и обоснованности обвинения. В связи с этим, представляется необходимым обосновать целесообразность законодательного закрепления соответствующих полномочий.

Активно участвуя в судебном доказывании, государственный обвинитель сталкивается с процессуальным ограничением — он не может самостоятельно формировать и пополнять уже имеющуюся доказательственную базу, но при этом имеет право представлять уже собранные на этапе предварительного расследования доказательства. Однако правоприменительная практика показывает, что предусмотренных законом механизмов не всегда достаточно для эффективного выполнения обвинительной функции. Одним из наиболее острых вопросов в этом контексте является допустимость и порядок использования государственным обвинителем результатов ОРД в ходе судебного следствия.

Согласно ч. 5 ст. 246 УПК, государственный обвинитель обязан представлять доказательства и участвовать в их судебном исследовании [5]. Аналогичное требование содержится в пункте 5.1 Приказа Генерального прокурора РФ от 25 декабря 2012 г. N 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [4]. Кроме того, прокурор, как и другие стороны, не связан исключительно доказательствами, собранными на предварительном следствии, и может ходатайствовать о приобщении новых в любой момент — от подготовительной части (ст. 271 УПК) вплоть до завершения судебного следствия (ч. 2 ст. 291 УПК).

Необходимость восполнения доказательственной базы по уголовному делу может быть обусловлена различными обстоятельствами: выявленной неполнотой предварительного расследования, изменением показаний участников судебного разбирательства, заявлением подсудимым алиби, которое не озвучивалось на досудебных стадиях, а также иными факторами. Так, О. Коршунова полагает, что при наличии пробелов в исследовании характера и размера причиненного преступлением ущерба «государственному обвинителю надлежит еще на этапе

подготовки к участию в судебном разбирательстве планировать заявление ходатайств о вызове в судебное заседание и допросе лиц, которым известно о размере ущерба, а также оценить необходимость и возможность производства соответствующей судебной экспертизы для определения его размера» [3].

В юридической литературе часто можно встретить адресованные государственному обвинителю предложения использовать помощь органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Так, В. Исаенко и Е. Павлова считают возможным и необходимым устанавливать при содействии сотрудников подразделений, осуществляющих ОРД, дополнительных свидетелей и обеспечивать их явку и допрос в судебном заседании, истребовать документы, характеризующие личность, должностной статус обвиняемого в совершении должностных преступлений, опровергающие не проверенное в ходе предварительного расследования алиби [1].

Информация, получаемая государственным обвинителем от оперативно-розыскных подразделений, служит основой для выработки тактики допроса отдельных участников процесса, позволяет уточнить личностные характеристики подсудимых, данные об их поведении до и во время судебного заседания, а также о возможных попытках оказать воздействие на потерпевших и свидетелей через посредников либо иным способом воспрепятствовать осуществлению обвинения.

Информация, полученная государственным обвинителем от сотрудников подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, необходима прокурору и для разработки тактики допроса отдельных лиц <4>, получения данных об определенных личностных характеристиках подсудимых, их поведении накануне судебного заседания и в процессе его проведения, о намерении оказать через посредников воздействие на потерпевших и свидетелей, оказать иное противодействие обвинению

И. Кисленко и С. Кисленко полагают, что помощь оперативно-розыскных органов может понадобиться в случаях необходимости получения ориентирующей информации, проверки достоверности отдельных источников доказательств. На практике, как пишут названные авторы, поводами для подобного обращения может служить:

- необходимость поиска дополнительных свидетелей, если сведения о них появились в процессе судебного разбирательства;
- необходимость получения дополнительных данных, характеризующих личность подсудимого (или свидетеля стороны защиты в целях формирования у суда критического отношения к его показаниям);

– необходимость в случае возникновения сомнений проверки доказательств и сведений, представленных стороной защиты, не заявленных в ходе предварительного следствия [2].

Необходимость использования результатов оперативно-розыскной деятельности при поддержании государственного обвинения не вызывает сомнений. Однако возникает вопрос: существует ли в действующем законодательстве полноценный механизм взаимодействия государственного обвинителя с органами, осуществляющими ОРД. В связи с этим представляется необходимым обратиться к вопросу о правовой основе такого взаимодействия, необходимость которого обосновывается упомянутыми ранее авторами.

УПК РФ не наделяет государственного обвинителя правом самостоятельного проведения каких-либо действий, связанных с доказыванием, за пределами зала судебного заседания. Также в УПК РФ нет упоминаний о возможности для государственного обвинителя давать органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, какие-либо поручения, указания и т. п.

Пункт 3 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ «Об ОРД») также не называет прокурора (государственного обвинителя) в числе лиц, имеющих право давать поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Таким правом обладает суд по уголовным делам, находящимся в его производстве, но поручения (определения) суда о производстве оперативно-розыскных мероприятий не могут быть направлены на исполнение неполноты расследования, проверку алиби подсудимого и т. п. Иное означало бы нарушение состязательного построения судебного разбирательства (ч. 3 ст. 15, ст. 244 УПК).

В то же время суд вправе выносить постановления о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц, в том числе по инициативе государственного обвинителя. Такие постановления в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об ОРД» будут являться основанием для проведения соответствующих оперативно-розыскных мероприятий. Часть 2 ст. 18 Федерального закона от 20 ав-

густа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» перечисляет должностных лиц и органы, которые уполномочены принять решение о применении мер безопасности в отношении лиц, нуждающихся в государственной защите: суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь с согласия руководителя следственного органа. Прокурора (государственного обвинителя) в этом перечне нет.

Таким образом, единственная законодательно признанная форма взаимодействия государственного обвинителя с ОРД — это опосредованная (через суд) и ограниченная мерами защиты потерпевших и свидетелей.

Изложенное ранее позволяет нам предложить внесение изменений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и УПК РФ.

Пункт 3 части 1 статьи 7 ФЗ «Об ОРД» целесообразно изложить в следующей редакции:

«3) поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве; поручения государственного обвинителя (прокурора) по уголовному делу, в производстве по которому в суде первой инстанции он принимает участие».

Одновременно мы предлагаем дополнить часть 4 статьи 11 указанного Закона, включив государственного обвинителя в перечень субъектов, которым представляются результаты оперативно-розыскной деятельности. В этом случае результаты ОРМ, проведенных по поручению государственного обвинителя, смогут в дальнейшем использоваться как для осуществления судебных действий (ч. 1 ст. 11), так и для доказывания по уголовным делам в порядке, установленном УПК РФ (ч. 3 ст. 11).

Кроме того, для уточнения и совершенствования процессуального статуса государственного обвинителя полагаем необходимым закрепить его право давать поручения оперативно-розыскным органам также в части 5 статьи 246 УПК РФ.

Литература:

1. Исаенко В., Павлова Е. Восполнение государственным обвинителем недостатков предварительного следствия в суде // Законность. 2016. N 7.
2. Кисленко И., Кисленко С. Эффективность взаимодействия прокурора с иными участниками уголовного судопроизводства при поддержании государственного обвинения // Законность. 2015. N 9.
3. Криминалистика для государственных обвинителей: Учебник / Под ред. А. Ф. Козусева, В. Н. Исаенко, А. М. Кустова; Академия Генеральной прокуратуры РФ. М.: Норма; ИНФРА-М, 2015. С. 319.
4. Приказ Генерального прокурора РФ от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».
5. Уголовнопроцессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.06.2026). — Москва: Проспект, 2026. — 432 с.

Правовой статус результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании

Шарин Кирилл Евгеньевич, студент

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

В соответствии с частью 1 статьи 88 УПК РФ [7], критерии относимости, достоверности и допустимости, установленные уголовно-процессуальным законом для доказательств, представляют собой фундаментальные, основополагающие начала уголовного судопроизводства. Согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ [7], доказательствами признаются любые сведения, служащие основанием для установления судом, прокурором, следователем или дознавателем (в процессуальном порядке, предусмотренном УПК) наличия либо отсутствия обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а также иных значимых для дела обстоятельств. Часть 2 данной статьи закрепляет открытый перечень таких доказательств, включающий, в частности, иные документы.

В доктрине уголовного процесса и в правоприменительной практике работниками правоохранительных органов длительное время ведется дискуссия относительно допустимости отнесения результатов оперативно-розыскной деятельности (в том числе в качестве иных документов) к надлежащим доказательствам по уголовному делу. Доминирующая в научном сообществе позиция исходит из того, что такие результаты не могут быть использованы как доказательства в силу их несоответствия процессуальным критериям, закрепленным в УПК РФ, прежде всего из-за отсутствия надлежащей процессуальной формы их оформления. Например, с точки зрения Е. Доли, позиция авторов, допускающих возможность использования оперативно-служебных документов в качестве доказательств (иных документов) в уголовном судопроизводстве, ведет в конечном счете к смешению оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, возможности подмены одним видом деятельности другого, что в принципе недопустимо [4].

Аналогичную позицию занимает и российский юрист, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, — И. Л. Бедняков, отмечая, что оперативно-розыскные мероприятия проводятся в соответствии с иным федеральным законодательством и поэтому не отвечают тем требованиям, которые УПК предъявляет к доказательствам. При этом он справедливо отмечает, что игнорирование способов выявления и установления обстоятельств совершенного деяния, предусмотренных иным, кроме уголовно-процессуального, законодательством, недопустимо. Раскрытие преступления, установление лица, подозреваемого в его совершении, — это деятельность, в первую очередь, внепроцессуальная, осуществляемая органами дознания до момента фактического задержания лица, в отношении которого есть основания для подозрения его в совершении преступления.

Такая деятельность должна быть регламентирована не УПК, а иным законодательством [3].

В целях неукоснительного соблюдения законодательства Российской Федерации органами предварительного следствия и дознания, в том числе при решении вопроса о направлении результатов оперативно-розыскной деятельности в органы дознания, предварительного следствия или в суд, прокурор может и должен реализовать свои надзорные полномочия.

На наш взгляд, использование результатов ОРД допустимо при формировании доказательной базы по уголовному делу. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть введены в уголовный процесс путем придания им надлежащей процессуальной формы, что открывает возможность их использования в качестве доказательств. Так, например, протокол изъятия предметов, составленный в рамках ОРМ, не является доказательством сам по себе. Для этого он подлежит осмотру в порядке следственного действия с обязательным составлением протокола в соответствии с требованиями ст. 166 УПК РФ.

Иная правовая позиция сформирована Конституционным Судом РФ в Определении от 23 апреля 2020 г. N 1055-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павелкина Виталия Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [5]. Согласно позиции суда, проведение оперативно-розыскных мероприятий закон связывает непосредственно с возникновением, изменением и прекращением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. Общность публично-правовых отношений по поводу проверки информации о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, которые подпадают под действие как УПК, так и Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», свидетельствует о том, что проведение оперативно-розыскных мероприятий по поручению дознавателя, следователя не противопоставляется следственным и иным процессуальным действиям, а согласуется с ними. Кроме того, Конституционный суд Российской Федерации подчеркнул, что образцы, полученные в ходе ОРМ, не являются готовыми доказательствами, а выступают лишь материалом для последующего исследования и средством получения доказательств, которые в дальнейшем оцениваются по правилам ст. 87 и 88 УПК.

Таким образом, из позиции Конституционного суда Российской Федерации следует, что оперативно-розыскные мероприятия нужно рассматривать не как самостоятельный источник доказательств, а как организационно-правовую предпосылку или же основу для последующего

формирования доказательственной базы. Они предшествуют следственным действиям, проводимым в уголовно-процессуальном порядке, однако сами по себе не обладают статусом доказательств в том значении, которое придается этому понятию статьей 74 УПК РФ.

Верховный суд Российской Федерации частично разделяет данную позицию, отмечая, что у результатов оперативно-розыскной деятельности и доказательств, полученных в соответствии с УПК, различный правовой статус [6]. Он разграничивает результаты ОРД и доказательства, то есть первые служат лишь фактическим материалом, который подлежит обязательной проверке, а доказательствами же становятся только те данные, которые выявлены и зафиксированы в ходе производства следственных действий по правилам УПК РФ.

Выборочный анализ судебной практики показывает, что, следуя позиции Верховного Суда Российской Федерации, суды оценивают результаты оперативно-розыскной деятельности не как доказательства, всесторонне проверяют соблюдение законодательства при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Например, суд апелляционной инстанции отметил, что оператив-

но-розыскные мероприятия проведены в соответствии с требованиями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и результаты оперативно-розыскной деятельности не содержат нарушений требований уголовно-процессуального закона, предъявляемых к доказательствам [1]. В другом судебном акте суд, опровергая доводы защиты о недопустимости результатов оперативно-розыскной деятельности, прямо указал, что сами по себе результаты оперативно-розыскной деятельности не являются доказательствами по делу, а были использованы органами предварительного следствия для подготовки и осуществления следственных действий [2].

Из изложенного следует, что результаты ОРД занимают двоякое процессуальное положение: с одной стороны, они служат юридическим фактом, влекущим возбуждение уголовного дела, а с другой выступают источником для последующего доказывания, поскольку направляют и обуславливают производство следственных действий по правилам УПК. В этой связи полагаем недопустимым недооценивать значение оперативно-розыскной деятельности как законного средства борьбы с преступностью и фундамента для принятия законного процессуального решения.

Литература:

1. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 6 февраля 2020 г. № 22–491/2020 // Сборник судебных решений по уголовным делам (раздел «Судебная практика») / сост. И. В. Петрова. — Ростов-на-Дону: Изд-во РГУПС, 2021. — С. 15–22.
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2020 г. № 222-АПУ19–6 // Сборник судебных актов по уголовным делам (военные суды) / под ред. А. В. Бриллиантова. — Москва: Проспект, 2021. — С. 112
3. Бедняков И. Л. Досудебное производство: между прошлым и будущим // Уголовное судопроизводство. 2018. № 4.
4. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография. М.: Проспект, 2009.
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2020 г. № 10550 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павелкина Виталия Александровича на нарушение его конституционных прав статьёй 202 Уголовнопроцессуального кодекса Российской Федерации» // Сборник определений Конституционного Суда РФ. 2020 год. — Москва: Юридическая литература, 2021. — С. 412
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики. 1994–2000 гг. / под ред. В. М. Лебедева. — Москва: Норма, 2001. — С. 112
7. Уголовнопроцессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174ФЗ (ред. от 10.06.2026). — Москва: Проспект, 2026. — 432 с.

Гарантии обеспечения прав участников уголовного судопроизводства в ходе судебного разбирательства

Юмадилова Арина Айратовна, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматриваются гарантии обеспечения прав участников уголовного судопроизводства в ходе судебного разбирательства как ключевого этапа реализации конституционных принципов справедливого правосудия. Автор ана-

лизирует систему процессуальных гарантий, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе РФ с акцентом на их практическую реализацию. Особое внимание уделяется двум системным проблемам современного уголовного процесса: недостаточной эффективности права на квалифицированную юридическую помощь (формальный подход к участию защитника, особенно по делам с назначением адвоката судом) и дисбалансу в реализации прав обвиняемого и потерпевшего при соблюдении принципа состязательности. На основе анализа научных трудов ведущих российских процессуалистов (А. П. Гуценко, Л. В. Карнеевой, М. С. Кругликова, В. П. Бойкова) предлагаются конкретные пути решения выявленных проблем: реформа оплаты труда адвокатов по назначению, установление минимальных стандартов качества защиты, детализация процессуального статуса потерпевшего, развитие института медиации. Сделан вывод о необходимости перехода от формального закрепления прав к их реальной реализации через совершенствование законодательства, повышение профессиональной культуры участников процесса и усиление судебного контроля.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебное разбирательство, гарантии прав, подсудимый, потерпевший, право на защиту, состязательность, УПК РФ.

Guarantees of ensuring the rights of participants in criminal proceedings during court proceedings

Yumadilova Arina Airatovna, student

Ural Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Chelyabinsk)

The article examines the guarantees of ensuring the rights of participants in criminal proceedings during the trial as a key stage in the implementation of the constitutional principles of fair justice. The author analyzes the system of procedural guarantees enshrined in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with an emphasis on their practical implementation. Special attention is paid to two systemic problems of the modern criminal process: the insufficient effectiveness of the right to qualified legal assistance (a formal approach to the participation of a defense attorney, especially in cases where a lawyer is appointed by the court) and the imbalance in the implementation of the rights of the accused and the victim while respecting the principle of adversarial proceedings. Based on the analysis of the scientific works of leading Russian proceduralists (A. P. Gutsenko, L. V. Karneeva, M. S. Kruglikov, and V. P. Boykov), specific solutions to the identified problems are proposed: reform of the remuneration of appointed lawyers, establishment of minimum standards for the quality of defense, and detailed.

Keywords: criminal proceedings, trial, guarantees of rights, defendant, victim, right to defense, adversarial proceedings, Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Проблема процессуальных гарантий считается одной из важнейших и актуальных в науке уголовного судопроизводства. Она исследовалась в разных аспектах, и прежде всего в направлении развития гарантий прав и законных интересов личности. Поэтому повышение эффективности судопроизводства и охрана личности в уголовном процессе остаются целью изучения многих ученых. Под процессуальными гарантиями понимают как гарантированность прав личности в уголовном судопроизводстве, так и гарантию осуществления правосудия. Процессуальные гарантии выступают в качестве способов реализации прав личности при производстве по уголовному делу, а также обеспечивают реализацию интересов правосудия, т. е. достижение истины по уголовному делу. Таким образом, гарантии осуществления правосудия и гарантии интересов личности в уголовном процессе неразрывно связаны между собой, они не могут реализовываться отдельно друг от друга. Реализация правового статуса участников уголовного процесса сама по себе не решает вопросов обеспечения прав личности. Нормы, записанные на бумаге, но не обеспеченные системой гарантий, — пустой звук. Процессуальные гарантии в суде — это принципы рассмотрения уголовного

дела, нарушение которых влечет вынесение несправедливого приговора. Без них невозможно рассмотрение уголовного дела судами, где подсудимому реально предоставлен комплекс прав, которые ограждают его от возможности несправедливого осуждения. В уголовно-процессуальном законодательстве закреплена система процессуальных гарантий, которые связаны со следующими сферами судебной деятельности:

- 1) организация правосудия в целом — эти гарантии по сути являются принципами, определяющими уголовно-процессуальный строй, они являются гарантиями правосудия;
- 2) обеспечение нормальной деятельности досудебного и судебного производства по уголовному делу;
- 3) непосредственное обеспечение прав участников процесса.

Уголовное судопроизводство является сферой государственной деятельности, где права человека затрагиваются наиболее остро, так как возможно применение различных мер уголовно-процессуального принуждения, решается вопрос об уголовной ответственности лица, его свободе. В уголовное судопроизводство вовлекаются потерпевшие в результате преступлений и другие граждане.

Все они обладают правами, которые нуждаются в надлежащем обеспечении в соответствии с международными требованиями. Несомненно, именно гарантии, обеспечивающие права личности в уголовном процессе, регламентируют движение уголовного дела. Права, предоставляемые тому или иному участнику уголовного судопроизводства, должны обеспечиваться надлежащими гарантиями. Нельзя не заметить, что в области прав личности вообще, а особенно в уголовном процессе, за последние годы произошли серьезные изменения. В первую очередь они коснулись прав и гарантий обвиняемого, которому действующий Уголовно-процессуальный кодекс предоставил их гораздо больше. Например, обвиняемый получил право иметь свидание с защитником наедине и конфиденциально, в том числе до первого допроса обвиняемого, без ограничения продолжительности. Эта норма гарантирует соблюдение прав обвиняемого при производстве по уголовному делу. Она позволяет обвиняемому лучше уяснить правовые последствия предъявленного обвинения, выработать позицию защиты, проанализировать полученные доказательства. Если она будет нарушена, то впоследствии данные сведения признают недопустимыми доказательствами. Эти концептуальные аспекты оказались востребованными законодателем и нашли закрепление в ст. 75 УПК РФ. Таким образом, признание доказательства недопустимым означает, что оно не может быть положено в основу обвинения, а также в основу приговора, т. е. теряет юридическую силу.

В ходе судебного разбирательства центральной стадии уголовного процесса реализуются ключевые гарантии справедливого правосудия, закрепленные Конституции РФ (ст. 46, 47, 48, 49) [1]. Однако на практике эффективность этих гарантий сталкивается с рядом системных проблем, требующих научного осмысления и законодательного решения. Судебное разбирательство представляет собой стадию, где наиболее полно проявляется состязательный характер уголовного процесса. УПК РФ предусматривает комплекс гарантий для всех участников: подсудимого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, защитника, прокурора и других лиц. Для подсудимого ключевыми гарантиями выступают: презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ), право на защиту (ст. 48 Конституции РФ, ст. 49–53 УПК РФ), право не свидетельствовать против себя (ст. 51 Конституции РФ), право на участие в судебном заседании, право на последнее слово (ст. 293 УПК РФ), право на обжалование приговора. Для потерпевшего гарантиями являются: право на участие в судебном заседании, право на дачу показаний, право на заявление ходатайств и отводов, право на примирение с обвиняемым (по делам частного и частно-публичного обвинения), право на возмещение вреда (ст. 42 УПК РФ) [2]. Особое значение имеют процессуальные гарантии, обеспечивающие равенство сторон: право на ознакомление с материалами дела, право на участие в исследовании доказательств, право на выступление с речью в прениях сторон. Эффективность этих гарантий

напрямую зависит от качества их реализации на практике, что обуславливает необходимость анализа существующих проблем.

Недостаточная реализация права на квалифицированную юридическую помощь. Одной из наиболее острых проблем остается формальный подход к обеспечению подсудимого защитником [10]. Несмотря на конституционное закрепление права на защиту, на практике часто наблюдается ситуация, когда адвокат привлекается к участию в деле формально, без реального обеспечения качественной защиты. Как отмечает профессор А. П. Гущенко, «часто защитник становится «техническим участником» процесса, не оказывающим реального влияния на ход судебного разбирательства». Особенно остро эта проблема стоит в случаях назначения защитника по назначению суда, когда адвокат получает минимальное вознаграждение и не имеет стимула для глубокой проработки дела. Профессор Л. В. Карнеева подчеркивает, что «реализация права на защиту зависит не только от формального присутствия адвоката, но и от его профессиональной компетентности, времени на подготовку и доступа к материалам дела» [11].

Путем решения данной проблемы является реформа системы оплаты труда адвокатов, участвующих в делах по назначению суда, с установлением минимальных тарифов, соответствующих сложности дела. Введение обязательных стандартов качества защиты, включая минимальное время на ознакомление с материалами дела перед судебным заседанием. Усиление ответственности адвокатов за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей через институт адвокатской палаты. Развитие института общественных защитников при университетах для обеспечения альтернативной бесплатной помощи.

Второй системной проблемой является дисбаланс в реализации прав обвиняемого и потерпевшего. УПК РФ декларирует равенство сторон, однако на практике права потерпевшего зачастую оказываются ограниченными. Профессор М. С. Кругликов отмечает: «Потерпевший в российском уголовном процессе занимает амбивалентное положение: с одной стороны, он является субъектом процесса, с другой — его интересы часто отодвигаются на второй план в пользу интересов государства (через прокурора) и обвиняемого». Особенно остро эта проблема проявляется при отказе в удовлетворении ходатайств потерпевшего об истребовании дополнительных доказательств или при ограничении его права на участие в прениях сторон. Одновременно чрезмерная активизация потерпевшего может нарушать презумпцию невиновности подсудимого [12]. Как справедливо указывает профессор В. П. Бойков, «необходимо соблюдать баланс: права потерпевшего не должны превращаться в инструмент давления на суд с целью получения обвинительного приговора любой ценой». Российская практика демонстрирует случаи, когда потерпевшие используют процессуальные права для оказания психологического давления на подсудимого, что противоречит принципу гуманизма [13].

Решением данной проблемы является детализация процессуального статуса потерпевшего в УПК РФ с четким разграничением его прав и полномочий прокурора как стороны обвинения. Введение обязательного разъяснения судом прав потерпевшего перед началом судебного разбирательства с фиксацией в протоколе. Развитие института медиации в уголовном процессе для примирения сторон до вынесения приговора по делам небольшой и средней тяжести. Обеспечение права потерпевшего на получение квалифицированной юридической помощи за счет бюджета в случаях, когда вред, причиненный преступлением, существенно ограничивает его возможности по самостоятельной защите интересов.

В связи с этим хотелось бы отметить, что уголовное судопроизводство будет эффективным только в том случае, когда ограничение прав и свобод подозреваемого, обвиняемого будет соизмеримо соотноситься с необходимостью данных ограничений, обстоятельствами, характеризующими личность в условиях обеспечения прав всех участников уголовного судопроизводства. Наш вывод подтверждает мнение профессора А. В. Смирнова: «Возникают и исчезают государства, приходят и уходят правительства, оставляя за собой бумажную шелуху мёртвых законов, но

через хаос политических страстей и суетность интересов пробивается родник правды и справедливости, называемый Правом» [14]. Таким образом, особую ценность научная мысль приобретает только в случаях, когда научные выводы воплощаются в реальные изменения в закон.

Таким образом, гарантии прав участников уголовного судопроизводства в ходе судебного разбирательства представляют собой сложную систему, требующую постоянного совершенствования. Анализ показывает, что формальное закрепление прав в законодательстве не всегда обеспечивает их реальную реализацию. Ключевыми проблемами остаются недостаточная эффективность права на защиту и дисбаланс в реализации прав различных участников процесса. Решение этих проблем требует комплексного подхода: совершенствования законодательства, повышения профессионального уровня участников процесса, усиления судебного контроля за соблюдением прав и гармонизации национального законодательства с стандартами справедливого судопроизводства. Только при условии обеспечения реальных, а не декларативных гарантий можно говорить о достижении главной цели уголовного судопроизводства — установлении истины при неукоснительном соблюдении прав всех участников процесса [15].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 27. — С. 4276.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2011 г. № 174-ФЗ: по сост. на 28 февраля 2025 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.
3. Алексеева, Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация общепризнанных принципов и норм международного права в УПК РФ / Л. Б. Алексеева // Российское правосудие. — 2023. — № 5. — С. 28–36.
4. Беляева, И. М. Проблемы внедрения электронного формата уголовного расследования / И. М. Беляева, А. К. Куцаинова, Б. М. Нургалиев // Уголовный процесс. — 2022. — № 3. — С. 15–22.
5. Власов, Д. А. К вопросу о новой модели досудебного производства и участия прокурора в предварительном следствии / Д. А. Власов // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 4 (220). — С. 45–51.
6. Зиновьева, Е. А. Судебный контроль в уголовном процессе: проблемы и решения / Е. А. Зиновьева // Российский следователь. — 2022. — № 7. — С. 33–40.
7. Крылова, Л. П. Роль суда в защите прав потерпевших в уголовном процессе / Л. П. Крылова // Уголовно-процессуальное право. — 2022. — № 3. — С. 74–82.
8. Петрова, О. В. Защита прав и свобод личности в уголовном процессе / О. В. Петрова, А. А. Данилевич // Право и демократия. — 2023. — № 2. — С. 38–45.
9. Федоров, А. В. Меры пресечения и принуждения в уголовном процессе: проблемы правоприменения / А. В. Федоров // Российский следователь. — 2023. — № 7. — С. 22–29.
10. Гуценко А.П. Проблемы обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту в уголовном процессе // Российский юридический журнал. 2018. № 4. С. 78–85.
11. Карнеева Л.В. Проблемы обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого в досудебном уголовном производстве // Уголовный процесс. 2020. № 3. С. 45–52.
12. Кругликов Л.В. Проблемы реализации прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2019. № 5. С. 67–79.
13. Бойков В.П. Правовой статус потерпевшего в уголовном процессе: теория и практика // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 112–125.
14. Смирнов А.В. Состязательность и равноправие сторон в российском уголовном процессе: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2023. № 2. С. 55–63.
15. Полянский Н.Н. Советское уголовное процессуальное право. М.: Госюриздат, 1947. 424 с.

ИСТОРИЯ

Соляная промышленность г. Славянска в конце XIX — начале XX века: к 381-й годовщине города

Степанюк Мария Сергеевна, студент
Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

В настоящей статье автором рассматривается история становления и развития соляной промышленности г. Славянска в дореволюционный период. На основе архивных материалов и научных публикаций автором анализируются геологические предпосылки возникновения солёных озёр, технологические особенности получения соли, а также динамика роста числа солеваренных заводов и объёмов производства в конце XIX — начале XX в. Делается вывод о том, что Славянск в указанный период являлся одним из ключевых центров соляной промышленности на Донбассе.

Ключевые слова: Донбасс, соляная промышленность, Славянск, солёные озера, солеварение.

Изучение истории родного края актуализируется важностью сохранения исторической памяти, а также частичной малоизученностью рассматриваемых в краеведении тем [1]. Говоря об истории Донбасса — региона, который за последние годы переживает тяжелейшие испытания, — нельзя не вспомнить о местах, которые в своё время помогли краю стать промышленным центром юга России.

Одним из таких населённых пунктов был г. Славянск, которому в региональной историографии уделяется не так много внимания, в отличие от Бахмута, Донецка или Мариуполя. История развития и становления промышленности города рассматривалась Ключковым Ю. А. Вопросы возникновения соляных озёр и геологических процессов, стоящих за этим, освещались в трудах Юзбашева Л., Подорванова Н. С. и Леваковского И. При написании настоящей статьи мы также обращались к фондам Государственного архива Донецкой Народной Республики и Российского государственного архива.

Славянск, расположенный на низменной песчаной равнине, издавна носил статус одного из ключевых центров соляной промышленности на Донбассе [2]. Основанный в качестве форпоста в XVII в., Славянск к 1917 г. представлял из себя волостной заштатный городок, привлекавший жителей из разных уголков Российской Империи.

Начало солеварению на Торских соляных озёрах было положено в XVII в. В то время территория современного Славянска очень привлекала беглое население Слобожанщины, а также зависимых жителей с других территорий Русского государства [3, с. 19].

Подъём промышленности в России во второй половине XIX в. вынуждает проводить большое количество

геологических экспедиций. Первое научное предположение о наличии месторождения каменной соли в этих местах было сделано в 1820-х годах геологом Е. Ковалевским в статьях «Опыт геогностических исследований в Донецком горном кряже» и «Геогностическое обозрение Донецкого горного кряжа», однако на практике это было подтверждено лишь в 1872 г., когда по указанию горного инженера А. Д. Кондратьева (почти одновременно в Бахмуте и Славянске) двумя буровыми скважинами были встречены вначале насыщенные соляные рассолы, а впоследствии обнаружены залежи каменной соли.

Несмотря на это открытие, добыча соли шахтным способом в Славянске не велась. Этому способствовали неудачи при бурении первых разведочных скважин, которые на определённой глубине обваливались. Горный инженер Л. Юзбашев предполагал даже возможное умышленное искажение результатов бурения, чтобы устранить конкурентов и возникновение новых компаний [4, с. 225–226].

Для Славянской соляной промышленности было характерно вываривание рассолов на чренах — больших сковородах, специально предназначенных для выпарки соли. Стоит отметить, что разработка соляного пласта таким способом в разы опаснее, чем добыча при помощи шахт.

Носов А. А. в своей статье в «Горном журнале» написал следующее: «Извлечение из месторождений каменной соли, посредством рассолов, есть процесс хищнический, потому что он влечет за собой образование пустот и обвалов, а от них происходит порча и самого месторождения каменной соли, — так, что лучше всего, для сбережения солёного месторождения, производить добычу каменной соли, посредством горных разработок, что признано за непреложную истину и за границей, не смотря на суще-

ствующие солеваренные заводы» [5]. И эти заявления позднее будут подтверждены частыми почвенными провалами в городе.

С 1872 г. количество солеваренных заводов начинает стремительно расти. К 1892 г. в городе действует 21 солеваренный завод, из которых, как минимум, 6 принадлежали Товариществу Славянских солезаводчиков (далее — Товарищество). В 1892 г. члены Товарищества заключают договор с городской управой об отпуске соляного рассола, поскольку в городе на тот момент существовала кризисная ситуация. Согласно договору, до 1 мая 1895 г. Товарищество обязывалось отпускать рассол для Городской Управы из «компанейской» скважины и скважины П. В. Михайловского. В период с 1889 по 1891 г. Товариществом Славянских солезаводчиков было продано 12857 вагонов соли, что составляло около 40 % от всей производительности [6].

В начале XX века промышленные показатели соляных заводов начали стремительно расти. Так, если в 1891 г. было продано 4214 вагонов, то в 1901 г. это число равнялось 5110 вагонам, а в 1905–11088 вагонов.

Как видно из отчёта о производительности Славянских солеваренных заводов, такой рост показателей был обусловлен постройкой новых заводов, а также модерни-

зацией старых. Теперь каждый солеваренный завод города был оборудован сковородами. Порой количество этих сковород доходило до 9 штук на одном заводе, как у П. В. Михайловского. По состоянию на 1905 год, на всех солеваренных заводах было 66 сковород [7]. Тенденции роста и развития соляной промышленности в городе сохранялись и в последующие годы.

В 1910 г. образовывается Акционерное общество «Солевакум» [8]. Тогда же была создана и Контора Е. А. Веллера — представителя Алексеево-Васильевского механического солеваренного завода товарищества братьев Гольберг, а в 1911 учреждается «Славянское солепромышленное Акционерное общество» [10]. К 1918 году в городе работает 35 солеваренных заводов [9].

Таким образом, в дореволюционные годы пик солеваренной промышленности пришелся на конец XIX — первую половину XX века. В этот промежуток количество вываренной соли достигает 11088 вагонов в год, а количество работающих заводов возрастает до 35. Помимо этого, мы наблюдаем открытие различных акционерных обществ и товариществ, что говорит о привлекательности и возрастании значимости Славянска как одного из центров соляной промышленности на Донбассе в ту эпоху.

Литература:

1. Степанюк, М. С. Развитие Славянского солепромысла в конце XIX — первой половине XX в. / М. С. Степанюк // Юзовские чтения им. Анатолия Жарова «Краеведческие поиски и находки». — Донецк, 2025. — URL: <https://lib-dpr.ru/docs/reading/finides/stepaniuk.pdf>
2. Леваковский, И. О славянских соляных озёрах / И. Леваковский. — Харьков, 1870. — 12 с.
3. Клочков, Ю. А. Славянск историко-публицистический очерк / Ю. А. Клочков. — Сталино, 1960.
4. Юзбашев, Л. Определение округа охраны Славянских источников минеральных вод / Л. Юзбашев // Горный журнал. — 1897. — № 5. — с. 223–267
5. Подорванов, Н. С. Природа карстовых процессов в галогенных осадках Донецкой Перми на примере Бахмутской котловины / Подорванов Н. С., Савченко Е. А. — Артемовск, 1969 г. 3. ГА ДНР. Ф. 91. Оп. 1. Д. 8
6. Договор членов товарищества Славянских солезаводчиков с городской управой об отпуске соляного рассола. Список заводов и сведения о их производительности // Государственный архив Донецкой Народной Республики. — Ф. 91. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 1–4
7. Отчет о производительности Славянских солеварных заводов. — Государственный архив Донецкой Народной Республики. — Ф. 91. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 1–4
8. Дело Министерства торговли и промышленности об учреждении акционерного общества солииспарительных заводов «Солевакум» в г. Славянске Харьковской губ / Министерство торговли и промышленности. — Российский государственный исторический архив. — Ф. 23. — Оп. 12. — Д. 760
9. Списки промышленных предприятий и их владельцев города Славянска. — Государственный архив Донецкой Народной Республики. — Ф. 91. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 1–5
10. Дело Министерства торговли и промышленности об учреждении «Славянского солепромышленного акционерного общества» в Харьковской губ. / Министерство торговли и промышленности. — Российский государственный исторический архив. — Ф. 23. — Оп. 12. — Д. 1058

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 36 (639) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 16.09.2026. Дата выхода в свет: 23.09.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.